

С.Н. Абдуллаев

ДРАГОЦЕННОСТИ ТЮРКСКОГО СИНТАКСИСА

(по «следам» М. Каизгари)

Редакционная коллегия:

Н.Н. Ефремов, В.Н. Мушаев, К. Н. Махпиров



Алматы, 2024

УДК 80/81

ББК 81.2

A13

Утверждено к печати Ученым советом Иссык-Кульского государственного университета им. К. Тыныстанова

Рецензенты:

А.В. Дыбо, доктор филол. наук, профессор, член-корреспондент РАН
(Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия).

А. Инайят (Турция), доктор филол. наук, профессор.

Абдуллаев С.Н.

A 13 Драгоценности тюркского синтаксиса/ Ред.кол. Н.Н. Ефремов, В.Н. Мушаев, К.Н. Махпиров. Фонд культ. тюркских народов. – Алматы: ИД «МИР», 2024. – 208 с.

ISBN 978-601-7692-22-3

Настоящее исследование посвящено описанию сущностных единиц синтаксиса тюркских языков. Современной лингвистической наукой они признаются основными единицами синтаксического строя языка. В монографии показывается универсальный и базовый характер синтаксем, служащих предпосылкой для выражения всего жизненного опыта носителей тюркских языков.

Книга издана Фондом культуры тюркских народов «Туран дунияси» в рамках этнографического научно-исследовательского проекта «1000 лет спустя по пути Махмуда Кашгарского»

ISBN 978-601-7692-22-3

© Абдуллаев С.Н., 2024

© ФКТН, 2024

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. О СИНТАКСИСЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ	8
Глава 2. СИНТАКСЕМА (ЭПП) КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ	12
2.1. Синтаксемы (ЭПП) и их модели.....	12
2.2. Становление понятия модели элементарного простого предложения	23
2.3. Словосочетание как синтаксическая единица и его связь с синтаксемой	30
2.4. Моделирование предложения на монопредикативном уровне	36
2.4.1. Структурная схема как означающее синтаксемы.....	38
2.4.2. Пропозиция как означаемое синтаксемы.....	43
2.5. Моделирование предложения на полипредикативном уровне	59
2.5.1. Модели полипредикативных конструкций моносубъектного типа.....	60
2.5.2. Модели полипредикативных конструкций разносубъектного типа.....	81
Глава 3. СИСТЕМА СИНТАКСЕМ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ	126
3.1. Модели односоставных синтаксем (ЭПП)	126
3.2. Модели двусоставные синтаксем (ЭПП)	128
3.2.1. Глагольные модели.....	131
3.2.1.1. Одноактантные модели	131
3.2.1.2. Двухактантные модели.....	132
3.2.1.3. Трехактантные модели	151

3.2.2. Именные модели синтаксем.....	153
3.2.2.1. Одноактантные модели ЭПП с именным предикатом.....	157
3.2.2.2. Двухактантным модели ЭПП с именным предикатом.....	162
3.2.3. Глагольно-именные модели с локализаторами.....	166
3.2.3.1. Модели местонахождения.....	166
3.2.3.2. Модели наличия, отсутствия и количества ...	167
3.3. Модели синтаксем фразеологизированного типа	172
3.3.1. Модели предложений собственно фразеологизированной структуры	174
3.3.2. Модели предложений частично фразеологизированной структуры	175
 Устойчивые синтаксические структуры несерийного образования	 183
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188
ЛИТЕРАТУРА	190
ПРИЛОЖЕНИЯ	203

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание осуществляется спустя 950 лет после того, как лингвист с мировым именем Махмуд Кашгари завершил свое известное сочинение «Диван лугат ат-түрк». Его другой труд, посвященный синтаксису тюркских языков, был написан еще раньше, но он не дошел до настоящих дней.

Данная книга возникла не сразу. Она сложилась в русле идей новосибирской научной синтаксической школы, в контексте метаязыка, сформировавшегося в процессе изучения полипредикативного синтаксиса тюркских и других языков. В результате автор пришел к системному описанию тех важных единиц языка, к которым приложима метафора «драгоценности синтаксиса тюркских языков», используемая М. Кашгари в названии его второго сочинения. Системный подход при осмыслении и оценке этих единиц (синтаксем) позволил теории тюркского синтаксиса выделиться среди других лингвистических традиций тем, что представилась возможность увидеть основные единицы синтаксического уровня как автономную самодостаточную систему с четко очерченными границами в отличие от прежнего расплывчатого описания «типов предложений». Системность и возможности варьирования превращают синтаксемы тюркских языков в богатство, позволяющее выражать в речи любую жизненную информацию.

Итак, одно из сочинений М. Кашгари «Китаб жавахир ан нахви фи лугат ат-түрк» (Книга драгоценностей синтаксиса тюркских языков), не дошло до наших дней, но мы можем констатировать, что издаваемая нами работа является своеобразным лингвистическим эхом, которое вдохновлено филологическим мировоззрением ученого сквозь века и стимулировано фактом наличия и, к сожалению, утери его синтаксического труда.

*Член Всемирной Ассамблеи тюркских народов,
директор фонда культуры тюркских народов «Туран дунияси»
К. Махпиров*

*Памяти замечательного лингвиста,
профессора М.И. Черемисиной посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Языковед с мировым именем, автор знаменитого энциклопедического труда «Диван лугат ат-турк» Махмуд Кашгари сам упоминает еще одно свое сочинение, названное им «Китаб жавахир ан нахви фи лугат ат-турк» (Книга драгоценностей синтаксиса тюркских языков), не дошедшее до современного читателя. Вполне возможно, что М. Кашгари, употребляя выражение «драгоценности синтаксиса тюркских языков», имел в виду не синтаксемы в качестве абстрактных единиц языка, как принято в современной лингвистике, а, например, выразительные образцы тюркской связной художественной речи. Но это выражение подтолкнуло и укрепило нас в намерении исследовать с позиций современной синтаксической науки значимость основных единиц тюркских языков (не речи) на синтаксическом уровне. За любыми изысканными образцами связной речи стоят сущности, благодаря которым возможно порождение потенциально бесконечного множества таких образцов, и это делает их по-настоящему ценными. Поэтому М. Кашгари попал в точку, когда писал о «драгоценностях синтаксиса тюркских языков».

М. Кашгари в своем труде «Диван лугат ат-турк» смотрел на тюркский лексический материал глазами носителей других языков, поскольку его основной целью было познакомить арабоязычных читателей с тюркскими языками. Следуя этой традиции, мы тоже ориентируемся на широкую аудиторию читателей, не обязательно являющихся носителями тюркских языков. По этой причине в процессе иллюстрации абстрактных единиц тюркских языков на уровне синтаксиса при помощи речевого материала в работе применяется метод глоссирования.

Синтаксис – алгебра языка. Единицы синтаксиса на уровне системы языка более консервативны, нежели лексический словарь. Они являются устоявшейся во времени, типологически выверенной «визитной карточкой» тюркских языков. Сопоставление с «давними родственниками» – монгольскими языками для синтаксиса релевантно, поскольку позволяет еще более точно верифицировать исконный механизм формирования и грамматическую природу синтаксических единиц, которые сформировались в далеком прошлом.

В настоящей работе ставилась цель показать, что синтаксемы являются основной единицей синтаксического строя тюркских языков, с которой связаны другие единицы, традиционно выделяемые на этом уровне. На примере уйгуроведческой лингвистической традиции показана динамика становления понятия синтаксемы, или универсального базового элементарного предложения. Описана система синтаксем, которая благодаря способности к широкому варьированию, создает предпосылки для выражения в языке информации о любой ситуации, связанной с жизненным опытом носителей тюркских языков.

ГЛАВА 1. О СИНТАКСИСЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Синтаксис является важным участком системы языка. Без синтаксиса трудно представить переход языка в речь, т. е. непосредственное и корректное практическое использование языка. Синтаксис выступает как высший и коммуникативный уровень языковой системы.

Термин «синтаксис» (восходит к греческому слову *syntaxis* – ‘по строение, сорасположение, строй’) определяется как наука о языке, которая исследует и формулирует правила речеобразования; таким образом, на синтаксическом уровне ярче всего проявляется взаимосвязь языка (системы) и речи (реализации языковой системы).

Язык – это система. Любая система есть набор элементов и отношений между ними. Поэтому составляющими языковой системы являются языковые единицы и способы их соединения. Например, такая единица языка, как слово, наиболее знакома всем. Но, даже освоив всю лексику, представленную в словаре, например, уйгурского языка, мы не сможем общаться, так как необходимо знать правила соединения слов в связной речи. Языковая система служит орудием выражения мыслей, чувств и волеизъявлений людей, это важнейшее средство человеческого общения.

Язык – это знаковая система, поскольку языковые единицы называются также языковыми знаками. Одновременно язык выступает как система подсистем, поскольку каждый уровень системы языка организуется в виде подсистемы. Одним из таких уровней является синтаксический уровень, который имеет свои единицы, свои знаки, организованные в систему.

Синтаксис тюркских языков подчиняется типологическим особенностям агглютинативных языков. Он является относительно консервативным уровнем системы языка. По сравнению с лексикой здесь изменения происходят намного медленнее. Поэтому синтаксис удобно использовать для того, чтобы систематизировать и классифицировать в теории общего языкознания языки между собой.

Фундаментальными понятиями синтаксиса являются понятия синтаксической связи и способов выражения синтаксической связи. Синтаксической связью называется формальное выражение смысловых отношений между сочетающимися в речи языковыми единицами. Соединяя слова в речи, человек передает различные отношения между явлениями и предметами окружающего его мира, в языке и речи эти отношения выражаются синтаксическими связями. В тюркских языках компоненты синтаксических единиц соединяются одними и теми же способами. Это основная закономерность синтаксиса тюркских языков. Эта закономерность является справедливой для словосочетаний, простых и сложных предложений и позволяет видеть адекватный «синтаксический портрет» тюркских языков.

Показателен пример ощущения различия между традиционным распространенным подходом к синтаксису как к учению об общих типах предложений (по сути, высказываний) и подходом, учитывающим типологические особенности строя тюркских языков. Известный тюрколог-синтаксист Е.И. Убрятова рассказывала, что замечательный уйгуровед С.Е. Малов относился к синтаксису как разделу языкознания, в котором описания языков по единой схеме в целом отличаются только примерами. Поэтому, считал он, стоит больше заниматься диалектологией и лексикологией. Однако, прочитав оригинальную рукопись Е.И. Убрятовой по синтаксису якутского языка, в которой акцентировалась особенность гипотаксиса тюркских языков, сказал, что при таком подходе ей «можно заниматься синтаксисом».

Синтаксис дает возможность изучать глубинные и абстрактные стороны языка. Этот раздел языкознания позволяет увидеть состояние языка без изменений относительно большого отрезка времени.

Данное обстоятельство объясняется высокой степенью обобщения языка в области синтаксиса. Чтобы еще больше почувствовать такое обобщение и в какой-то мере верифицировать его оправданно сравнивать между собой типологически близкие языки, в частности, тюркские языки с монгольскими языками. Конечно, между этими языками есть много различий в синтаксисе, и еще больше в лексике. Но сформировавшиеся в древности базовые правила формирования синтаксических единиц здесь часто совпадают. Это помогает нам увидеть глубинный механизм синтаксиса тюркских языков. Например, полипредикативные конструкции со значением оценки ситуации строятся по одинаковой для тюркских и монгольских языков структурной схеме:

(N2 ⇔ Tvp^{part}/) L mark / Adj mark (cop)

Кроме того, подобное сопоставление помогает достичь необходимого уровня синтаксической абстракции. Синтаксис является «алгеброй» языка. Другими словами, такой подход открывает возможности для описания типологических особенностей тюркских языков, а также выделять настоящие устоявшиеся единицы языка на данном уровне системы языка, опустившись «вглубь во времени». Во всяком случае тюрко-монгольские параллели в области синтаксиса больше приближают нас к эпохе М. Кашгари, нежели современный языковой материал – результат непрерывного развития конкретных тюркских языков.

На уровне синтаксиса очень важно различать единицы языка и речи, поскольку это отвечает требованиям современной лингвистической парадигмы. Такое последовательное различение в сфере синтаксиса для тюркских языков остается достаточно актуальной задачей.

Языкознание изучает прежде всего единицы языка. Они невидимы для восприятия, но они есть, и они системно организованы. Их можно сосчитать и представить в виде законченного списка. Про единицы речи такое сказать невозможно.

Для тюркского синтаксиса важно описать единицы языка на этом уровне в качестве системы. Чтобы достичь этой цели необходимо, во-первых, выявить и перечислить в виде законченного списка все сущностные эмические единицы языка на данном уровне системы языка. Их мы называем элементарными простыми предложениями (ЭПП), или синтаксемами. Во-вторых, необходимо установить основные системные отношения между этими сущностными единицами. В-третьих, важно установить границы, в которых появляются и используются варианты тех или иных базовых единиц, позволяющие расширить возможности синтаксем.

ГЛАВА 2. СИНТАКСЕМА (ЭПП) КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

2.1. Синтаксемы (ЭПП) и их модели

Синтаксис является самым сложным уровнем системы языка. В тюркском и монгольском языкознании на уровне синтаксиса предложения традиционно слабо проводилось разграничение языка и речи. Именно модельный подход явился катализатором подобной лингвистически значимой дифференциации. Сегодня уже всякое серьезное синтаксическое исследование с необходимостью предполагает видение в предложении двух единиц – единицы языка как системы знаков и единицы речи как реализации языковой системы. В этом видится несомненная релевантность исследований по моделированию предложения в тюркских, монгольских и других языках.

Когда мы говорим о предложении как единице языка, мы имеем в виду именно модели предложения, которые отображают синтаксемы. Модель предложения позволяет представлять сущностные синтаксические единицы, которые принадлежат области языкового подсознания. Они невидимы, и их нельзя непосредственно воспринимать. В процессе научного исследования благодаря определенным процедурам исследователь выходит на модели как на теоретические конструкты, своеобразные репрезентанты эмических сущностей.

Важным отличием моделей предложений от предложений как единиц речи, т. е. высказываний или фраз является возможность представления их закрытым конечным списком. В то же самое время по одной и той же модели в реальной речи может строиться бесконечное количество предложений-высказываний. Например, если обратиться к модели:

{N1 Adj (cop)} «кто/что – какой»,

то на ее основе можно сконструировать множество конкретных фраз.

кирг. *Тоолор абдан кооз* «Горы очень красивые»; *Үй жаңы* «Дом новый»; *Алма кызыл* «Яблоко красное».

тат. *Балеш бик тамле* «Пирог очень вкусный»; *Малай көчле* «Парень сильный»; *Урам тыныч* «Улица тихая».

уйг. *Нахша муңлуқ* «Песня задумчивая»; *Жигит толиму шох* «Парень очень озорной»; *Көл чирайлиқ* «Озеро красивое».

калм. *Үвл киитн* «Зима холодная».

Модели предложений как единицы языка образуют систему, внутри которой вступают между собой в разнообразные системные отношения: синонимии, омонимии и другие отношения. Внутри тюркской лингвистической общности каждый язык обладает уникальной системой моделей и вариантов элементарного простого предложения.

Тождество модели самой себе сохраняется внутри пространства парадигмы модели предложения. Парадигма предложения представляет из себя совокупность грамматических форм предложения [6:39–40; 65:352].

Единицы синтаксического уровня, как уже отмечалось, невидимы для непосредственного восприятия. Но в научном описании в виде системы появляется необходимость их показывать. Именно для этого исследователи используют модели. Модели отражают основные качества и свойства синтаксических единиц. В научном описании можно показывать модели в виде специальных формул. При такой записи используются специальные символы и знаки.

К примеру, модель {Nnom Ndat(LLoc) Vfmov} «кто – куда – движется» используется в тюркских языках для порождения в речемыслительной деятельности бесконечного множества фраз-высказываний определенного класса. Эти высказывания имеют значение движения определенного субъекта по направлению к определенному объекту.

ЭПП как базовые единицы синтаксического уровня являются основными единицами тюркских языков. Они обязательно образуют систему. Благодаря им на тюркских языках становится возможным передавать весь жизненный опыт их носителей. И уже только поэтому их можно назвать драгоценностями тюркских языков.

Чтобы исследовать такие единицы нужно провести анализ большого количества речевого материала. Потому что существует трудности доступа к ним как сущностным единицам языка. Подобно тому, как требуются определенные усилия, чтобы добраться до труднодоступных драгоценных жемчужин, необходимо проделать определенную исследовательскую работу с речевым материалом для того, чтобы обнаружить эти сущностные синтаксические единицы языка.

Итак, главная ценность базовых единиц языка заключается в том, что при их помощи можно передать любую информацию на данном языке. Все то, что происходило и происходит в этом подлунном мире, можно выразить благодаря использованию этих важных единиц языка, находящихся в языковом подсознании и передающихся из поколения в поколение.

Такие единицы языка мы называем элементарными или базовыми простыми предложениями. Это эмические единицы языка, или синтаксемы. В тюркских языках представлено несколько десятков базовых предложений. Репертуар таких эмических единиц языка системно организован.

То, что базовые простые предложения образуют систему и могут иметь варианты, позволяет им, как уже отмечалось, гибко функционировать и выражать весь жизненный опыт людей на тюркских языках. По этой причине их можно назвать основными единицами синтаксического уровня языка. На их основе в результате специальных синтаксических механизмов образуются различные осложненные и сложные синтаксические конструкции, а также связные блоки текста. В качестве примера

обратимся к примеру из романа П. Жилана, посвященного жизнедеятельности М. Кашгари.

Маһмут бовисиға қарап һәм хушал болди, һәм әжәпләнди [ПЖ, МК, 6].

Маһмут бови=си=ға кара=п һәм хушал бол=ди, һәм әжәплән=ди

Махмуд дед=POSS3=DAT смотреть=CV и=CONJ довольный быть=PAST и=CONJ удивляться=PAST

‘Махмуд, взглянув на своего деда, и обрадовался, и удивился’

Для порождения данного относительно не протяженного в линейном плане предложения-высказывания были использованы три синтаксемы, или ЭПП:

(N1 N3 Vфвспр «кто – на кого – что делать (смотреть)» – Маһмут бовисиға қариди «Махмуд взглянул на своего деда».

N1 Adj(сop) «кто – каков (есть)» -Маһмут хушал болди «Махмуд обрадовался (довольным стал)».

N1 N3 Vфэмоц «кто/что – кому/чему – испытывать состояние» – Маһмут бовисиға әжәпләнди «Махмуд удивился деду».

В устной и письменной речи по сравнению с «чистыми» реализациями синтаксем больше встречаются редуцированные, осложненные и распространенные высказывания-фразы. В данном примере мы имеем моносубъектную полипредикативную конструкцию, в основе которой лежат три базовые ЭПП. В речи в рамках одной моносубъектной конструкции эти ЭПП сочетаются на основе механизмов зависимой (инфинитная форма на -п) и независимой предикации (финитные формы на -ди плюс союз һәм).

Для того чтобы обнаружить и визуально продемонстрировать элементарные простые предложения, иначе говоря, представить их как модели, надо проанализировать много высказываний из устной речи и/или письменного текста. Результаты идентификации тюркских ЭПП возможно верифицировать путем сопоставления с близкородственными монгольскими языками.

В системе науки элементарные простые предложения, которые нельзя увидеть или услышать, очевидно, могут быть отражены только при помощи моделей. Исследовательские модели представляют собой цепочки (или нелинейные конфигурации) символов, подразумевающих формы и смыслы их лексических компонентов. В речи и текстах элементарные простые предложения реализуются через фразы, которые обычно содержат и факультативные компоненты, устраняемые в процессе анализа эмпирического материала и идентификации моделей. Иллюстрируются элементарные простые предложения высказываниями (фразами), освобожденными от избыточности. Другими словами, базовые простые предложения состоят только из тех компонентов, без которых смысл теряется. Остальные компоненты являются факультативными и избыточными.

Как единица языка элементарное простое предложение предстает в качестве структуры, вершиной которой является предикат. Предикат управляет обязательными именными позициями. Их в тюркских языках, как правило, может быть не более трех. Предложение, содержащее такие обязательные компоненты, называем элементарным простым предложением (ЭПП). Таким образом, элементарное простое предложение, или синтаксема, понимается как минимальная самодостаточная синтаксическая единица языка. Такая единица состоит из предиката (глагольного или именного) и тех обязательных актантов, которых требует данный предикат. Без актантов семантика предиката именно данной модели не раскрывается. Средствами ЭПП передается отношение между предметными участниками ситуации, выразителем которого является предикат (глагольный или именной): система его валентностей структурирует описание ситуации. К обязательным компонентам ЭПП относятся предикат и его обязательные распространители: подлежащее, прямое дополнение, некоторые косвенные дополнения, а при пространственных предикатах (глаголах бытия, местонахождения, движения, пере-

мещения) также и обстоятельства места. Состав обязательных компонентов ЭПП варьирует в зависимости от типа предиката. Определения и обстоятельства являются факультативными членами предложения, их наличие (или отсутствие) существенно не влияет на обобщенную семантику предложения, хотя в аспекте актуального членения может быть необходимым. Они являются средством свертывания пропозиций, вносят в предложение дополнительные смыслы, переводящие его в разряд неэлементарных. План содержания ЭПП соответствует одной пропозиции. Между типом пропозиции и способом ее выражения имеется определенное соответствие. Все компоненты ЭПП выражаются изосемически, и ни один из них не может быть развернут в самостоятельную предикативную единицу. Морфологическая природа предиката и его валентностные потенции чаще всего предопределяют тип предложений, в которых они могут использоваться. Однако синтаксические структуры обладают собственной семантикой, которая может отличаться от лексического значения предиката.

Таким образом, только модель делает элементарные простые предложения «видимыми». Они существуют в языковом подсознании носителей языка и через практику устного и письменного общения наследуются новыми поколениями.

Средством графического представления модели являются структурные формулы (схемы). В схемах с помощью символов разных типов фиксируется план выражения взаимно противопоставленных единиц этого уровня. Такая формула эксплицирует важнейшие признаки единицы языка и гарантирует тождество данной единицы языка самой себе при любом разумном лексическом наполнении символов. Структурные схемы могут быть как свободно и регулярно воспроизводимыми, «живыми», действующими, по которым в современных тюркских языках свободно строятся разнообразные предложения, так и несвободными, фразеологизированными, которые организуются лексически замкнутым кругом слов.

Для записи классов предикатов, предикативов, актантов и локализаторов в формулах могут использоваться разные символы, например, буквенные: глагольный предикат – V, субстантивный актант – N, адъективный компонент предиката – A; сокращения слов, например: (cop) – копула, или связка, в составе именных сказуемых; цифровые дескрипторы – маркеры падежей, сопровождающие символ N: N1, N2, N3. Используются и другие символы – стрелки, разные скобки и др.

Для обозначения позиций локализаторов (где, куда, откуда) в бытийно-пространственных моделях пока используются разные символы, например, символ L с дескрипторами: LLoc, LAdl, LDel. По мере необходимости вводятся дополнительные символы и дескрипторы. Например, предикаты сравнения, традиционно приравниваемые к послелогам, представляются в виде прямой записи и обобщаются дескриптором PrComp. Каждый из этих символов вводится в сопровождении указания на пределы его варьирования. Такого рода формулы моделей – например, N1 N6 Vf; N1 N1 (cop); N1 A (cop) и др. – представляют лишь план выражения данных единиц языка.

В основе синтаксических воззрений новосибирских исследователей лежат идеи, изложенные известным тюркологом Е.И. Убрятовой в ее исследованиях по синтаксису якутского языка [31]. Так, одной из таких идей явился тезис об изоморфизме средств выражения синтаксической связи единиц синтаксиса на моно- и полипредикативном уровнях. Дело в том, что во многих тюркологических частных традициях на уровне сложного предложения чувствовалось влияние русистики или традиций изучения европейских языков, вследствие чего адекватная диагностика и осмысление таких синтаксических единиц были затруднены. Тезис проф. Е.И. Убрятовой подтолкнул к проведению масштабных сопоставительно-типологических исследований, итоги которых подтвердили справедливость идей ученого. Сложилась концепция предикативного склонения, свойствен-

ного тюркским и монгольским языкам [84;58]. Были описаны системы и подсистемы полипредикативных конструкций по многим языкам алтайской языковой общности. В них использовались формулы моделей таких предложенческих структур. В процессе подобных исследований складывался метаязык и символы формульного представления моделей полипредикативных конструкций.

На следующем этапе представители данного научного направления приступили к решению задач идентификации моделей предложений монопредикативного уровня. Ставилась задача представления их закрытым списком. При этом использовались методы элиминации не облигаторных компонентов структуры предложения и соотнесения структурных схем с пропозициями. Были проведены исследования на материале алтайского, уйгурского, бурятского, тувинского и других языков.

В итоге предварительных исследований четко обрисовалось представление о том, что элементарное простое предложение является центральной единицей языковой системы. Элементарным признается такое простое предложение, которое состоит только из предиката, «верховного» члена предложения, непосредственно подчиненного ему необходимого, облигаторного «предметно-субстантивного окружения», – актантов и некоторых локализаторов. Локализаторами именуется компоненты предложения при предикатах местонахождения и движения, столь же необходимые здесь, как актанты при предикатах действия, состояния и отношений:

тат. *Без монда яшибез* [разг.].

без монда яши=без

мы здесь жить=1P1

‘Мы живем здесь’ N1 N5 Vf;

Балалар мэктэпкэ баралар. [разг.].

балалар мэктэпкэ баралар

ребенок=P1 школа=DAT ходить=P13

‘Дети идут в школу’ **N1 N3 Vf**.

карах.-уйг. *‘ардамсиздан кут жартилур* [ДЛТ, 381].

‘ардам=сиз=дан кут жартил=ур

честь=NEG=ABL счастье покидать= РТСР.НАВ

‘Удача покидает нечестивого» **N1 N6 Vf**

В языке и речи все «неэлементарные» синтаксические конструкции имеют в своей основе элементарные простые предложения. Так, например, словосочетания, вычленяются из элементарных простых предложений или из объединений элементарных простых предложений (например, группы однородных членов). Все синтаксические формы и конструкции более крупные, чем элементарные простые предложения, представляют собой результат объединения двух и более элементарных простых предложений, подвергающихся при этом различным языковым процессам редукционного типа.

Недоступные прямому наблюдению элементарные простые предложения, или синтаксемы, как языковые сущности могут быть и должны быть репрезентованы в научном описании моделями, в которых отражается исследовательское понимание этих объектов. Другими словами, модели нужны для того, чтобы «увидеть» единицы синтаксического уровня языка подобно тому, как в описании «Дивану лугат ат-тюрк» М. Кашгари модель *فعل* облегчает понимание морфологической природы исследуемого лексического материала и его классификации [35; 36; 37].

Моделирование – это специфическая методика исследования синтаксем. Оно обусловлено из понимания ЭПП как синтаксемы, как знака синтаксического уровня, который не может быть представлен непосредственно, потому что конкретное лексическое наполнение синтаксических позиций свойственно фразам. На уровне сущности конкретное лексическое наполнение отсутствует.

Модель ЭПП фиксирует облигаторные компоненты-позиции, которые представляются с помощью традиционных «симво-

лов-классов слов» *N, V, Adj, Adv*, где символ *N* сопровождается условными номерами падежей (*N1* – именительный (неопределенный), *N2* – родительный (притяжательный), *N3* – дательный, *N4* – винительный, *N5* – местный, *N6* – исходный, *N7* – творительный (инструментальный)). Задача создания минимизированного регистра падежей и аналогичных им форм, обслуживающих необходимые компоненты моделей, с присвоенными им порядковыми номерами, пригодных для всех языков, сегодня стоит как актуальная перед синтаксистами. Предварительные полученные итоги ориентированы на тюркские парадигмы. Важно подчеркнуть, что под синтаксическим углом зрения эти символы приобретают более широкий, не морфологический, а синтаксический смысл. Так, символ *N4* подразумевает не столько форму винительного падежа, сколько позицию прямого объекта, которую замещают формы и неопределенного, и исходного (частичного) падежей.

План содержания моделей представляет семантическая запись, в которой используются вопросительно-относительные местоимения. Предикаты, управляющие актантами и локализаторами, должны, в принципе, фиксироваться в семантической записи как имена отношений.

Проф. М.И. Черемисина и ее последователи в своих работах неизменно обращались к вопросам варьирования моделей ЭПП. В результате было установлено, что модели варьируют как в плане выражения, так и в плане содержания. Так, в плане выражения необходимый предметный член предложения может выражаться формами разных падежей, а в плане содержания варьирование связано с категориально-лексическим наполнением той или иной облигаторной позиции. Релевантным является вопрос о том, замещает ли облигаторную позицию личное имя, предметное или географическое понятие [см, например: 94:7].

Таким образом, соотношение понятий «*модель/вариант*» очевидно. Но есть случаи, когда сложно определить статус той или иной модели. Исследователи сталкиваются с дилеммой: яв-

ляется ли она самостоятельной моделью или лишь вариантом какой-то модели.

Говоря в общем, мы различаем два основных вида варьирования моделей предложения. Первый вид связан с появлением и устранением некоторого предметного участника ситуации, т.е. соответствующей позиции в модели. Это влечет за собой изменение некоторого оттенка в описании ситуации, оставляя неизменным основную синтаксическую семантику модели. Например.

Чўнки шу кўнлардә Мәһмут Қәшқәри өзиниң «Китаби жавахируннәһви фи лугәтит түрк» намлиқ әсирини йезишиқа киршиш кәткән болуп, пәқәтла бош вақти чиқмайтти [ПЖ, МҚ, 194]. 'Потому что в эти дни Махмут Кашгари активно приступил к написанию своей работы «Китаб жавахир ан нахв фи лугат ат-тюрк», и свободного времени у него не было'.

В этом предложении-фразе для нас интересна последняя предикативная часть *пәқәтла бош вақти чиқмайтти* 'у него совсем не было свободного времени (букв. совсем свободное время не выходило)' Она построена на основе модели **N1 N6 Vf_{mov}** «кто/что – откуда – выходить». Но поскольку здесь выражается темпоральная семантика, можно наблюдать устранение актанта-локализатора, т.е. происходит варьирование модели.

Второй вид варьирования связан с вариативностью грамматической (падежной) формы одного из актантов. Это тоже влечет за собой некоторое изменение в представлении о ситуации, но не меняет основного смысла данной модели.

Итак, элементарные (базовые) простые предложения выступают в качестве основной языковой единицы синтаксического уровня тюркских языков. Они упорядочены в виде системы, или подсистем. В таком виде они предстают как ядро всей синтаксической системы. Вокруг них группируются другие единицы синтаксиса, которые так или иначе образуются на основе элементарных простых предложений.

2.2. Становление понятия модели элементарного простого предложения

Современное представление о модели элементарного простого предложения как репрезентанте сущностных единиц языка в тюрко-монгольской синтаксической традиции сложилось не сразу. Оно прошло несколько этапов своего становления.

Чтобы проследить этот процесс обратимся к примеру уйгуроведческой традиции. Эволюция в развитии данного синтаксического понятия в уйгуроведении прошла несколько этапов, соответствующих этапам лингвистической абстракции синтаксического моделирования в тюркологии. Такое «движение по вертикали» шло в направлении от сравнительно упрощенного понимания указанного термина к увеличению лингвистической абстракции.

На первом шаге, в первом приближении под моделью простого предложения понимался некий обобщенный образец, составные компоненты которого совпадают с главными членами предложения. Остальные члены предложения при этом элиминировались. Таким образом, при таком понимании модели и обозначаемого ею объекта перед нами остается та часть и тот состав предложения, который в традиции именуется нераспространенным предложением [73:352].

Ценным при таком подходе на данной ступени лингвистической абстракции является установившееся четкое понимание необходимости дифференциации и разведения единиц языка (обобщенный образец, модель-образец) и речи (предложение-высказывание). При таком взгляде на синтаксис уйгурского языка мы уже не описываем, не анализируем какое-то вырванное из открытого множества предложений-высказываний одно предложение, представляющее заранее заданный тип, а «выходим» на конкретный образец, за которым стоит бесконечное множество реальных высказываний-предложений и которое является как следствие лексических вхождений в этот образец.

Сам обобщенный образец предстает как результат интеллектуальной деятельности, пусть упрощенного, но определенного обобщения. Таким образом, здесь уже присутствует элемент лингвистической абстракции, позволяющий строить теоретические конструкты, быть может, не совсем адекватно отражающие синтаксический строй уйгурского языка и не позволяющие выйти за пределы нераспространенного предложения, но тем не менее дающие возможность почувствовать различие между языковым, общим, серийно-воспроизводимым, с одной стороны, и речевым, индивидуальным, неповторимым – с другой. Например:

Яшлиқ адамниң зилва бир чегу/Yashliq ademning zilva bir cheghi [ЛМ, МН, 73]. ‘Молодость – прекрасная пора жизни человека’

Это предложение-высказывание построено по обобщенному образцу «*имя в основном падеже* ⇔ *имя в основном падеже*». Ср. *Яшлиқ – адамниң бир чегу*. За этим обобщенным образцом можно обнаружить открытое множество предложений данного типа. Например:

Мәһәммәт Имин тәржиман [УА]. ‘Мухаммад Имин переводчик’.

Бу йәргә айиғи үзүлмәстин кирип чиқиватқан адәмләр Хотән шәһиридиң қозғалған йолувчилардур [УА]. Люди, которые постоянно заходят и выходят отсюда, это пассажиры, выехавшие из города Хотана’.

Яшлиқ баһари – алтун чағлирим [Из песни]. ‘Весна молодости - моя золотая пора’.

Бу бөлмә – мәжлисханадур [П]. ‘Это помещение – конференцзал’.

За обобщенным образцом «*имя в основном падеже*» стоят предложения типа:

Чегара. Баһар [МР, БЖ, 121]. ‘Граница. Весна’.

Юлтузлар. Ай. Етизлик. Шу күнләр әстин чиқмас [из песни]. ‘Звезды. Луна. Поле. Эти дни незабываемы’.

Сүттәк айдиң кечә [П] ‘Ночь белая, как молоко’.

За обобщенным образцом «имя в основном падеже – глагол в личной (финитной) форме» стоят такие предложения, как

Тухумниң баһаси өсиду [УА]. ‘Цена яиц будет расти’.

Сәй көктат пишти [УА]. ‘Овощи созрели’.

Миллий қәһриманниң иши әбәдий яшайду [УА]. ‘Дело национального героя будет жить вечно’.

За обобщенным образцом «**имя в основном падеже** ⇔ **имя прилагательное/наречие**» стоят предложения типа:

Калиниң нәсли яхши [УА]. ‘Порода коров хорошая’.

Киши хошал [УА]. ‘Человек доволен’.

На второй ступени обобщения понятия модели простого предложения регулярно начинает использоваться понятие структурной схемы как набора синтаксически связанных между собой облигаторных компонентов формы предложения. Самое существенное при выделении и формульном обозначении таких облигаторно необходимых компонентов структуры предложения – это то, что без этих элементов предложение не может выступать как информативно самодостаточная единица, ориентированная на номинацию фрагмента внеязыковой действительности (исключая опору на контекст). К такой структурной схеме исследователь обычно «выходит», анализируя множество реальных высказываний при использовании «метода отчеркивания» тех или иных компонентов структуры предложения как полной коммуникативной единицы, а также применяя тест на элиминирование, направленный на обнаружение облигаторных и необлигаторных компонентов структуры предложения. Например, предложения:

Қизлар кәң херидарларниң таллап сетивелишини қарши алиду [УА]. – ‘Девушки приветствуют выбор всех покупателей’.

Бир қисим тәтқиқатчилар көчәтханини зиярәт қилди [УА]. – ‘Некоторые исследователи посетили питомник’.

Жамаәт хәвиписизлиги тармақлири бу жинайәтни тәкшиүрди [УА]. – ‘Органы общественного правопорядка расследовали это преступление’.

Бизниң хадимлиримиз белиқчилик ишлирини риважландурди [УА]. – ‘Наши работники развили рыбной промысел’.

Яшлар тәдбир қоллинип, мәнсулат сүпити төвәнләп кетиши мәсилисини һәл қилди [УА]. – ‘Молодежь, приняв меры, решила проблему снижения качества продукции’.

оказываются сконструированными по структурной схеме {N1 – N4 – Vf}, в которой символы (N1) и (N4) означают имена в основном (неопределенном) и винительном падежах, а (Vf) – глагол в личной, или финитной, форме.

На данном этапе развития понятия модели простого предложения уже ощущается не совсем четкое со стороны своих дифференциальных признаков (формальных, семантических и функциональных) разбиение структуры предложения на члены предложения. Использование понятия структурной схемы ориентирует исследователя на то, чтобы предпочесть понятию члена предложения понятие синтаксической позиции, которое, кстати, не замыкается только лишь на уровне простого предложения, а с необходимостью предполагает и другие синтаксические единицы, что отвечает задачам адекватного отображения цельности синтаксического строя уйгурского и других тюрко-монгольских языков. На подробностях моделирования формы предложения с использованием понятия синтаксической валентности мы остановимся ниже, а пока забегаая вперед, отметим, что обращение к синтаксическим позициям заложило основы идентификации универсальных элементарных простых предложений (ЭПП).

Следующим шагом к постижению синтаксического понятия модели простого предложения является обнаружение тесной связи с теми или иными структурными схемами конкретных пропозиций как своеобразных мыслительных моделей и выявление отдельных структурно-семантических моделей простого предложения как двусторонних сущностных единиц синтаксического уровня системы языка, имеющих знаковую природу и относящихся к области языковой компетенции. Например, предложение:

уйг. *Айшәмгүл өзиниң қизлиқ мәзгилини әслиди* [УА]. – Айшам-гүл вспомнила пору своего девичества.

возводится к структурно-семантической модели, которую можно представить следующей формулой:

{**N1- N4 – Vfment**} «**kim - kimni/nemini- (eslimek)**»

Здесь структурной схемой является *N1- N4 – Vfment* («имя в основном падеже – имя в винительном падеже – глагол ментальной семантики в лично-финитной форме»), которая соотносится с пропозицией, состоящей из предиката мышления и двух аргументов. Данную пропозицию можно представить в записи: *әслимәк (ким/Айшәмгүл, немини/яшлиқни)* или с использованием логической нотации *P (x, y)*. Здесь предикат мышления (ментальной деятельности) соотносится с субъектом мышления и объектом мышления. Общая семантика модели простого предложения «Выражение мыслительных процессов у субъекта, направленных на некоторый объект». Такие структурно-семантические модели выражают сущности, которые лежат в основе значительного массива высказываний в современном уйгурском языке. Если они не представлены в подсознании, то трудно говорить о практическом знании самого языка.

Таким образом, обращение к очевидной лакуне уйгурского, да и тюрко-монгольского языкознания вообще – синтаксической семантике простого предложения обусловило очередной шаг в углублении лингвистической абстракции при разработке понятия модели простого предложения. В итоге перед исследователями встала актуальная задача – необходимость регистрации конкретных структурно-семантических моделей простого предложения и представление их закрытым списком.

Наконец, дальнейшим развитием модельного подхода по направлению углубления теоретического обобщения можно считать взгляд на предложение без разграничения на традиционные простое и сложное [см. 7 : 83–84; 90 : 9–10]. При таком инновационном подходе, отвечающем типологиче-

ским особенностям тюркских и монгольских языков, уместно допускать, что моделиобразующие синтаксические позиции могут и должны заполняться не только словоформами, но и словесными группами, идиоматическими образованиями, предикативными единицами. Последние могут быть 1) предикативными единицами, субъектно-подлежащая валентность которых ориентирована на субъект главной части и 2) предикативными единицами, члены предикативного узла которых не совпадают с главными членами главной части. Синтаксические позиции могут заполняться отдельными предложениями, соединяющимися в связном тексте с другими его конституентами при помощи анафорических местоименно-соотносительных средств синтаксической связи. Другими словами, отталкиваясь от понятия модели простого предложения, можно смоделировать ряд других синтаксических образований, включая и единицы надфразового уровня. Подобный подход позволит, на наш взгляд, исследователю системно осмыслить сочетаемостные свойства указанных синтаксических объектов на фоне отчетливых границ синтаксического участка языковой системы. Кроме того, это помогает в интерпретации типологических особенностей языков тюрко-монгольской общности. Результатом этого, как нам представляется, явится выделение глубинно-инвариантных, универсальных моделей элементарных простых предложений (ЭПП), постижение заложенных в них значительных синтагматических потенций.

Итак, «движение по вертикали» в понимании существа структурно-семантических моделей простого предложения тюрко-монгольских языков применительно к уйгурскому материалу прошло несколько этапов (см. рис. 1), что свидетельствует о том, насколько сложно и трудно постичь грамматическую природу элементарного простого предложения как основной единицы языкового строя, охватить его целиком и учесть все его потенции, исходя из задач адекватного описания синтаксических систем тюрко-монгольских языков. В большинстве

современных синтаксических работ, обращающихся к моделям простого предложения, к последним выходят, как правило, оставаясь на уровне, или субуровне, простого предложения, анализируя высказывания «методом отчеркивания» [3:36–39] либо при помощи теста на элиминирование. В данном случае для нас важно подчеркнуть, что при этом исследователь мыслит и оперирует понятиями и терминами синтаксиса простого предложения, иначе говоря, замыкается в этой частной области. Однако типологические особенности тюрко-монгольских языков, в частности, уйгурского языка позволяют наряду с этим при описании простого предложения реализовать более широкий взгляд на синтаксические объекты исследования.

Этапы развития понятия модели простого предложения

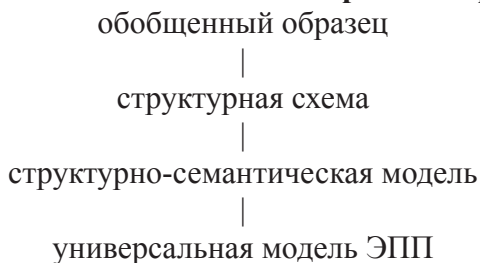


Рис. 1. Этапы становления понятия модели простого предложения

Выявление моделей простого предложения путем анализа предложений-высказываний, традиционно относящихся к простым, т.е. имеющих один предикативный узел (одну пропозицию) можно назвать взглядом «изнутри», опирающимся на подход «снизу», который исторически идет от исследования словосочетаний, особенно глагольных. Но модели простого предложения эксплицируют синтаксические сущности, которые могут «проявляться» и при взгляде «сверху», когда исследователь движется от полипредикативных построений, от связного текста путем соотнесения моделиобразующих позиций с зависимыми предикативными единицами и предложениями-конституентами

текста (тармак жүмлилэр). Последний подход характерен для многочисленных работ представителей новосибирской синтаксической школы. Таким образом, на практике можно реализовать возможность интерпретации простого предложения с различных позиций. Пересечение, сталкивание этих взглядов, «высекая искры», вновь и вновь высвечивает грани и контуры системы моделей ЭПП, аккумулирующих в себе значительные синтаксические возможности. Это, по нашему убеждению, повышает надежность и адекватность выявления и описания моделей простого предложения, а также дает возможность верифицировать их в качестве сущностных единиц, обнаруживаемых в точках пересечения различных подходов.

Таким образом, основной единицей в модельном синтаксисе является модель элементарного простого предложения. Осознанию данного теоретического конструкта предшествовали ряд этапов лингвистического обобщения. Такое понимание моделей простого предложения получило распространение в разных лингвистических традициях, в том числе и среди современных языковедов-тюркологов [7].

2.3. Словосочетание как синтаксическая единица и его связь с синтаксемой

В тюркском языкознании под данными единицами синтаксиса в теории словосочетания понимают грамматические единства, образуемые посредством соединения двух или большего количества слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, и служащие обозначением какого-нибудь одного, не расчлененного понятия или представления.

Словосочетанием является такая синтаксическая единица, которая образуется путем соединения двух или более знаменательных слов на основе подчинительной связи и лексико-грамматических отношений. В тюркологии отмечается и более широкий взгляд на словосочетание. Так, известный специалист по

синтаксису, ученица уйгуроведа С.Е. Малова профессор Е.И. Убрятова объединяет данным термином более широкий круг сочетаний слов, в том числе и предикативные сочетания слов [80; 81]. Такой подход имеет рациональное зерно в том смысле, что фундаментальной особенностью тюркских языков является изоморфизм способов синтаксической связи на уровне простого, монопредикативного и сложного, полипредикативного предложений.

Грамматически господствующее слово в составе словосочетания считается главным, а грамматически подчиненное слово – зависимым компонентом словосочетания. По грамматически главенствующему члену словосочетания в тюркских языках делятся на две бывшие группы – именные и глагольные. Дальнейшее членение словосочетаний проводится по лексико-грамматическим признакам и грамматической структуре зависимых компонентов.

Считается, что тюркское словосочетание представляет собой основной строительный материал для построения предложений-высказываний. Не оспаривая данный тезис, вместе с тем следует обратить внимание на то обстоятельство, что словосочетание в тюркских языках существенно отличается от предложения тем, что в последнем доминирует предикативность, в то время как в словосочетании такая лингвистическая категория отсутствует, т. е. оно теряет свойство, благодаря которому сочетание слов становится предложением. В описании словосочетаний в качестве единиц языка под ними мы понимаем абстрактные ехемы-единицы, которые можно представлять при помощи формульной записи моделей таких единиц. В них отмечается частеречная представленность компонентов словосочетаний. Классификацию словосочетаний можно строить по их главному компоненту.

1. Словосочетания с именем существительным в роли главного компонента

Имена существительные в качестве зависимого компонента

могут иметь при себе имя прилагательное, числительное, существительное, местоимения и глагольные формы.

1) Главный член – существительное, зависимый – прилагательное, синтаксическая связь – примыкание **Adj - N**: *юмшак топа* «мягкая глина», *тез поезд* «скоростной поезд» и др.

2) Главный член – существительное, зависимый – числительное, синтаксическая связь – примыкание **Num - N**: *икки жил* «два года», *бир киши* «один человек» и др.

3) Главный компонент – существительное, зависимый компонент – существительное, синтаксическая связь – изафет **N ⇔ N//**: *китап бети* «страница книги», *дукан ишиги* «дверь магазина» и др.

4) Главный компонент – существительное, зависимый компонент – местоимение, синтаксическая связь – изафет и примыкание **Prom ⇔ N**: *мениң китавим* «моя книга», *нэччэ жил* «сколько лет» и др.

5) Главный компонент – существительное, зависимый причастные глагольные формы, синтаксическая связь – примыкание **Tvpart - N**: *акқан су* «текущая, проточная вода», *окуган жигит* «образованный молодой человек» и др.

2. Словосочетания с именем прилагательным в роли главного компонента

В таких словосочетаниях в качестве зависимых компонентов представлены имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения и наречия. и др.

1) Главный компонент – прилагательное, зависимый – существительное в формах дательного, местно-временного и исходного падежей **N_{3,5,6} - Adj**: *аммига тонуи* «известный массам», *иштин бош* «свободный от работы» и др.

2) Главный компонент – прилагательное, зависимый – числительное. В данном случае прилагательные выступают в качестве производных от существительных **Num - Adj**: *икки*

балилиқ «имеющий двух детей», *икки ишиклик* «имеющий две двери» и др.

3) Главный компонент – прилагательное, зависимый – местоимение. Личные, указательные, возвратные, вопросительные местоимения выступают в формах дательного и местного падежей **Pron_{3,5} – Adj**: *сениңдин билимлик* «осведомленное тебя, кемга яришимлик» «для кого симпатичный» и др.

4) Главный член – прилагательное, зависимый – наречие **Adv - Adj**: *бир аз начар* «частично отрицательный», *интайин яхши* «очень хороший» и др.

3. Словосочетания с числительным в роли главного компонента.

В таких словосочетаниях в основном употребляются порядковые числительные. Они обычно сочетаются с именами существительными в форме исходного падежа **N₆ - Num**: *кэйнидин иккинчи* «второй с конца», *аяллардин биринчи* «первая из женщин» и др.

4. Словосочетания с наречием в роли главного компонента.

1) Главный член – наречие, зависимый – наречие **Adv - Adv**: *интайин яхши* «очень хорошо», *толиму тез* «очень быстро» и др.

2). Главный компонент – наречие, зависимый – существительное **N₆ -Adv**: *автомобильдин иштик* «быстрее автомобиля», *йезидин журақ* «далеко от села» и др.

5. Словосочетания с местоимением в роли главного компонента **N - Pron**: *меһманлардин бирси* «кто-то из гостей», *деханларниң бэзи* «некоторые из земледельцев» и др.

6. Словосочетания с глаголом в роли главного компонента. В тюркских языка, в частности в современном уйгурском языке, это, пожалуй, самая продуктивная и большая подгруппа моделей словосочетаний.

1) главный компонент – глагол, зависимы – существительное, синтаксическая связь – управление **N_{3,4,5} - Vf**: *нахшини язмақ*

«писать песню», *алмига тоймақ* «насытиться яблоками», *йәргә чечилмақ* «рассыпаться на землю», *йезида яшимақ* «жить в селе» и др.

2) главный компонент – глагол, зависимый – прилагательное, синтаксическая связь – примыкание **Adj - Vf**: *бәш қетим кирмақ* «зайти пять раз», *үч мәртивә бармақ* «три раза сходить». Имена числительные могут употребляться в форме косвенных падежей *атмишиқа кирмақ* «исполнилось шестьдесят лет», *әлликтин ашмақ* «превышать пятьдесят» и др.

3) Главный компонент – глагол, зависимый – наречие, синтаксическая связь – примыкание **Adv - Vf**: *төвән чүшмақ* «спуститься вниз», *қәтһий һәрикәтләнмақ* «действовать решительно», *убдан ишлимақ* «работать хорошо», *тәнһа қалмақ* «остаться одним» и др.

4) главный компонент – глагол, зависимый – деепричастие, синтаксическая связь – примыкание **Tv-a - Vf**: *күтә-күтә чарчимақ* «уоставать дожидаясь», *көңүл қоюп ишлимақ* «работать увлеченно», *киргәч саламлашмақ* «входя здороваться», *оқуғили бармақ* «поехать учиться» и др.

5) главный компонент – глагол, зависимый – местоимение в формах косвенных падежей, исключая притяжательный. Отмечаются такие разряды местоимений, как личные, указательные, возвратные, вопросительные **Pron_{3,4,5,6} - Vf**: *кимгә язмақ* «кому писать», *өзәмгә қалдурмақ* «оставить себе», *маңа қалмақ* «остаться мне», *қанчә ойлимақ* «сколько думать» и др.

Словосочетание, наряду с предложением, признается в сравнительной грамматике тюркских языков одной из двух единиц синтаксического строя языка. Это естественно, поскольку предметом синтаксиса как отдела грамматики является изучение способов соединения слов.

В целом, можно сказать, что, как правило, любое тюркское словосочетание образуется по принципу «зависимый член + определяемое», а в широком смысле это фактически «определе-

ние – определяемое». Между данными грамматическим главенствующим и грамматически зависимым компонентами словосочетания устанавливаются различного рода отношения, которые можно обозначить как подчинительную связь (управление, согласование, примыкание, изафет) между означенными членами словосочетания. Такая связь оформляет фрагменты синтаксисом, или ЭПП.

В тюркских языках существуют потенциальные модели сочетаемости слов, определяемые лексико-семантическими и грамматическими факторами, которые выступают в конкретной речевой ситуации в виде комбинации различных слов и словосочетания. В предложении словосочетания могут реализоваться двояким образом: как сочетание двух или более членов предложения или же в качестве одного неделимого его члена.

По составу и соотношению компонентов словосочетания в тюркских языках принято делить на простые и сложные. Простым признается словосочетание, состоящее из двух знаменательных слов. Соответственно, сложным можно назвать такое словосочетание, которое включает в себя три и более членов. Например, казахские простые словосочетания:

каз. *сугсиз сыйыр* (недойная корова), *жас бала* (маленький ребенок), *барар жер* (место прибытия) или сложные словосочетания: *ойленип жаткан мугалим* (задумавшийся учитель), *кечеу тан самагы келген кыз* (прибывшая вчера рано утром девушка), *сага айтылгансоз* (сказанное тебе слово) [50:153].

Именные словосочетания с точки зрения их синтаксических составляющих обычно выступают в качестве атрибутивных словосочетаний. Такие атрибутивно-именные словосочетания классифицируются в зависимости от частеречной принадлежности главного и зависимого члена.

Глагольные словосочетания характеризуются обыкновенно тем, что главный член словосочетания-глагол таким образом воздействует на зависимые члены, что последние в знак своей подчиненности от подчиняющего слова принимают определен-

ную грамматическую форму, которая, таким образом, детерминирована валентностными свойствами глагола. В качестве способа выражения синтаксических отношений между словами используется управление. Глагольные словосочетания подразделяются в зависимости от частеречной принадлежности.

Однако частеречная принадлежность зависимости слова, а также и главного, а именно, в разряде именных словосочетаний, обуславливает более дробную классификацию тюркских глагольных словосочетаний, которые в современных языках имеют широкое употребление.

Типологически обобщая, можно сказать, что «изафет является частным случаем определительных словосочетаний. Этот тип отношения между двумя именами пронизывает всю структуру тюркских языков, являясь как бы ключом к пониманию многих синтаксических категорий» [26:106; см., также: 60:260].

Итак, словосочетание в тюркских языках может рассматриваться как единица-фрагмент ЭПП. Они строятся по определенным структурным образцам, что позволяет использовать это в качестве опоры для классификации.

2.4. Моделирование предложения на монопредикативном уровне

Несомненным достижением в исследованиях представителей и последователей новосибирского синтаксического направления является разработка понятия модели элементарного простого предложения. Это понятие является инновативным и вносит ощутимый вклад в теорию общего языкознания и теоретические основания системного синтаксиса тюрко-монгольских языков.

Как указывает Н.Б. Кошкарева, в рамках новосибирской синтаксической школы, основателем которой является доктор филологических наук, профессор М.И. Черемисина, основной (и единственной) единицей синтаксического яруса языка считается элементарное простое предложение (ЭПП). В плане

содержания ему соответствует одна пропозиция, т. е. ни один из его компонентов не может быть развернут в самостоятельное предложение. Все остальные типы предложений представляют собой результат синтаксических преобразований ЭПП, их соединения между собой по особым правилам [38].

Модели ЭПП могут быть представлены в виде законченного закрытого списка. В разных языках представлены упорядоченные системы моделей ЭПП. Они выражают различные пропозиции. Например, каноническим средством выражения пропозиции акционального воздействия является общая для всех рассматриваемых тюркских, монгольских и других языков модель

{N_{Ag}NOM O – N_{»at}Acc (N_{Instr}INSTR) - Vf~Ct} с типовым значением «кто-то - воздействует - на что-то (чем-то)».

В состав модели входят следующие компоненты:

Na^{Nom} - активно действующее лицо (агенс);

VfAcC – акциональный глагол;

N_{Pat}ACC – объект воздействия (пациенс);

TyjInstr

N INSTR – инструмент.

Варьирование позиции объекта зависит, в частности, от семантического варианта модели, который может обозначать:

1) воздействие, направленное на создание или уничтожение объекта (креативное и деструктивное);

2) воздействие на объект, который существовал до начала воздействия и продолжает существовать после него (воздействие, сопровождающееся изменением качеств объект или без его трансформации).

Определение статуса элементарного простого предложения как основной и единственной синтаксической единицы языка позволяет по-новому выстроить типологию простых предложений, положив в ее основание семантические признаки, которые прежде во внимание не принимались. Представление об «элементарности» предложения открывает перспективу дальнейших

исследований путей осложнения предложения и построения шкалы «простота / сложность». Применение метода моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения обеспечивает возможность структурирования синтаксического яруса языка, которое завершит построение целостной языковой системы и позволит в дальнейшем исследовать функционирование выделенных языковых единиц в речи, прослеживая те видоизменения, которые происходят с предложением в процессе его использования в акте коммуникации [94].

В данной работе под моделированием предложения на монопредикативном уровне мы подразумеваем соотнесение в рамках синтаксического знака двух сторон модели предложения – структурной схемы и пропозиции. В рамках конкретных моделей эти две стороны лингвистического знака уровня синтаксиса связаны очень тесной связью.

2.4.1. Структурная схема как означающее синтаксемы

Означающим модели предложения, его планом выражения является структурная схема. Это тот структурный минимум облигаторных компонентов предложения, который остается после элиминации других компонентов. Без него предложение не может состояться как самодостаточная информативная единица. Он представляется при помощи заранее оговоренных символов и дескрипторов и позволяет исследователю работать с конкретными объектами, которые могут быть заданы закрытым списком.

В работах, основывающихся на вербоцентрической концепции предложения, формальная и смысловая законченность (полнота) предложения связывается, в первую очередь, с реализованностью обязательных синтаксических и семантических валентностей глагольного предиката (см., например: [4]). О данных концепциях структурного минимума предложения можно прочесть в литературе [см.: 20; 39:6–14].

Вне зависимости от используемых обозначений, во всех подобных концепциях содержательная структура предложения (его пропозиция, предикатно-аргументная структура, реляционная структура, семантическая валентностная модель) соотносится с целостным фрагментом реальной или воображаемой действительности: первостепенное значение придается способности предложения выполнять номинативную (информативную) функцию – сообщать о некотором типе отношения между предметами, или ситуации со всеми ее обязательными участниками. Для того, чтобы передавать полную информацию о ситуации, отличной от других ситуаций. в ряде случаев помимо подлежащего и сказуемого предложение должно содержать дополнения (Ср.: *Рэна бәрди* «Рана дала» и *Рэна окузучига китап бәрди* «Рана дала ученику книгу») и обстоятельства (Ср.: *Рэна истиқамэт қилмақта* «Рана живет и *Рэна Алмутида истиқамэт қилмақта* «Рана живет в Алматы»). Различия между главными и второстепенными членами предложения, равно как и между подлежащим и сказуемым, при таком подходе не являются релевантными.

Исходя из знаковой природы предложения, не подвергаемой сомнению в современной лингвистике и проявляющейся в единстве плана содержания и плана выражения предложения, второе представляется структурной основой предложения. Другими словами, структурная схема простого предложения выражает план выражения предложения как знака.

В соответствии со вторым подходом, следует считать весь набор синтаксических позиций, при заполнении которых предложение отражает экстралингвистическую ситуацию со всеми ее обязательными партиципантами. Осмысленную говорящим ситуацию (тип отношения между предметами), находящую выражение в предложении определенной структуры, в терминах когнитивной лингвистики можно назвать синтаксическим концептом и, таким образом, под синтаксемой (ЭПП) понимать знаковое образование, планом содержания которого является

некоторый синтаксический концепт, а планом выражения – адекватную данному содержанию структурную схему.

Структурная схема обладает определенной формой, обуславливаемой типом, количеством, порядком расположения составляющих ее элементов. Элементы структурной схемы (как основы предложения) – это синтаксические позиции, которые в предложении способны заполняться словами определенных морфологических классов (в той или иной форме), сочетаниями слов (один из компонентов которых подчиняет себе другой (другие)) или предикативными единицами, что отвечает особенностям синтаксиса тюркских языков. Конституенты схемы характеризуются как формальными, так и функциональными свойствами; между ними устанавливаются синтаксические отношения. Компоненты структурных схем определяются также в виде морфологических классов, что находит отражение в избираемых для их обозначения символах (N, Adj, Num, Vf и т.п.).

Все структурные схемы простого предложения упорядочены в системе языка. Они делятся на отдельные подгруппы по семантическому признаку. Внутри этих подгрупп также существует системная организация.

В разных тюркских и монгольских языках выделяются различные перечни структурных схем. В современном уйгурском языке структурные схемы выделяются в рамках 48 структурно-семантических моделей элементарного простого предложения.

В современном калмыцком языке как представителе типологически близких тюркским языкам монгольских языков в первом приближении выделяются три группы структурных схем: 1) однокомпонентные схемы; 2) двухкомпонентные схемы; 3) схемы усложненной структуры [19:130].

В тюркских и монгольских языках при записи формул структурных схем используются морфологические частеречные символы. Но им дается чисто синтаксическая интерпретация, т.к. они подразумевают обозначение синтаксических позиций. Та-

кое понимание позволяет проецировать структурную схему на разные уровни синтаксической системы.

Структурные схемы простого предложения принято показывать при помощи формульной записи. Для обозначения компонентов структурной схемы простого предложения в тюрко-монгольских языках вводятся следующие элементарные буквенные символы, соответствующие латинским названиям частей речи и названиям некоторых форм:

Vf – спрягаемая форма глагола (лат. *verbum finitum*);

Vf_{3s} – спрягаемый глагол в форме 3 л. ед. ч. (лат. *singularis*);

Vf_{3pl} – спрягаемый глагол в форме 3 л. мн. ч. (лат. *pluralis*);

Inf – инфинитив;

N – существительное (лат. *nomen* – имя, название);

adj – прилагательное (лат. *adjectivum*);

Pron – местоимение (лат. *pronomen*);

Adv – наречие (лат. *adverbium*);

Adv_o – предикативное наречие на –o;

Praed – предикатив (лат. *praedicatum*);

Part – причастие (лат. *participium*);

Praed_{part} – причастный предикатив; interj – междометие (лат. *interjectio*); neg – отрицание (негация, лат. *negatio*); cop – связка (лат. *copula*); quant – квантификативное (количественное) значение (лат. *quantitas* ‘количество’, ‘величина’).

При символе N цифры от 1 до 6 обозначают соответственно падежи: 1 – им. п., 2 – род. п., 3 – дат. п., 4 – вин. п., 5 – тв. п., 6 – предл. п.; при символе N цифра 2 со следующим дальше многоточием (N₂...) обозначает: “существительное в форме одного из косвенных падежей”.

Соответственно показывается формальное строение структурных схем простого предложения, т. е. организующие такую схему словоформы в их нейтральном (конситуативно не обусловленном и экспрессивно не окрашенном) расположении по отношению друг к другу. При построении по данному образцу

конкретного предложения (при наполнении схемы) оно получает исходную форму.

Формальное устройство и семантика структурных схем простых предложений проявляются в составе конкретной модели. Как уже было сказано, структурная схема простого предложения – это абстрактный синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное минимальное относительно законченное предложение. Структурные схемы разграничиваются по совокупностям следующих признаков: формальное устройство схемы (входящие в нее формы слов и в схемах, организуемых двумя формами, – отношение этих форм друг к другу); семантика схемы; парадигматические свойства построенных по этой схеме предложений; система регулярных реализации; правила распространения. Предложения, построенные по той или иной структурной схеме, объединяются в определенный тип простого предложения.

Грамматическим значением, общим для всех структурных схем простого предложения (и, следовательно, для всех типов предложений), является предикативность. Кроме того, каждая структурная схема имеет свое собственное значение – семантику схемы. Семантика структурной схемы предложения образуется взаимным действием следующих факторов: 1) грамматическими значениями компонентов в их отношении друг к другу (в однокомпонентных схемах – грамматическим значением компонента схемы); 2) специфическими для данной схемы лексико-семантическими характеристиками слов, в конкретных предложениях занимающих позиции ее компонентов.

Общая классификация структурных схем простого предложения может быть осуществлена по разным основаниям. Такими основаниями служат: 1) свобода или фразеологизированность схемы; 2) лексическая ограниченность или неограниченность одного из ее компонентов; 3) наличие или отсутствие в составе схемы спрягаемого глагола (Vf)

как формы, в самой себе заключающей значения времени и наклонения; 4) количество компонентов (однокомпонентные или двухкомпонентные схемы); 5) для двухкомпонентных схем – наличие или отсутствие формального уподобления компонентов друг другу (их координации друг с другом).

2.4.2. Пропозиция как означаемое синтаксемы

Термином «пропозиция» обозначается обобщенная мыслительная модель, имеющая языковое выражение определенного класса событий. Это содержательная сторона модели предложений, ее ментальная основа. Тот или иной класс событий обусловлен набором их участников и особенностями отношений между ними. В нашем понимании пропозиция как мыслительная модель соотносится с определенной структурной схемой, которая отображает определенный тип ситуаций или событий. Например, структурная схема

{N1 – N4 – Vf }

отражает структурный минимум предложений типа

уйг. *Савақдаш китапни оқуватиду, Көрәрмән муқамни аңлимақта, Ашпәз бәрәңгини пишириватиду и др.* («Ученик читает книгу, Зритель слушает мукам, Повар отваривает картофель»).

Другими словами, за одной этой структурной схемой стоит бесконечное открытое множество предложений-высказываний данного типа. С данной структурной схемой соотносится пропозиция **«некто осуществляет действие, направленное на определенный объект (kim - kimni/nemini - nime qilmaqta)»**.

Модель предложения отражает пропозитивный смысл, соответствующий классу событий. Применительно к пропозициям также можно наметить противопоставление глагольных и именных моделей. Глагольные модели описывают акциональные пропозиции, а именные описывают логические пропозиции. Например,

{**Nnom(1) – N dat(3)-Vf**} «кто - кому – (помогает, мешает)»

уйг. *Муэллим савақдашқа ярдәм бәрмәктә* [разг.]

муэллим савақдаш=қа ярдәм бәр=мәктә

учитель-Nom-Sg ученик-Dat. помогать –Pr.

(«Учитель помогает ученику»)

Оғланлар қизларга кашила болмақта [разг.]

оғлан=лар қиз=лар=ға кашила бол=мақта

мальчик-Nom-Pl девочка -Pl-Dat мешать –Pr.

(«Мальчики мешают девочкам»)

Nnom(1) – Adj Cop «кто/что какой»

уйг. *Тал зилва*

ива-Nom-Sg стройный-Adj

(Ива стройная)

Аэроплан чирайлиқ

самолет-Nom-Sg красивый-Adj

(Самолет красивый)

Nnom1 – Adj Cop (кто/что какой)

калм. *Үве киити*

зима-Nom-Sg [jk]lysq-Adj

(«Зима холодная»)

Би чиигтә

Я-Gen мокрый-Conf

(«Я мокрый»)

Некоторые исследователи описывают типовые пропозиции в терминах синтаксических концептов. Однако и при таком подходе главное внимание уделяется именно предикатам. Например, С.Е. Кузьмина, обращаясь к синтаксическим концептам в свете идей когнитивной лингвистики, пишет о том, что современной когнитивной лингвистике признается возможность выражения концептов разноуровневыми языковыми средствами, обладающими знаковой природой. В работах последних лет исследуются концепты, выражаемые средствами синтаксиса языка; наряду с терминологическими сочетаниями «лексический концепт»,

«лексико-фразеологический концепт» вводится понятие синтаксического концепта [40:87].

И.А. Стернин и З.Д. Попова подчеркивают: «Концепт репрезентируется в языке:

- готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка, имеющими “подходящие к случаю” семемы или отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы, периферийные (потенциальные, скрытые));
- свободными словосочетаниями;
- структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты);
- текстами и совокупностями текстов» [55:14].

В чем отличие синтаксических концептов от привычных понятийно-лексических, фразеологических лингвокультурных концептов? Последние можно интерпретировать в качестве понятий, погруженных в национальную культуру. Синтаксические концепты моделируются посредством исследования семантики предложения как языковой единицы, в отвлечении от его конкретного лексического наполнения, то есть посредством установления обобщенного содержания структурной схемы предложения. Специфика содержания предложения как языковой единицы заключается в его способности отображать целостную ситуацию внеязыковой действительности. Ситуация отражается не зеркально и непосредственно, а через посредство мысли, преломляясь в человеческом сознании, чем и объясняется тот факт, что одной и той же реальной ситуации соответствуют разные синтаксические построения. Переработанная мышлением человека ситуация, отнесенная к определенному типу, или представление о типовой ситуации и составляет то мыслительное содержание, которое выражается предложением определенной структуры [40:87].

У З.Д. Поповой синтаксический концепт получает следующее определение: «синтаксические концепты – это образы ситу-

аций, осмысленных людьми и вербализованных синтаксическими структурами» [54:56–61].

Некоторые из современных лингвистов приравнивают понятие синтаксического концепта к понятию пропозиции, подразумевая под пропозицией ментальный коррелят внеязыковой ситуации. Так, в монографии Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой синтаксический концепт определяется как «типовая пропозиция, которая зафиксирована конкретной структурной схемой простого предложения» [24].

Синтаксические концепты ориентированы на культурно оформативированные ситуации и события. Синтаксические концепты передают типовые классы ситуаций на заданную тему. В результате складывается типологически значимая и специфическая для данной культуры «картинка» той или иной темы, в частности, например, свободы. И в том, и в другом случае ключевым является слово «культура». Под культурой в данном случае мы подразумеваем то, о чем и как думают и создают люди.

Мы допускаем, что лингвокультурный концепт может быть связан с синтаксическим концептом в процессе порождения связной речи. Между конкретным лингвокультурным концептом и высказыванием в реальной речи лежат синтаксические концепты, а также и их типовые структурные схемы как формальная сторона в составе речемыслительных моделей. Пословицы, поговорки и фразеологизмы мы отделяем от высказываний и относим их к «готовым речениям», сближающимся с лексикой. Ниже мы вслед за большинством современных авторов принимаем следующее определение синтаксических концептов: синтаксический концепт – это выражаемая структурной схемой предложения и представленная в виде типовой пропозиции (структурированной совокупности смыслов) информация о типе ситуации (совокупности предметов и связывающего их отношения), к которому мышление человека относит наблюдаемый фрагмент действительности [40:90].

Предикативный способ воплощения концептов прежде всего предполагает выделение групп предикатов, которые формируют структурные схемы предложения на заданную лингвокультурным концептом тему. Так, например, концепт «Свобода» задает тематику высказываний, которые включают предложения, формируемые четырьмя группами глагольных предикатов [72; 31].

«Предикативные воплощения концепта «Свобода» в языке, - пишет А.С. Солохина, – представлены следующими группами глаголов: 1) глаголы обретения свободы; 2) глаголы наделения свободой; 3) глаголы утраты свободы; 4) глаголы лишения свободы. Тот факт, что наиболее представленной в численном отношении является группа глаголов лишения свободы, а также немногочисленность глаголов утраты свободы свидетельствуют о ее (свободы) высокой ценности для человека, не склонного добровольно лишать себя свободы и не желающего ее терять. Кроме того, разнообразие глаголов лишения свободы говорит о том, что в мире существует множество факторов, способных отнять у человека его свободу. Бинарный концепт «свобода» существует в виде оппозиции свобода – несвобода и актуализируется в ситуациях перехода человека из состояния свободы в состояние несвободы (или наоборот), или при наличии у человека желания такого перехода» [72].

Синтаксические концепты на тему свободы образуют своеобразное ментальное ситуативно-понятийное поле. Здесь можно говорить о четырех инвариантных речемыслительных схемах. Внутри себя они содержат по разным языкам разное количество синтаксических концептов и выражающих их типовых структурных схем.

Обратимся к инвариантным схемам.

1. Ситуация когда свобода «приходит».
 - 1.1. КТО-ТО ПОЛУЧАЕТ СВОБОДУ
 - 1.2. КОГО-ТО НАДЕЛЯЮТ СВОБОДОЙ
2. Ситуация когда свобода «уходит».

2.1. КТО-ТО ТЕРЯЕТ СВОБОДУ

2.2. КОГО-ТО ЛИШАЮТ СВОБОДЫ

Таким образом, бинарный концепт «Свобода» может быть представлен в виде шкалы. На одном полюсе этой условной шкалы располагается ситуация свободы (приобретения, наделения), а на другом – ситуация несвободы (утраты, лишения). Рассмотрим примеры реализаций глагольных предикатов из каждой из приведенных групп в уйгурском и (в целях контрастивного сопоставления) в языке иного строя – английском языках.

В уйгурском языке мы выделили следующие группы глаголов.

1. глаголы обретения свободы: *қоймақ, ташлимақ, қурутмақ, өчәрмәк, ечип ташлимақ, ечилип қалмақ, бәлни йәшмәк, қанунсиз һәрикәтләnmәк, әскәрдин қайтмақ, демобилизацияланмақ, қутулмақ, азат қилинмақ, бошанмақ, бошимәк, чиқирилмақ и др.;*

2. глаголы наделения свободой: *кәткүзмәк, киргүзмәк, әрк бәрмәк, рухсә қилмақ, разилиқ бәрмәк, һәл қилмақ, ачмақ, бәлни йәшмәк, кишәнни елип ташлимақ и др.*

3. глаголы утраты свободы: *беқинмақ, бойсунмақ, көnmәк, бир тәрәп қилмақ, тил алмақ, хоплимақ, бәрикаллимақ, қанаәтләндүрмәк и др.* 4. глаголы лишения свободы: *пут тосмақ, қоршавалмақ, солимақ, қамимақ, тәслим болмақ, тутқунга алмақ и др.*

Поскольку концепт «свобода» является бинарным, в данном случае рассмотрены не только действия по обретению свободы, но и действия, приводящие к лишению свободы. Общая семантика глаголов обретения свободы – избавление от некоторых ограничивающих факторов:

- 1) вредных привычек – тамака ташлимақ;
- 2) болезни – сақаймақ, шипаланмақ;
- 3) одежды, пут и прочих стесняющих движение покровов – раскутываться, распеленываться и др. бошанмақ;

4) исполнения законов, властных предписаний – беззаконничать, бунтовать и др.. *исиян кәтәрмәк*;

5) обязанностей – демобилизоваться, дезертировать, увольняться и др. *қачмақ, бошанмақ*.

Глаголы обретения свободы описывают переход субъекта из состояния несвободы в состояние свободы (или из состояния меньшей свободы в состояние большей свободы), т. е. избавление от некоторой зависимости. Действия, описываемые большинством этих глаголов, оцениваются положительно.

Группа глаголов наделения свободой конкретизируется как:

1) разрешение – впускать, позволять, разрешать и др. *киргүзмәк*;

2) открытие чего-л. – отмыкать, отпирать, и др. *ачмақ*;

3) избавление от некоторых ограничивающих факторов, в качестве которых могут выступать: а) одежда, путы и прочие стесняющие движение покровы – *бошатмақ*; б) обязанности – демобилизовать, увольнять – *кәткүзмәк*; в) неопределенные, неуказанные факторы – избавлять, освобождать и др. – *кутказмақ*.

Характеристики агенса и пациенса в синтаксических концептах предложений, содержащих глаголы этой группы, определяют семантическое толкование пропозиции ЭПП. В частности, предложения, содержащие «чистый» пациенс, т.е. объект, не имеющий собственной воли, описывают освобождение (в некоторой степени) агенса, а не наделение свободой пациенса.

1) глаголы подчинения: повиноваться, покоряться, слушаться и др. – *бойсунмақ*;

2) глаголы закрытия, пространственного ограничения: изолироваться, баррикадироваться, огораживаться – *беқинмақ*;

3) определения пределов: ограничиваться, и др. – *чәклимәк*;

Последняя группа глаголов включает

1) глаголы закрытия, пространственного ограничения объекта: баррикадировать, блокировать, др. – *ялмақ*;

2) глаголы ограничения дыхания, движения: стеснять, стискивать, и др. – *қисмақ*;

3) глаголы непосредственного ограничительного воздействия на объект: арестовывать, вязать, пленять и др. – *тутқунға алмақ*;

4) глаголы принуждения: велеть, вынуждать, заставлять, обязывать и др. – *буйримақ*;

5) глаголы подчинения: подчинять, покорять – *беқиндурмақ*;

6) глаголы запрещения: воспрещать, запрещать др. – *мәнъий қилмақ*;

7) глаголы ограничения в общественно-политической жизни: дискриминировать, терроризировать – *чәклимәк*;

8) глаголы отчуждения, захвата: захватывать, овладевать, оккупировать и др. – *бесивалмақ*;

9) глаголы противодействия: задерживать, затруднять – *кашила болмақ*;

10) глаголы определения пределов: ограничивать и др. – *чәклимәк*.

Смысл и значение действий по лишению свободы в том, чтобы заставить объект делать то, что он не хочет, или лишить возможности делать то, что он хочет (или и то, и другое). Субъектом воздействия может быть человек, группа людей, человеческая воля опосредованно через правила и нормы человеческого общежития. Объектом воздействия может являться живое существо – человек, группа людей, животное либо территория, населенная людьми. Глагольное воплощение концепта показывает, что синтаксический концепт «свобода» актуализируется в «пограничных» ситуациях перехода от свободы к несвободе (или от большей свободы к меньшей свободе), и наоборот, или при наличии у человека желания такого перехода.

Предикаты первой группы «Глаголы приобретения свободы» в уйгурском языке участвуют в двух базовых моделях.

1) $\{(N_{\text{ном}} N_{\text{акк}} Vf)\}$ – «кто – что – (удалять)»

Например:

Адил эскәрдин кейин тамака чекишни ташлиган (АТ, КО, 174)

Адил эскәр=дин кейин тамака чекиш=ни ташли=ган
Адыл армия=ABL кейин=POSTтабак курить=АКК бросать=PAST

‘Адыл после армии бросил курить’

2) {(N_{nom} N_{abl} V^{kaus})- «кто/что-от чего-(быть освобожденным)»

Например:

Махмутниң тонушлири чүштин бурун азат қилинди (ПЖ, МК, 282)

Махмут=ниң тонуш=лир=и чүш=тин бурун азат қил=ин=ди
Махмут=GEN знакомый=PL=POSS обед=ABL до свободный делать= RFCIP =PAST

‘знакомые Махмута были освобождены до обеда’

В целях сопоставления с языком иного строя приведем группы глагольных предикатов из английского языка.

1. verbs of gaining freedom - put, throw, delete, subscribe, to open a package, to untie a belt, to untie a belt, to commit an illegality, to rebel, to rise, to return from the military, to be released from military service, return, demobilization, release, release, discharge;

2. verbs of giving freedom - send, introduce, release, allow, thank, remove, open, solve, fold, to pull out, to take out, to pack, to untie, to release, to untie issuance, return, release/return from military service, demobilization, release, get rid of, escape, release;

3. verb of loss of freedom - submit, surrender, submit, fall, submit, agree, do no hesitate, block, isolate, personalize, isolate, limit, fence, border, limit, satisfy, put a line;

4. verb of imprisonment - to block, surround, arrest, squeeze, transfer, imprison, interdict, bind, handcuff, arrest, order, command, obey, coerce, force, encumber, encumber, oblige, prohibit, discriminate, intimidate, frighten, take away, take away, capture, block, complicate, satisfy, stop, limit;

Одна из групп – это глаголы приобретения свободы. Напри-

мер, в английском языке глагол *to free them selves* ‘освобождаться.’ Обратимся к речевой иллюстрации:

An elderly man was released from prison yesterday (информант)
an elder=ly man was releas=ed from prison yesterday
an=ART пожилой=ADJ быть=PP освобождаться=PP из=
=POSTP вчера=ADV

‘Пожилой мужчина вчера освободился из тюрьмы’

В данном примере мы имеем дело с синтаксическим концептом WHO IS FREE FROM WHAT (WHO, WHERE). Данный синтаксический концепт коррелирует с лингвокультурным концептом «Freedom», который является бинарным и покрывает семантическую зону от несвободы до свободы. Синтаксический концепт WHO IS FREE FROM WHAT (WHO, WHERE) в рамках речемыслительной модели связан со своим означающим – типовой структурной схемой **Nnom Cop Adj from N/Adv**. По приведенной структурной схеме можно построить множество однотипных высказываний на тему приобретения свободы. Следовательно, для англоязычной лингвокультуры характерна модель

{**Nnom Cop Adj from N/Adv** – ‘WHO IS FREE FROM WHAT (WHO, WHERE)’}

А теперь посмотрим, чем отличается данная речемыслительная модель от своих аналогов в тюркоязычной, например, киргизской лингвокультуре. Для этого обратимся вновь к теме приобретения свободы. Например:

Чарчаган түлкү капкандан акыры кутулду (информант)
чарчаган түлкү капкан=дан акыры кутул=ду
усталый=ADJ лиса=NOM капкан=ABL наконец=ADV освобождаться=PP
‘Усталая лиса наконец-то освободилась из капкана’

Здесь мы видим синтаксический концепт КИМ ЭМНЕДЕН (КИМДЕН) КУТУЛДУ. Означающим для этого синтаксического концепта выступает структурная схема **Nnom Nabl Vf**. Другими словами, перед нами глагольная модель.

If you love someone, set them free (The Last Act of Love by Cathy Rentzenbrink)

if you love someone, set them free
если ты любить кто-то делать его свободный
'Если ты любишь кого-то, освободи его'

Синтаксический концепт «SOMEONE FREES SOMEONE», выраженный в данном примере предполагает для вербализации структурную схему **Nnom Vf N**.

Пример из английского языка на вербализацию в ситуации наделения свободой.

This meeting freed me from the involuntary stiffness of the alien
(Фрэнсис Скотт Фицджеральд "Великий Гэтсби!" с. 12)

'Эта встреча освободила меня от невольной скованности пришельца'

кирг. *Биздин өлкө өткөн кылымдын аягында көз карандысыздыкка жеткен* (информант)

биз=дин өлкө өткөн кылым=дын аяг=ын=да көз карандысыздык=ка жеткен

мы=GEN страна прошедший=PPRT век=GEN конец=POSS .3=ЛОК независимость=DAT достигать

'Наша страна достигла независимости в конце прошлого века'

Кошунанын уулу бүгүн аскерден кайтты (Информант)

кошуна=нын уул=у бүгүн аскер=ден кайт=ты

сосед=GEN сын=POSS.3 сегодня армия=ABL возвращаться=**PP**

'Соседский сын сегодня вернулся из армии'

В данных примерах представлен синтаксический концепт «КИМ (ЭМНЕ) ЭМНЕГЕ ЖЕТҮҮ». Он связан в рамках речемыслительной модели со структурной схемой **Nnom Ndat Vf**.

Обратим наше внимание на английскую параллель данного синтаксического концепта:

The neighbor's son returned from the army today

the neighbor's son returned from the army today

сосед=**GEN** сын вернуться из армия сегодня

‘Соседский сын вернулся из армии сегодня’

Для вербализации ситуации с данным синтаксическим концептом используется типовая структурная схема **Nsubj Vf from Nobj**.

2. Синтаксические концепты, организуемые предикатами наделения свободой.

В киргызском языке к ним относятся: жөнөтүү, киргизүү, эркиндик берүү, уруксат берүү, ыраазычылык билдирүү, алып салуу, ачуу, чечүү, бүктөлүү, жулуп алуу, чыгаруу, таңгактоо, чечип коюу, бошотуп берүү, боштондук берүү, чечип берүү, кайтаруу, азатыкка чыгуу, каршы көрсөтүү, бошотуу/кайтуу аскердик кызматтан, жеңүү, демобилизациялоо, бошонуу, кутулуу, азаттыкка чыгуу, чыгарылуу.

Приведем примеры реализации указанного типа предикатов в составе высказываний.

кирг. *Дүйшөн милиция кызматкерлери менен кызды куткарып, балдар үйүнө жайгаштырат* (Ч. Айтматов. Биринчи мугалим)

Дүйшөн милиция кызматкер=лер=и менен кыз=ды куткар=ып, балдар үйү=нө жайгаштыр=ат

Дүйшөн милиция сотрудник=**PL=POSS.3** совместно девочка=**ACC** освобождать=**CV**

Дети дом=**POSS.3.DAT** устраивать=**PrP**

‘Дүйшөн вместе с сотрудниками милиции освобождает девочку и устраивает в детский дом.’

кирг. *Ынкылаптан кийин бардык элдерге эркиндик берилди* [разг.]

ынкылап=тан кийин бардык эл=дер=ге эркиндик бер=ил=ди

революция=**ABL** после все народ=**PL=DAT** свобода дать=**CAUS=PP**

‘После революции всем народам была дана свобода’
Еще пример.

кирг. *Аюнун чоңойгон баласы азаттыкка токойдо чыгарылды*

Аю=нун чоңойгон бала=сы азаттык=ка токой=до чыгар-
=ыл=ды

Медведь=**GEN** подросший детеныш=**POSS.3** свобода=**DAT**
лес=**LOK** выпустать=**CAUS=PP**

‘Подросший детеныш медведя был выпущен на свободу
в лесу’

Сопоставим теперь английские параллели данной группы предикатов, то есть *verbs of giving freedom*. К ним относятся, в частности, следующие глаголы: *send, introduce, release, allow, thank, remove, open, solve, fold, to pull out, to take out, to pack, to untie, to release, to untie issuance, return, release/return from military service, demobilization, release, get rid of, escape, release.*

Обратимся к высказывательным иллюстрациям.

англ. *After World War II, many African countries were given freedom* [разг.].

After World War II, many African countries were given freedom

После мировая война два многие африканские страна=**PL**
быть=**PP**давать свобода

‘После Второй Мировой войны многим африканским странам была дана свобода’

Следующий пример.

The problem of island isolation was resolved by the two countries through negotiations [газ].

The problem of island isolation was resolved by the two countries through negotiation=s

Проблема остров изоляция быть решен две страна через переговоры=**PL**

‘Проблема изоляции острова была решена двумя странами путем переговоров’

В высказываниях, организуемых рассматриваемыми предикатами, наделение свободой интерпретируется как разрешение какого-то проблемного вопроса. В репертуар синтаксических концептов включены «WHAT (freedom) IS GIVEN TO WHOM», «WHAT IS DECIDED BY WHOM».

англ. Money is valuable because it gives freedom [Мартин Иден, 94].

Деньги тем ценны, что дают свободу

3. Синтаксические концепты, формируемые предикатами утраты свободы.

В кыргызском языке в эту группу предикатов входят такие глаголы, как баш ийүү, багынуу, моюн сунуу, бут тозуу, жыгылуу, айтканды орундуу, тил алуу, сөздү эки кылбоо, блоктоо, обочолонуу, жекелештирүү, изоляциялоо, тосмо куруу, курчоого алуу, мыйзам бузуу, чектөө, канааттандыруу эмес, чек коюу ; жаза алуу, укугу чектөө, күч көрсөтүү.

Обратимся к примерам.

кирг. *Бугу уруусунун эли Ормон ханга баш ийген*
 Бугу уруу=су=нун эл=и Ормон хан=га баш ий-
 =ген

Бугу племя=**POSS.3**=GEN народ=**POSS.3** Ормон хан=**DAT** голова склонять=**PP**

‘Народ племени бугу подчинился Ормон хану’

англ. *By 1211, all the tribes and peoples of Southern Siberia submitted to the Mongols*

by 1211, all the tribe=s and people=s of Southern Siberia submitted to the Mongol=s

к 1211 все племя=**PL** и народ=**PL** от Южная Сибирь подчиняться к монгол=**PL**

‘К 1211 году все племена и народы Южной Сибири подчинились монголам’

Синтаксический концепт в данном случае осмысливается как некое состояние или действие (утрата=передача свободы) субъекта по отношению к другому субъекту: «КИМ КИМГЕ МОЮН СУНУУ»; «WHO OBEYS WHOM». Что касается типовых структурных схем, то здесь мы можем увидеть некоторые различия:

кирг. **Nnom Ndat Vf**

англ. **Nsubj Vf Nobj**

Они сводятся прежде всего к порядку расположения облигаторных (обязательных) компонентов структурной схемы.

4. Синтаксические концепты, организуемые предикатами лишения свободы.

К предикатам данной группы в кыргызском относятся следующие глаголы: тосуу, курчоо, камоо, кысуу, көчүрүү, тыюу салуу, байлоо, кишендөө, камакка алуу, буйрук берүү, буйрук кылуу, баш ийүү, мажбурлоо, ашыкча жүктөө, жүктөө, милдеттендирүү, тыюу салуу, токтотуу, басмырлоо, коркутуу, алуу, алып кетүү, басып алуу, блоктоо, татаалдаштыруу, канааттануу, токтотуу, чектөө, согуу, кан төгүү, согушка катышуу и др.

В английском языке к указанной группе глаголов можно отнести следующие глаголы лишения свободы - verb of imprisonment:

to block, surround, arrest, squeeze, transfer, imprison, interdict, bind, handcuff, arrest, order, command, obey, coerce, force, encumber, encumber, oblige, prohibit, discriminate, intimidate, frighten, take away, take away, capture, block, complicate, satisfy, stop, limit и др.

Обратимся к примерам-иллюстрациям.

кирг. *Колхоздун мал короосунун жумушчусу айгырды кишендеди* [газ.].

Колхоз=дун мал короо=су=нун жумушчу=су айгыр=ды кишенде=ди

Колхоз=**GEN** скот двор=**POSS.3**=**GEN** работник=**POSS.3** жеребец=**ACC** опутать=**PP**

‘Работник колхозного скотного двора надел путы на ноги жеребцу’

кирг. *Сыйлоо комиссиясы Президенттик стипендияга чектөө киргизди* (информант)

сыйлоо комиссия=сы Президенттик стипендия=га чектөө киргиз=ди

награда комиссия=**POSS.3** президентская стипендия=**DAT** ограничение вводить=**PP**

‘Наградная комиссия ввела ограничения на Президентскую стипендию’

Приведенный пример вербализует синтаксический концепт «КИМ ЭМНЕГЕ ЭМНЕ КЫЛУУ», связанный с типовой структурной схемой **Nnom Ndat Vf**.

англ. *Yesterday the city police arrested the instigators of the riots* x)
yesterday the city police arrested the instigators of the riots
вчера город полиция арестовать организптор=**PL**
беспорядок=**PL**

‘Вчера городская полиция арестовала зачинщиков беспорядков’

В данном предложении-высказывании *Yesterday the city police arrested the instigators of the riots* просматривается синтаксический концепт «WHO DID WHAT TO WHOM». Он связан со структурной схемой **Nsubj Vf Nobj**.

англ. *I was thrown into a punishment cell, deprived of light and food* (Джон Стюарт Милль с. 36)

‘Я был брошен в карцер, лишен света и пищи’.

В примере *I was thrown into a punishment cell, deprived of light and food* синтаксическим концептом является «WHO IS DEPRIVED OF FREEDOM». В ментальной сфере он связан с типовой структурной схемой **Nsubj to be Vfcaus of Nobj**.

Таким образом, исследование аспекта предикативного воплощения ментальных концептов на примере концепта «Свобода» позволяет очертить ментальное пространство бинарного

концепта «Свобода». Данный аспект когнитивной лингвистики является малоисследованным и требует своего изучения. С этой целью мы обратились к синтаксическим концептам. Мы считаем, что их исследование является актуальным направлением в современной лингвистике. Как отмечают Цыганская О.Г. и Борисова Т.Г., «Синтаксический концепт играет основную роль в речемыслительной деятельности, так как одновременно обращен и к реальной действительности, и к языку» [87:119].

Синтаксические концепты становятся объектом научных исследований лишь в последние годы. В имеющихся толкованиях синтаксического концепта отражается тот факт, что пропозиция, репрезентирующая синтаксический концепт, является сложной структурой – комбинацией смыслов (концептов), связанной определенным отношением [40:88].

Среди тюркских языков мы выбрали современный кыргызский язык, с которым сопоставляли английский язык. Эмпирическое поле нашего исследования мы задали привлечением четырех групп глагольных предикатов, моделирующих высказывания на тему наличия и отсутствия свободы. Мы обнаружили разный набор синтаксических концептов и совсем разные структурные схемы.

2.5. Моделирование предложения на полипредикативном уровне

В данном параграфе наше внимание будет сфокусировано на вопросах моделирования полипредикативных конструкций. Сразу же отметим, что, вслед за представителями новосибирской синтаксической школы, термин «полипредикативная конструкция» мы будем понимать в качестве родового. Это значит, что данным термином мы будем объединять не только классические сложные предложения, но и осложненные и усложненные (многочленные) предложения. Забегая вперед, подчеркнем, что все эти синтаксические построения по материалам тюркских, а

также монгольских языков в конечном итоге восходят к моделям элементарного простого предложения.

2.5.1. Модели полипредикативных конструкций моносубъектного типа

Моделируя простое предложение в уйгурском языке, как и в других тюркских, а также типологически близких монгольских языках, можно рассматривать его в качестве такой центральной и универсальной единицы, с которой соотносятся прочие синтаксические единицы языка как со стороны своей структурной организации, так и со стороны передаваемых синтаксических значений. В этом усматривается та системность синтаксического строя тюркских языков, о которой писала Е. И. Убрятова, обращаясь к якутскому материалу [80:2].

В уйгурском языке, как и в других тюркских языках, наблюдается принципиальное сходство в выборе способов соединения компонентов простого монопредикативного предложения, сложносвязного предложения, сложноподчиненного предложения и дискурса (сверхфразового единства, текста).

Модельный подход к синтаксису простого предложения позволяет исследователю ясно видеть, что здесь можно говорить и о тождестве синтаксических позиций, допускающих замещение компонентами с различным синтаксическим статусом, имеющих различную степень синтаксической сложности. При таком более широком, по сравнению с существующим в традиции, взгляде требуется, как пишет профессор М. И. Черемисина, отказаться от ожидания, что член предложения должен и может быть представлен только формой слова, синтетической или аналитической (или ее функциональным аналогом фразеологизмом). Гораздо более естественной и адекватной самой природе языка как последовательно артикулированной, расчлененной, и именно в силу этого «многоярусной» системе знаковых форм, представляется такая точка зрения, согласно которой любой из

компонентов, конституирующих любую модель предложения или любой его факультативный распространитель может быть выражен синтаксическими формами любой «синтаксической размерности», от компактной синтетической словоформы до весьма сложного и громоздкого, многокомпонентного и развернутого полипре-дикативного построения с сочинительными и подчинительными отношениями предикативных частей и с любыми конструкциями внутри них [329:9–10]. Учет указанных положений при изучении синтаксического строя уйгурского и других тюркских языков открывает возможность, отталкиваясь от системы моделей базового простого предложения, особенно ее ядерной части - моделей двусоставных предложений свободной структуры, смоделировать другие подуровни синтаксического яруса языка. Прозрачные намеки на такую возможность держатся во многочисленных описаниях полипредикативного синтаксиса, где дается типология зависимых единиц в терминах традиционных членов предложения, подлежащие зависимые предикативные единицы (придаточные части), дополнительные, обстоятельственные (с дальнейшим подразделением на блоки и типы), определительные, сказуемые [см. 65:403–426]. Аналогичные отношения можно видеть и между законченными предложениями в связном тексте. Анализ средств связи таких предложений показывает, что в принципе за ними стоит единая языковая техника, соотносительная со способами соединения компонентов простого предложения [см.: 80].

Выделение спаренных предложений и сверхфразовых единиц допускает возможность [65:449] их изучения на уровне моделей, что позволяет и здесь последовательно разграничить для себя единицы языка и речи. Так, в монографии «Строй уйгурского языка» в части, посвященной сложному предложению, повествуется о конкретных структурно-семантических моделях этой самостоятельной синтаксической единицы. Приведенные формулы в первую очередь представляют структуру сложных предложений (полипредикативных конструкций). Но за ними

можно увидеть и формулы универсальных моделей синтаксических единиц. Для этого достаточно сделать шаг в сторону увеличения лингвистической абстракции и обобщения при презентации моделиобразующих позиций. В частности, на странице 404 указанного труда среди прочих моделей приведена модель «**A Ту-диған//лик В**» (Пример: *Тохтиханниң қуйқа чечиниң тик туридиганлиги сөзсиз*).

Тохтиханниң қуйқа чечиниң тик туридиганлиги сөзсиз [УА].

Тохтихан=ниң қуйқа чеч=и=ниң тик тури=диған=лиг=и сөзсиз

Тохтихан=GEN вьющийся волосы=POSS3=GEN прямо стоять=PP=SUBST=POSS3 безусловно

‘Нет слов, что вьющиеся волосы Тохтихан встанут дыбом’

За этой моделью стоит универсальная структурно-семантическая модель **N1** ⇔ **N/Adv (cop)** «кто/что – каков (есть)» Например, для простого предложения: уйг. *Бу сөзсиз*. ‘Это безусловно’. Здесь позицию /N1/ не могут, по всей видимости замещать имена предметной семантики. В нашем примере в этой позиции представлено указательное местоимение *бу*, денотатом которого в данном случае является целая ситуация, событие. Иначе говоря, здесь местоимение *бу* употребляется как заместитель предложения, как «местопредложение». Вообще, указанная позиция может замещаться и формой слова, и предикативной единицей, и предложением в дискурсе. Подобная возможность и используется нами в дальнейшем для выявления общих универсальных моделей синтаксических единиц.

Ниже будут затронуты общие вопросы соотношения моделей элементарного (базового, универсального) простого предложения с другими синтаксическими единицами в современном уйгурском языке, которые будут рассматриваться в порядке нарастания степени синтаксической сложности: осложненное предложение – сложное предложение – дискурс. При этом не ставится задача полной инвентаризации моделей этих единиц, так как это элементарно не может уложиться в рамки данной работы, посвященной вопросам модельного описания элементар-

ного простого предложения – универсальной единицы синтаксиса (синтаксемы). В контексте работы нам важно осмыслить и увидеть принципиальную возможность выделения универсальных и глубинно-инвариантных моделей синтаксических единиц и на этой основе верифицировать выделенные структурно-семантические модели простого предложения в частности уйгурского языка.

Осложненное предложение

Взаимоотношения данного многообразного типа синтаксических конструкций и ЭПП покажем на примере уйгурского материала. Наблюдения над связной уйгурской речью позволяют констатировать здесь значительную частотность в употреблении синтаксических конструкций осложненной и смешанной природы, а не классических простых или сложных предложений. Особенно выделяются в этом плане предложения с полупредикативными оборотами, возглавляемыми деепричастными формами на –май/-мэй функционально соответствующими причастно- послеложным сочетаниям с послелогом **петичэ, бойн, бойнчэ**.

Продуктивность этого типа предложений не могла быть не замеченной со стороны исследователей других тюркских языков которые, однако, в оценке их грамматической природы сходятся между собой далеко не по всем позициям. Значительное влияние, на наш взгляд, оказывают здесь традиции от индоевропейской лингвистики, представители которой, как правило, интерпретируют интересующие нас предложения в качестве конструкций с деепричастными оборотами в качестве простого предложения. Согласно этому взгляду, деепричастные обороты тем не менее не просто входят как расширенный в структуру простого предложения, а осложняют ее. Но понятие осложнения остается размытым и недостаточно четко разработанным, в чем естественным образом отражается сложность самого синтаксического участка языковой системы, на материале тюркских языков продолжающего ожидать своего углубленного изучения.

До сих пор при изучении предложений обсуждаемого типа превалировал формальный подход с отдельными элементами функционального анализа. В результате этого чаще всего постулировался тривиальный тезис об отсутствии второго подлежащего в предложениях с деепричастными оборотами, на основании чего они, не без влияния европейской лингвистики, оценивались в качестве простых, монопредикативных. Понятие осложненных, или развитых, членов простого предложения [см., например: 18] не носило сколько-нибудь специально разработанный характер. Указанный взгляд господствовал буквально до недавнего времени. Однако вследствие бурного развития в последние годы такого направления в языкознании, как семантический синтаксис мнения исследователей применительно к предложению с деепричастными, да и причастно-падежными, причастно-последложными «оборотами» стали склоняться в сторону признаний их полипредикативной природы. В этом смысле тюркские, в частности уйгурские, деепричастия в инфинитивной функции близки к причастиям, например, к причастию прошедшего времени на -ған, которые сохраняя чисто глагольные свойства, в предложении приобретают «сочетательную технику» имен. К такой технике может быть отнесена способность причастий в роли инфинитивного сказуемого склоняться. Но это склонение тем не менее иного характера, чем изменение по падежам именных частей речи, это *предикативное* склонение. О нем подробнее будет сказано ниже. В общем контексте подобного осмысления синтаксического функционирования тюркских инфинитивных форм глагола понятие полипредикативности понимается как родовое. Это не синоним термина «сложное предложение». Последний входит в число полипредикативных конструкций, но не ограничивает нами этого класса синтаксических объектов. Сюда относятся и другие построения, может быть не дотягивающие до ранга собственно сложного предложения, но и не являющиеся собственно простыми монопредикативными предложениями.

Современное состояние изучения семантики предложений предполагает выделение лежащих в основе значения предложения конкретных пропозиций, которые отражают общее значение предложения, его диктум и понятийную основу. В процессе речепорождения активизирующееся сознание, личные смыслы, пройдя через этап оформления в пропозиции, затем получают свое выражение в виде высказываний. Элементарные монопредикативные предложения зачастую бывают монопропозитивными [см.: 96]. Если же пропозиции, кроме предикативного узла, выражаются иначе, скажем, в обстоятельственных членах предложения, то такое предложение, оставаясь в принципе простым предложением, уже не может оцениваться как элементарное. Оно перестает быть таковым и оказывается повернутым в сторону нарастания сложности синтаксического порядка, оказывается продвинутым ближе к классу полипредикативных конструкций.

Обращаясь под таким углом зрения к осложненным предложениям включающим деепричастные обороты в современном уйгурском языке, можно видеть, что здесь выделяются минимум две пропозиции. Например: *Сулайман Рози пурсәтни қолдин бәрмәй зияндаш һашарәтни йоқатти* ‘Сулайман Рози, не упуская удобного случая, уничтожил вредных насекомых’. В этом примере вычленяются две пропозиции:

- 1) Сулайман Розиниң пурсәтни қолдин бәрмәслиги;
- 2) Сулайман Розиниң һашарәтни йоқитиши.

Как известно, та или иная пропозиция допускает различные формы, первичные или вторичные, своего выражения в поверхностной структуре предложения. Первичной, канонизированной формой выражения пропозиции является монопредикативное предложение. Законченное предложение, закрываемое финитной формой сказуемого, является канонизацией форм представления пропозиций. В данном примере такая процедура приводит к двум законченным предложениям:

1) *Сулайман Рози пурсәтни қолдин бәрмиди.* «Сулайман Рози не упустил удобного случая».

2) *Сулайман Рози зияндаш һашарәтни йоқатти*, «Сулайман Рози уничтожил вредных насекомых».

Но построение речи на таких классических, «рубленных» простых предложениях, являющихся результатом структурирования пропозиций, их актуализации; делает саму речь не совсем естественной, не гибкой, не экономной и даже в определенной мере не связной, что в свою очередь является одной из важнейших свойств речи как таковой. Поэтому такие простые предложения получая свою реализацию в составе высказываний в речи как правило соединяются между собой в рамках более сложного целого, уже не являющегося простым предложением. При этом один из кореферентных подлежащих устраняется, закономерно элиминируется и сказуемое линейно первого простого предложения «репрессирует» свой конечный аффикс, заканчивающий предложение, также оставаясь в виде глагольного корня. Это аффикс времени-наклонения, в данном случае аффикс прошедшего времени изъявительного наклонения на -ди. Без выражения категории времени-наклонения, как известно, не может быть категории предикативности и следовательно, нет самого предложения. И в самом деле перед нами остается только тот состав предложения, который обозначает, номинирует ситуацию, но предложения как законченной коммуникативной единицы здесь нет. В таком своем составе эта основа предложения может функционировать, только в составе более сложного и, - что важно отметить, - законченного предложения. Но для этого должно произойти соединение его с другой частью этой более сложной синтаксической конструкции. Уже один этот факт говорит о том, что перед нами не совсем простое предложение, а нечто более сложное, осложненное предложение. В роли связующего средства между частями осложненного предложения тюркских языках, в частности, выступает аффикс деепричастия на -(ы)п, -май/мэй. Это его главное функционально-синтаксическое назначение. Но при этом само образующееся осложненное синтаксическое целое, разумеется, не является простой суммой

двух монопредикативных предложений, первое из которых в лице своего сказуемого подвергается значительным формальным изменениям, в силу четко встает вопрос, касающийся наличия или отсутствия в таких по существу синтаксических построениях дополнительной предикативности. Устранение аффикса времени-наклонения говорит об отсутствии полной предикативности как актуализационного оценочного значения реальности или ирреальности той ситуации, которая номинируется, а также времени ее осуществления. Соотнесенность с субъектом, то есть с третьим параметром категории предикативности, достигается вследствие повернутости деепричастного оборота на субъект доминирующей части, общий субъект. Транслирование значений времени-наклонения от сказуемого доминирующей части позволяет утверждать, что все-таки предикативность в опосредованном виде через финитное сказуемое доминирующей части здесь присутствует. В целом перед нами полипредикативные конструкции, осложненные полупредикативными единицами в своем составе [ср.: 32]. Такие предложения с обсуждаемыми конструкциями восходят к вариативно-субъектным моделям полипредикативных предложений. Но, тем не менее вполне допустимы разно-субъектные реализации, хотя в уйгурском языке эти модели, как правило, реализуются в качестве моносубъектных предложений. Обратимся, к примеру, моносубъектных реализаций в реальной связной речи:

Чокан ишикни ечип, аста-аста кирди [газ.].

«Молодая женщина, открыв дверь, тихо вошла».

Примеры разно-субъектных реализаций в реальной связной речи:

Қар йегип, етиз вә орманлар ақ либас кийишти [ЗС, ЖС, 271].

«Выпал снег, и поля, леса оделись в белый наряд».

Балилар келип, оюн-тамаша башиланди [газ.].

«Пришли дети, и началось представление».

Важными положениями применительно к указанным предло-

жениям, на наш взгляд, являются следующие: обсуждаемые предложения должны рассматриваться отдельно от моделей собственно простого предложения. Это различные синтаксические объекты. Рассматриваемые структуры являются реализациями самостоятельных моно-, разно- и вариативно-субъектных моделей осложненных предложений, тяготеющих к области полипредикативных конструкций.

Типичным средством синтаксической связи в моносубъектных осложненных предложениях уйгурского языка может быть не только формант деепричастия на -(ы)п, - май/мэй, формирующий аналогичные синтаксические структуры. В уйгурском языке представлены послелогои *бойи, бойича, нети, нетича*, к которым функционально близко служебное слово *һалда*. Они сочетаются с основным падежом имени существительного в простом предложении и причастия на -ған в осложненном предложении. Во втором случае в рамках одного синтаксического целого соединяются две предикативные единицы, зависимая, возглавляемая причастно-послеложным комплексом, и доминирующая, замыкающая собой осложненное целое. Обе предикативные единицы чаще ориентированы на один общий субъект, что и служит решающим фактором, не позволяющим оценивать такие предложения как собственно сложные.

Например:

Ислам Сәйдулла ғшу сөзларни үнлүк ейтқан бойи кабинеттин чиққан [ҚТ, ҺМ, 97]. ‘Ислам Сайдулла громко сказав эти слова, вышел из кабинета’.

Қамча билән бир узун таяқни кәтәргән нети бойи пака бир адәм чиқип қалди [ҚТ, ҺМ, 78]. ‘Держа камчу и длинную палку, вышел один низкорослый человек’.

Заслуживающим внимания является и тот факт, что названные послелогои в составе данных причастно-послеложных комплексов могут принимать лично-притяжательное оформление, что, на наш взгляд, продиктовано необходимостью акцентировать ориентацию зависимой предикативной единицы через

категорию лица на общий субъект всего осложненного предложения, с одной стороны, и маркировать противопоставленность данной группы послелогов, обслуживающих моносубъектные осложненные предложения, другим неизменяемым послелогам, которые, как отмечается в литературе, являются не изменяемой служебной частью речи [65:319]. Приведем примеры с лично-притяжательным оформлением причастно-послеложных предложений в роли зависимого сказуемого осложненных предложений.

Мэн жиглиган петим өй тэрэнкэ қарап жүгәрдим [Т, 245]. «Я, плача, побежал в сторону дома».

Тамга йөләнгән петим лам демэй туруп қалдим [КТ, ЫМ, 387]. – «Прислонившись к стене, я застыл молча».

При формульной записи моделей осложненных предложений наиболее важным представляется фиксация показателей связи, к числу которых относятся, в частности, формант деепричастия на -(ы)п, -май, -мэй, причастия на -ған, сами указанные послелоги. Кроме этого, необходимо показать позиции переменных, соответствующих «основам» зависимой предикативной единицы и самой доминирующей части. Поскольку зависимые предикативные единицы здесь выступают в сирконстантной роли, модели всего предложения не «складываются» в структурно-семантические модели, аналогичные моделям простого предложения, а записываются иначе. Это могут быть формулы типа:

(А – Т_v-п), (Б) или (... Т_v), (...). Например:

Өткән вақиәләрни әсләп наһайити уялдим [УА]. --

‘Вспомнив прошедшие события, очень я устыдился’

Спиртлик ичимликләрни тола ичип, наһайити мәс болуп кеттимиз [УА]. ‘Выпив много спиртного, мы стали совершенно пьяными’.

(А Т_v-ған пети), (Б) или (... Т_v-ған пети), (...)
Например: () *Мэн жиглиган петим өй тэрэнкэ жүгәрдим* [ҺӘ, АМ, 245]. - Я, плача, побежал в сторону дома.

Рассмотрим модели причастно-послеложных осложненных предложений, которые составляют определенную микросисте-

му. Причастно-последеложные сочетания с рассматриваемыми послеслогами Тv-ган пети, Тv-ган бойи, Тv-ган бойичэ лежат в основе трех полипредикативных конструкций аналитико-синтетического типа:

- 1) (... Тv-ган пети), (...);
- 2) (... Тv-ган бойичэ), (...);
- 3) (... Тv-ган бойи), (...).

Сочетания последелога *петичэ* и причастия на -ган нами не рассматриваются на уровне осложненных предложений, потому что они указывают не на сохранение действия (ситуации), обозначаемого причастием, во время протекания действия, обозначаемого финитной формой глагола-сказуемого. На сохранение признака предмета в течение действия, обозначаемого финитной формой глагола. Поэтому конструкция Тv-ган петичэ ориентирована на уровень простого предложения, являясь синонимом конструкции Тv-ган петичэ. Например:

Турсунжанниң костюми орундукнин устигэ артилган петичэ қапту [КТ, ЫМ, 200]. ‘Костюм Турсунджана на стул брошенным (продолжая быть) остался, оказывается’.

Причастно-последеложные сочетания Тv-ган пети, Тv-ган бойи, Тv-ган бойичэ способны представлять осложненные предложения как зависимых предикативных единиц и, во-вторых, средством связи компонентов всего осложненного целого. Исходя из этого, рассмотрим в сжатой форме те осложненные предложения, в основе которых лежат рассматриваемые причастно-последеложные сочетания. Модель (... Тv-ган пети) (...) «как – так» является многозначной, то есть допускает расщепление своего означаемого.

Наблюдения показали, что существуют два функциональных варианта этой инвариантной модели: «как... так» – следование и «как ...так» – одновременность. В основе их противопоставленности лежат количественные характеристики действий, обозначаемых глагольными формами-сказуемыми. В состав

формы зависимого предиката высказываний следования входят причастные формы от глаголов типа *кэлмэк* «приходить» (В русском языке их сочетаниям с послелогом *пети* соответствуют деепричастия не совершенного вида), в состав формы зависимого предиката высказываний одновременности входят причастные формы от глаголов типа *тутмақ* «держатъ» (в русском языке их сочетаниям с послелогом *пети* соответствуют деепричастия несовершенного вида). В качестве отличительного признака, указывающего на функциональный тип следования, можно отметить частое отрицание предикативного признака в доминирующей предикативной единице. Грамматическими средствами выражения отрицания является аффикс отрицания в структуре финитных и инфинитных форм сказуемого и лексема *йоқ* в сочетании с формой на -ган. Как правило, причастию на -ган в таких высказываниях предшествует выступающее в текстообразующей функции анафорическое местоимение *шу*. В высказываниях со значением одновременности после формы зависимого сказуемого мы чаще всего наблюдали контактное расположение формы доминирующего сказуемого, а также обстоятельства, характеризующего действие, обозначаемое сказуемым доминирующей части.

Модель, построенная по структурной схеме (**... Тv-ган бойичэ**) (...) совпадает в плане содержания с вариантом (**... Тv-ган пети**) (...) как одновременность. В итоге отношения между тремя обсуждаемыми причастно-послеложными моделями осложненных предложений можно отобразить так:

(...Тv-ган пети)(...) «как...так»:

(... Тv-ган бойи) (...)

«как только так»

(шу ...Тv-ган петичэ) (...)

«следование»

(...Тv-ган бойичэ) (...)

«одновременность»

Грамматическая семантика модели со структурной схемой (... **Тv -ган бойи**) (...) предполагает то, что событие доминирующей предикативной единицы совершается после события зависимой предикативной части, и между ними никак не может быть паузы, то есть как только произошло А, так происходит Б (перманентность). Смысловой акцент делается именно на этом, но не на казалось бы похожем в переводе быстром следовании Ср.

Балилар милиционерни көрүши билэнла алди-кэйнигә қаримай қачиду [НТ, ТКА, 40]. – «Дети как только увидят милиционера, так убегают сломя голову».

Здесь передано быстрое следование модель предложения и ее структурная схема иная (... **Твиш билэн**) (...) «**быстрое следование Б за А**». Сочетанию причастия на -ган с послелогом *бойи* в русском языке функционально соответствуют деепричастия совершенного вида. Обратимся к примерам реализации описываемых моделей осложненных предложений

Һәр күни чүшәргән көлгә бир жигит, Аләмга янмапту [фольк.]. «Забрасываемые каждый день в озеро парни назад, оказываются, не возвращались».

Синиптин чиққан петим өйгә кирдим [СТОК, 43]. «Как я вышел из класса, так сразу и вошел в дом».

Как видно, здесь в структуре послелога указывается на грамматическое лицо субъекта, которому предикированы оба предикативных признака. В структуре финитной формы доминирующего сказуемого на него указывает лично-предикативный аффикс 1 лица ед. числа, противопоставленный лично-притяжательному показателю в структуре формы зависимого сказуемого

Мән қулигимдин еқиватқан қанни тутқан петим туруп қалдим [КТ, ЫМ, 10], «Я из уха текущую кровь трогая, встал». (17) *Бизму дәптәр-китавимизни деризә түвигә, қариват үстигә иргитип ташлиган бойи кара котелокка октәк етилаттуқ* [СТОК, 141]. «Мы тоже, побросав наши книжки и тетрадина подоконник и кровати, пулей летели к черному котелку».

Току акам вақириган бойича қалди [СТОК, 48]. «Току акам продолжая кричать остался».

Обсуждаемые модели являются моносубъектными. В речи они реализуются как моносубъектные высказывания, но могут встречаться и высказывания с двумя подлежащими, одно на которых находится в зависимой предикативной единице. Оно, как правило, вступает в партитивные отношения с подлежащим доминирующей предикативной единицы. Например:

Табассум авази титриган бойича бөлмидин жиглап чиқип кәтти [УА]. «Голос Табассум дрожал, и она с плачем вышла из комнаты».

По этой причине оно не является реальным аргументом в пропозиции, лежащей в основе зависимой предикативной единицы; оно не имеет собственного денотата, который отличался бы от денотата подлежащего доминирующей предикативной единицы. Однако тем не менее, хотя и изредка, но такие примеры с двумя формальными подлежащими, имеющими разные денотаты, все же встречаются. Ср.

Фулам ўстига бир нарча кигиз йепилган ҳалда йәрда ятатти [Н, 65]. – «Фулам лежал на земле, он был накрыт войлоком (букв. На нем кусок войлока как накрыт был, так и лежал на земле)».

Данный пример, как и приведенный выше, снабжен переводом в виде собственного сложного, сложносочиненного финитного предложения, хотя таковым он реально не является, поскольку между предикативными единицами существуют подчинительные синтаксические отношения, формально выраженные показателями в составе инфинитной формы **Tv -ган ҳалда**. С другой стороны, здесь не выражаются те отношения (сказуемые, подлежащие, дополнительные, определительные, темпоральные, уступительные, условные, причинные, следствия и др.), которые характерны для сложноподчиненного предложения. В данном случае выражаются скорее отношения «образа действия», присущие синтаксическим конструкциям с

деепричастными оборотами, но дать такой перевод невозможно по той причине, что в зависимой предикативной единице имеется собственное подлежащее (кигиз), имеющее свой собственный денотат, отличный от денотата подлежащего доминирующей предикативной единицы (Гулам).

Своеобразие синтаксического строя уйгурского языка, как, впрочем, и других тюркских языков, обусловило то, что синтаксическая связь между двумя предикативными единицами, выражающими две пропозиции, получает свое синтаксическое оформление теми же способами, которые используются в простом предложении и в словосочетании. Между последним и отмеченными объединениями двух предикативных единиц наблюдается значительный формально-содержательный изоморфизм. Оценка синтаксического статуса подобных «предложениясочетаний» вызывала и до сих пор продолжает вызывать большие споры (см. об этом: 301, с. 15-24). Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, основные аргументы участвующих сторон которой упоминаются почти в каждой работе, касающейся сложного предложения в тюркских языках, обратимся к вопросам, имеющим отношение к моделированию данных интересных и своеобразных синтаксических объектов.

Конструктивной вершиной предложения в уйгурском языке является сказуемое. Чтобы перейти к вопросам соотношения моделей простого и «сложносаянного» предложений [8:30–35], рассмотрим две конкретные глагольные формы в уйгурском языке. Это формы прошедшего времени на -ди и на -ган. Например, *калди* «пришел», *калган* «пришел, приходил». Обе формы глагола выражают прошедшее время. В грамматических описаниях по тюркским языкам отмечается, что эти формы различаются на семантической основе по линии очевидности, категоричности – неочевидности, некатегоричности действия, осуществленного в прошлом. Для нас в данном случае более важен другой, функционально-синтаксический критерий: как используются в современном уйгурском языке с синтаксической

точки зрения указанные формы. Форма на -ди в уйгурском языке используется лишь как финитное сказуемое. Оно замыкает, завершает самостоятельное предложение. Форма на -ган полифункциональна. Она употребляется как финитное сказуемое, а также, – что для нас в данном случае важно, - как определение и далее – как инфинитное сказуемое. Выступая в качестве определения, эта форма меняет позиции в предложении перемещается с его конца. В этом случае оно определяет имя, формирует относительные конструкции. В роли инфинитного сказуемого форма на -ган репрезентирует феномен предикативного склонения [84; 58].

Субстантивное склонение в общем вызвано к жизни необходимостью оформления синтаксических связей имен при конструировании предложения. Но в реальной речи не так уж часто встречаются чистые простые предложения. Гораздо активнее представлены реализации моделей осложненных и сложных предложений, их комбинации. Упрощая действительную лингвистическую картину, можно говорить, что здесь происходит связывание уже не отдельных предложений, теряющих статус законченного предложения и квалифицируемых нами в качестве предикативных единиц. Какова техника оформления этих синтаксических связей? Что выступает в этом случае в качестве средств синтаксической связи?

В европейских языках это, прежде всего союзные средства синтаксической связи. По этой причине простые предложения, составляющие сложного предложения остаются здесь, в принципе, в исходной своей форме, как если бы мы соединили слова в простом предложении при помощи союза, например, *ва; ср. китап ва дэптэр* «книга и тетрадь».

В современном уйгурском языке наряду с союзным способом соединения простых предложений, которые в составе более сложного целого теперь уже являются предикативными единицами, распространен и другой способ, при котором одна из предикативных единиц меняет свою исходную форму, она становится

в «косвенно-падежную форму». При соединении двух простых предложений, как, впрочем, и любых других двух объектов в речевой цепи, возникает необходимость соединить конец линейно первого из соединяемых объектов с началом линейно второго. В конце предложения, как известно, находится его конструктивная вершина сказуемое. Оно и принимает на себя в уйгурском языке функцию связующего средства в лице морфологических показателей, а именно падежных аффиксов, послелогов. Получается, что в уйгурском языке глагольные формы дифференцируются между собой (падежные аффиксы принимает не форма на -ди, а форма на -ган) и «склоняются» не сами по себе, а в силу синтаксической необходимости, в силу своего функционального назначения в составе предложения. Глагол-сказуемое является вершиной, представителем всего предложения. Сказуемое морфологически принимает на себя падежные аффиксы, но «склоняется», по существу, все предложение в целом для того, чтобы соединиться с другим предложением в составе более сложного синтаксического целого. Ср.

1. Муэллим калди. -Учитель пришел

Дәрис башланди. -Занятие началось.

11. Муэллим кәлгәндә, дәрис башланди. -Когда пришел учитель, занятие началось.

Отмеченная особенность оформления синтаксических связей предикативных единиц в составе полипредикативного целого открывает для нас в контексте проводимого исследования возможность моделирования как простых предложений, так и полипредикативных конструкций на принципиально единых основаниях, на базе универсальных синтаксических моделей, синтаксем (ЭПП).

В современном уйгурском языке сочетание двух предикативных единиц в рамках нового синтаксического целого может осуществляться двумя принципиально отличающимися путя-

ми. Главное отличие здесь наблюдается в оформлении сказуемого зависимой предикативной единицы. В одном случае оно получает инфинитную, неконечную форму (толук аяклашмиған грамматикалик шәкил), вся зависимая предикативная единица самостоятельно употребляться не может, она синсемантическая, нацелена на соединение с другой, доминирующей предикативной единицей. Поскольку показатель синтаксической зависимости встроен в форму сказуемого зависимой предикативной единицы, то в целом подобные полипредикативные предложения относятся к синтетическому типу, а противопоставленные им полипредикативные с зависимой предикативной единицей, имеющей сказуемое в финитной, конечной форме (толук аяклашқан грамматикалик шәкил), которая соединяется с доминирующей предикативной единицей при помощи союзов и других аналитических скреп, называются сложными предложениями аналитического типа [см. об этом, например: 32:164–165]. В уйгурском языке одни и те же функциональные типы сложного предложения, как-то: подлежащные, дополнительные, обстоятельственные могут получать свое выражение как в виде полипредикативных предложений аналитического, так и в виде полипредикативных предложений синтетического типов.

Поскольку наибольшим своеобразием по сравнению с европейскими языками отличаются полипредикативные предложения синтетического типа, то наиболее многочисленные споры вызывают именно они. В тюркологии отдельные авторы их рассматривают как предложения с трансформами [26:212–237]. Согласно такому взгляду, при стягивании двух предложений в одно у сказуемого зависимой примыкаемой трансформы возникает потребность в логико-грамматической соотнесенности со сказуемым главного предложения. Этим и объясняется появление таких средств синтаксической зависимости, как падежные оформители и служебные слова у сказуемого-трансформанта [76:226]. И действительно, падежные показатели и служебные слова типа послелогов, служебных имен являются важнейши-

ми оформителями синтаксической связи не только в простом предложении, но и в сложном предложении.

Такое положение наблюдается и в современном уйгурском языке, хотя здесь мы имеем широкое параллельное употребление средств союзно-аналитического характера. Но если учесть то, что большинство из них являются привнесенными извне, то становится очевидным факт той значимости, которую имеют падежные форманты и служебные слова типа послелогов для осмысления синтаксического строя уйгурского языка. В других тюркских языках, в которых иноязычные союзные средства не получили столь широкого распространения, эта значимость ощущается еще сильнее. В них при выносе «за скобки» союзных скреп ядро гипотаксиса останется почти незатронутым [58:36]. Но если здесь исключить полипредикативные конструкции синтетического типа, то окажется невозможным выразить самые основные, необходимые связи между событиями, что свидетельствует о том, что здесь «склонение предложений» при соединении с другими предложениями, как и в случае со словоформами в словосочетании является главным системообразующим фактором гипотаксиса «живым, активным синтаксическим механизмом» [58:37].

Сам термин «предикативное склонение» принадлежит известному тюркологу Е.И. Убрятовой. Она употребляла его для обозначения системы падежных форм причастий, имен наличия и отсутствия. Такую способность изменяться по падежам причастия получают постольку, поскольку начинают выполнять функцию сказуемого зависимой предикативной единицы в составе полипредикативного предложения. На материале сибирских тюркских, а также других типологически близких им языков теория предикативного склонения была развита дальше основателем Новосибирской синтаксической школы, профессором М.И. Черемисиной и ее учениками. Согласно сложившейся концепции предикативного склонения Е.И. Убрятовой - М.И. Черемисиной объектом такого склонения в морфологи-

ческом смысле является причастное сказуемое, а в более широком синтаксическом смысле предикативная единица в составе монофинитного полипредикативного предложения, противопоставленного полипредикативным предложениям бифинитного, союзного типа [58:37].

Предикативные единицы при склонении обладают значительными возможностями варьирования. Так, в тюркских языках наблюдается не только функциональное, но и формальное противопоставление двух подсистем предикативного склонения; одна из которых соотносится с актантными, а другая с сирконстантными ролями зависимой предикативной единицы относительно доминирующей предикативной единицы и ее сказуемого [58:37]. Данное положение, как представляется, является очень важным для осмысления синтаксиса тюркских языков как цельной системы с позиций универсальных моделей синтаксических единиц.

В первой, актантной подсистеме предикативного склонения используется широкий круг причастий, предикативных имен и падежей. Семантическим центром здесь является винительный падеж, к которому близки дательный-направительный и исходный падежи, активно используемые для маркировки моделиобразующих позиций в простом предложении. Предикативный узел предикативных единиц, выступающих в роли организуется по изафетной схеме, что отличает данную подсистему от обстоятельственной подсистемы, в которой активно участвуют локальные надежи. Эти и многие другие существенные положения теории предикативного склонения Е.И. Убрятовой - М.И. Черемисиной готовят почву для более широкого и вместе с тем адекватного видения модели предложения в тюркских языках.

При соотнесении под модельным углом зрения монопредикативных и полипредикативных предложений многие проблематичные вопросы приобретают заостренный терминологический характер. Так, было поломано немало копьев из-за того, называть или не называть сложными предложениями полипре-

дикативные конструкции синтетического и аналитико-синтетического типов.

В корпусе полипредикативных конструкций синтетического типа сложноподчиненными предложениями согласно той типологии сложного предложения, которая идет от европейской лингвистики, трудно найти место таким синтаксическим построениям, которые не попадают ни в разряд сложноподчиненных предложений, ни в разряд сложносочиненных предложений. Им нет места и среди бессоюзных сложных предложений в том смысле, как они понимаются, например, в русистике [74:27–28]. В уйгурском языке лучше выделять не бессоюзные сложные предложения, а сложные предложения без формальных показателей связи [73:339–340, 426]. В 1982 году В.Г. Адмони предложил для полипредикативных предложений синтетического типа термин «сложносаянное предложение» [8:35]. Если принять его, то можно положить конец тем бесконечным терминологическим спорам, которые ведутся вокруг синтаксического статуса данных структур.

Таким образом, при соотнесении единиц полипредикативного синтаксиса с уровнем простого предложения под модельным углом зрения следует иметь в виду прежде всего полипредикативные конструкции синтетического типа, или сложносаянные предложения, а также полипредикативные бифинитные разносубъектные конструкции аналитического типа, или сложноподчиненные предложения. Понятие полипредикативной конструкции можно рассматривать как родовое и объединяющее. От рассмотрения сложносочиненных предложений и полипредикативных предложений без формальных показателей связи мы отвлекаемся, так как первые представляют собой простое объединение предложений, которые можно рассматривать и как автономные, самостоятельные в составе текста, а не как сложное предложение, а вторые соотносятся с теми или иными структурными типами сложносаянных или сложноподчиненных предложений по характеру передаваемых синтаксических отношений

2.5.2. Модели полипредикативных конструкций

разносубъектного типа (в данном параграфе использованы материалы исследований [5; 32])

Поскольку обсуждаемое синтаксическое пространство является очень обширным, в данном случае рассмотрим вопросы моделирования на примере полипредикативных конструкций (ППК) с изъяснительной подлежащей частью.

хак. *По кой парзан ныбырт часцыда паза чаккийленин (нис) тацзындыбыс* [ИВШ]. «Нас удивило, что обгоревшая черемуха весной снова зацвела».

Структурная формула приведенной полипредикативной конструкции с глагольным конечным сказуемым выглядит следующим образом:

$[N=2 - Adj/T \ v=PART=//=0] (N=3/=4 - V-T/-ды/Adj \ Cop)$

Особенностью полипредикативных конструкций данного типа является то, что «в позиции предиката выдвигается модус, выражающий пропозициональное отношение-оценку» [29:175]. Ср., например, в уйгурском как типично тюркском языке:

уйг. *Һава райиниң очуқ экәнлиги бизгә яқти* [разг.]. «Нам понравилось, что погода была ясной»

Гүлзарлиқларниң көп экәнлиги бизни хошал қилди [разг.]. «Нас обрадовало, что было много цветников»

Итак, как можно видеть из примеров, в таких конструкциях субъект в зависимой предикативной единице выражается именем в форме притяжательного (родительного, посессивного) падежа, а зависимый предикат передается либо именем, либо формой причастия с аффиксом принадлежности в форме основного (неопределенного) падежа. В подчиняющей части полипредикативного целого субъект может выражаться или формой дательного-направительного, или формой винительного падежей. Что касается финитного сказуемого, то здесь наблю-

даются формы индикатива или имена со связками, имеющие оценочную семантику.

То, что полипредикативная конструкция коррелирует с ЭПП, можно показать на следующем примере.

уйг. *Маһмут Қәшқәри униң [Турумтайниң.-С.А.] қандақтур бир ишни йошуруватқанлигини пәмлиди* [ПЖ, МҚ, 189].

Маһмут Қәшқәри у=ниң [Турумтай=ниң.-С.А.] қандақтур бир иш=ни йошуруват=қан=лиғ=и=ни пәмли=ди

Махмуд Кашгари он=GEN [Турумтай=GEN.-С.А.] какое-то одно дело=АКК прятать=PP= NMLZ=POSS3=АКК почувствовать=PAST

‘Махмуд Кашгари почувствовал, что он [Турумтай.-С.А.] скрывал какое-то дело’.

Оценочность (проблема оценки) в лингвистической науке достаточно хорошо освещена и изучена [13]. По мнению Арутюновой [13:23], процедура оценивания заключается в том, «что человек – субъект оценки сравнивает оцениваемый объект, например предмет или ситуацию, факт действительности, с имеющимся в его сознании эталоном, т.е. представлением о том, каким должен быть или каким обычно бывает типичный объект данного класса» [13:176].

Например:

алт. *Сеец сарнагатцацын чацшы эбес* «Твое пение плохое».

Ср. уйг. *Сениң нахша ейтқиниң яхши эмәс.*

кирг. *Сенин ырдаганын жакшы эмес.*

тат. *Синең жырлаганын яхшы түгел.*

В данном высказывании содержится отрицательная оценка, которая выносится адресантом на основании сопоставления пения именно этого поющего человека с эталоном хорошего пения, который находится в его сознании.

Предикативная единица в ППК изъяснительного типа, как отмечает М. И. Черемисина, представляет оцениваемое событие, формально являющееся подлежащим, с которым соотносится конечное сказуемое – оценочный предикат. Круг таких предика-

тов довольно широк. К этому же типу принадлежат конструкции, близкие к оценочным, но выражающие не собственно оценку, а эмоциональную «реакцию» реципиента на данное событие. В построениях этого типа усматривается актуализированная или потенциальная позиция дательного падежа существительного или местоимения, представляющего лицо, переживающее данное состояние [75]. Вслед за Л.А. Шаминой, для описания ППК данного типа мы используем классификацию типов оценочных значений, разработанную Н.Д. Арутюновой [13:75] и адаптированную Л.А. Шаминой для языков алтайского типа.

Таким образом, Н.Д. Арутюнова разделяет типы оценочных значений на две большие группы. Кроме деления на положительную и отрицательную оценку (общеоценочные значения), выделяются следующие типы оценок (частнооценочные значения): сенсорно-вкусовые (вкусный, приятный), психологические (интересный, глупый, грустный), эстетические (красивый), этические (аморальный), утилитарные (полезный, вредный), нормативные (правильный) и телеологические (удачный, целесообразный), которые объединяются в три подгруппы. Первую составляют сенсорные оценки, вторую – эстетические и этические, а третья подгруппа представлена рационалистическими оценками. Различием между группами, с синтаксической точки зрения, является то, что они выполняют различные функции.

Л. А. Шамина выделила в тувинском языке восемь подсистем оценки, которые позволяют различать диктумные пропозиции, выраженные предикативным подлежащим. Эту классификацию можно использовать, например, для шорского языка, что дает следующие результаты: как в тувинском языке, так и в шорском выявились группы оценки, с помощью которых можно различать диктумные пропозиции, но вместо восьми групп, в этом тюркском языке было обнаружено семь.

1) Значение, отображающее общую оценку.

В этой группе оценка выражается словами «хорошо» – чакшы, польза – туза (в знач. “хорошо”), плохо – чабал. Как прави-

ло, оценка выражается при помощи шкалы хорошо – удовлетворительно – плохо.

Аймаца кижилер келчизанда – ол чацшыы небе «Гости приходят – (то) хорошо» Эттер барда – ол чацша небе (Эттер коп-ползанда – ол чацша) («Много мяса есть – (то) хорошо»); Сен цижи-лербе чоцтажсыбалзанда – ол анзы чацшы («Ты с людьми поговорил – (то) хорошо»); Кун чац-ша-да, быске эдок чацшы («Погода хорошая, (то) нам хорошо»); Цайдац-цайдац целген цазаццижилер писте ургеткенер черижинзе – ол эдоц чац-ша небе («Приехавшие откуда-то русские, учили земледелию, (то) тоже большая польза»).

Сказуемое оценочных ППК может выражаться сочетанием предикатов типа керек «дело», небе «вещь», кизи «человек» с оценочным определением. Например:

Силер керец чоц небедец ужун тартыбыстар («Вы поссорились, (то) глупо (букв.: то шлупое дело»); Мыцда суз ас чер ужун ортектерде, цостарда тударза церец чоц («Поскольку здесь водоемов мало, уток, гусей разводить, (то) бессмысленно (букв.: мысль ненужная»).

2) Значение, выражающее оценку сообщений с точки зрения истинности: правда, правильно – «шын», верно – «шынап», несомненно – «кайде-да», неправда – «чойлаш». Следует отметить, что эти оценки относятся не к событиям, о которых сообщается, а к сообщениям о событиях. Как правило, эти предикаты обычно подтверждают или опровергают какое-то утверждение, мнение о событии. Например:

Цачац ол кизицыц цата пала тузац соба олпарзанда, мен ачынып, ол палана шынап албалзам («Когда у этого человека жена умерла от родов (букв.: от задержки последа), я, пожалев, взяла их ребенка, (то) правда») Ол сайлапысцанар, ортеписке-нер озцер-де, ааларда-аймацтарда аца паица черледе от шын, ол ана чоцтазацкижи путцалыш иштиби-зирзе эткен («Что разрушили, сожгли дома, поселки и другие места, (то) верно, но рассказчик попытался запутать (разговор об этом»).

Ол алтын тус чердэ ползан алтын тазыла шын ползан («Что в Золотой долине действительно было много золотого корня, (то) чистая правда»).

Сравнив тувинские предложения третьей группы, а именно, ППК со значением, отражающим оценку наблюдаемых ситуаций с точки зрения ясности, понятности происшедшего и выводов, которые из этого следует, информант-носитель шорского языка давал примеры, используя предикативные подлежащие второй группы: правильно -«шын», верно - «шынап», несомненно – «кайде-да». Например:

Партияна поштап тутчазан кижипирда цада эбес урунуш-цанпедерецтербе (туштербе) ол шын («Партийный руководитель не один раз сталкивался с такими обстоятельствами, (то) ясно») *Ол аара черзе парзана шын* («Что ехал в далекую землю, (то) ясно»); *Палар чии чоц калзанары ол шын ползан* («Что дети остались голодными, (то) было ясно»).

В тувинском языке эти полипредикативные конструкции составляют отдельный блок предложений, отражающих оценку наблюдаемых ситуаций или событий с точки зрения ясности, понятности происшедшего и выводов, которые из этого следуют.

3) Значение, отражающее оценку диктумных пропозиций с прагматической точки зрения. В основном эта группа представлена предикатом *керек* –«нужно».

тув. *Кобузе цайда тадарлад чер устунде чатчызан черде адарза улуз керец* – « Назвать только главное поселение шорцев – (то) важно» . *Алтын та-былчызана керец* («Добыча золота увеличилась (то) важно»).

Телеграмма пузыцыц темизибе чет-кине керец («Что телеграмма пришла вовремя, (то) важно») . *По олазаш оссе цайда поларыц ацац ужун тулацаза керец* («Этот мальчик вырастят кем станет, (то) анализировать еще надо»).

Как видно из приведенных примеров, предикат, образующий ППК данной группы, характеризует в тюркских языках целесо-

образность, нужность, полезность диктумных событий. Такие предикаты в качестве объектов оценки предполагают, прежде всего, действия, поступки людей.

4) Значение, отражающее оценку трудовых действий, как физических, так и интеллектуальных усилий, с точки зрения трудности или легкости для человека: ныннык – «легкий», «легко», ар – «трудно». Например:

Паштап урзенчизамда ацтап ныцац ползан («В первое время усваивать уроки - (это) очень просто было») *Пасып урзедыбаларза най ар эбес* («Письму обучить – (это) не трудно») . *Ол аза посарза ар эбес-те* («Ему писать – что за труд (букв.: что за легкий)»). *Чыбрацарза ацнарза ныцац эбес* («Охотиться на сусликов – нелегко») . *Ча-бал чозацтарба ар курежерзе* («С дурными привычками бороться – (то) трудно»).

5) Значение, отражающее оценку, выносимую на основании эмоционального впечатления от данного события или высказывания о событии и выражаемых с помощью безличных прилагательных: кынныг – «интересно», ачыгы – «жалко», «печально», мага – «приятно», танза – «удивительно», ултыштыг – «стыдно», пашка – «странно», кунан – «печально». Например:

Кайаза ол педе май парча, цынныз небе («Интересно, куда же он пошел так поздно»).

Многие оценочные предикаты этой группы образованы от эмотивных глаголов. Последние сами выступают в качестве предикатов, формирующих изъяснительные предложения с предикативным косвенным дополнением:

Киноза кирбин ужун маза ачызылыш («То, что я не попал в кино, досадно») . *Силерзе пистыц аал (аймац) куленыарда маза мазат* («То, что вам понравилось наше село, мне было приятно»). *Июнь-айда эде соц тацза* («То, что в июне так холодно, удивительно»). *Индец алыз сураз мен сурабыстым, маза аназ ужун ултыштыз* («Такой глупый вопрос я задал, что мне стыдно»). *Ол силерзе цыцманчызана кайда паица* («То, что она вам не понравилась, странно»)

б) Экспрессивные оценки событий. Они варьируют в зависимости от силы впечатления, которое испытал человек, выносящий оценку: очень – магат, ужасно, страшно, опасно – коргуштын.

Алыптыц ургуже магат аланча цачан цысыцы ку-зуруза салдырырзанда черге тезменча («Радость богатыря – очень (настолько), скачет так, что короткий хвост до земли не касается»). *Цайда меце адай суртерзецеде кознез алтыба алацча цорзуштыц ползан* («То, как собака тащила меня за подол, – ужасно»). *Цачац ол ац цата тарыныбысцацда цайда коргуштын ползан* («То, как рассердилась его жена, – ужасно сильно»). *Цайда мен ургунибисценде аланча мазат* («То, как я обрадовался, – ужасно (сильно)»)

7) Последнюю группу изъяснительных ППК с именным сказуемым составляют конструкции, выражающие количественную оценку: много – «коп», «коп/чок». мало – «ас».

Ол келзен ужун тадар черинзе улуз церец иже («То, что именно сейчас он приехал в Горную Шорию- большое дело (=немало)»). *Цачан ылар келе-берзецерде паштап аларза мадап улуз церец* («То, что они тогда появились среди организаторов (букв.: начальников), – большое дело ведь»).

В шорском языке возможны конструкции данного типа, образуемые при помощи наречия, обозначающего количественную характеристику *коп* «много».

шор. *Ол пуун ноога-ноога шым полча, тапкы-ла тар-тары коп полча* («Он молчалив сегодня, беспрестанно курит (курение табака его много)»).

В данном примере главная предикативная единица (ГПЕ) – ол пуун ноога-ноога шым полча – букв. «он сегодня почему/зачем тихо есть(быть)», выражена подлежащим «ол» и сказуемым «пол=». Зависимая предикативная единица (ЗПЕ) – актантная единица подлежащего типа с именным конечным сказуемым «коп полча». Предикаты ЗПЕ в предложениях данного типа строятся следующим образом: основа глагола плюс аффикс

причастия на =р и местоименно-посессивный показатель. Для предложений этого типа в шорском языке характерно то, что образующим элементом ЗПЕ АТ является показатель причастия =р. Данное причастие выражает качество или действие, которое наступит в будущем. Наряду со значением будущего времени эта форма имеет значение и настоящего времени. Иногда можно видеть дополнительную функцию этого причастия, выражающуюся в том, что причастие на =р получает значение медленности и сомнительности действия. Других показателей причастия не встречается.

Аны уккан акказы погунери коп полды, каткы-рары коп полча «то услышавший дед стал тут думать думу, засмеялся (думания много было, смеха (смея-ния) много есть)».

Оценочные конструкции на материале других тюркских языков рассматривались в работах Е.И. Убрятовой [82; 83], М.И. Черемисиной [93], С.Н. Абдуллаева [1], Н.Н. Ефремова [29], Л.А. Шаминой [98], на материале монгольских (бурятского) языков о ППК в работах Е.К. Скрибник [70], Е.К. Скрибник, Н.Б. Даржаевой [71] и др.

Оценочные ППК в нашей работе интерпретируются как последовательная реализация инвариантной модели элементарного простого предложения (ЭПП) с обобщенной семантикой оценки **N1** ⇔ **N/Adjоц (cop)** «кто/что – каков (есть)». ЭПП – это основная единица синтаксического уровня системы языка. На полипредикативном подуровне на примере рассматриваемых в монографии конструкций можно видеть замещение позиции подлежащего (N1) не словоформой, а предикативной единицей. Для языков агглютинативного типа исконным является способ такого замещения при реализации механизма зависимой предикации. В этом случае позицию (N1) заполняет предикативная единица, которая построена по изафетной схеме и которая не может употребляться как самостоятельное предложение, т.к. она замыкается инфинитивной формой сказуемого. Она образует законченную предложенческую структуру, только сочетаясь

с именной лексемой оценочной семантики в роли финитного предиката согласно модели $N1 \Leftrightarrow N/Adj_{\text{оц}} (\text{cop})$ «кто/что – **каков (есть)**». В итоге ППК синтетического типа представляют из себя монофинитное полипредикативное построение, типологически свойственное тюркским и монгольским языкам. В случае взаимодействия с другими языками в контексте общего нарастания аналитизма в процессе развития языков отмечается возможность образования ППК аналитического типа. Естественно ожидать, что бифитный тип организации ППК может основываться на разных приемах, которые позволяют сделать возможным замещение позиции подлежащего непосредственно ПЕ с финитным сказуемым. Это может быть использование местоименно-соотносительные единиц анафорического и/или катафорического типа. В качестве типологически релевантного признака таких ППК резонно ожидать невозможность функционирования одного из ПЕ в качестве самостоятельного предложения, т.к. целостную предложенческую структуру они образуют только в рамках ППК аналитического типа. Естественно ожидать, что и семантические типы не могут совпадать с таковыми среди ППК синтетического типа.

Формальная организация оценочных полипредикативных конструкций

В тюркских и монгольских языках ППК распадаются на три структурных типа в зависимости от того, как реализуется механизм зависимой предикации: синтетический, синтетико-аналитический и аналитический. Например, уйгурские (тюркские) и калмыцкие (монгольские) оценочные ППК представлены синтетическим и аналитическим типами, а, скажем, алтайские – только синтетическим.

В синтетических оценочных конструкциях зависимая предикативная единица по отношению к главной предикативной единице функционально выступает в роли предикативного подле-

жащего. Главная предикативная единица представлена «только составом сказуемого, связанного предикативными отношениями с «предикативным подлежащим – подлежащей ЗПЕ»» [93:76]. Как отмечает Е.И.Убрятова, «аффикс принадлежности при сказуемом зависимого предложения и форма 3 лица ед. числа сказуемого главного предложения» являются основными признаками синтетических подлежащих конструкций [82:163].

Сказуемое ЗПЕ может быть выражено именем существительным, именами наличия (*бар*) или отсутствия (*йоқ/жок*) или причастием (уйг. причастием прошедшего времени на *-ган*, настояще-будущего времени на *-диган*, отрицательной формы причастия будущего времени на *-мас* [86:241]; алт. прошедшего времени *-ган* / *-баган*, настоящего-будущего времени *-ар* / *-бас*, хабиутального *-атан* / *-байтан*). В уйгурском языке как в причастных, так и в именных формах зависимого предиката перед аффиксом принадлежности может употребляться аффикс-номинализатор *-лиқ*. Кроме того, в современном уйгурском именные предикаты ГПЕ в 3 лице ед. числа настоящего времени могут принимать аффиксальную связку *-дур*: *керәктур* ‘надо’.

уйг. *Қизимиз Һәмидә билән Арсиланниң айрилмаслиги керәктур* [АҺ, ОЧ, 245].

киз=миз	Һәмидә	билән
Арсилан=ниң	айрил=мас=лик=и=Ø	керәк=тур
дочь=POSS.1PL	Хамида	с.POSTP
Арсилан=GEN	разлучаться=NEG.PrP=NMLR=POSS.3=NOM	
надо=COP		

‘Надо, чтобы наша дочь Хамида с Арсианом не разлучались.’

В рассматриваемых языках в составе оценочных ППК субъект ЗПЕ выражается формами родительного, именительного падежей. В алтайском и уйгурском языках более типично употребление формы родительного падежа. В частности, обращение к частной выборке объемом в 400 уйгурских фраз синтетического

типа показало, что удельный вес случаев с зависимым подлежащим в форме именительного падежа составляют 22,5 % [1:112].

алт. *Слердинг, Маадай, айтканаар јакшы* [ТШ, ЫЭИ, 37].

слер=динь Маадай=Ø айт=кан=аар=Ø

јакшы

вы=GEN Маадай=NOM говорить=PP=POSS.2PL=NOM хорошо

‘То, что Вы, Маадай, сказали, хорошо’

уйг. *Мәктәптә қизларниң аз оқуйдиғанлиги қизик* [ШШ, ЙК, 74].

мәктәп=тә киз=лар=ниң азоқу=диған=лиқ=и=Ø

қизик

школа=LOC девочка=PL=GEN

малоучиться=PF=NMLZ=POSS.3=NOM

интересно

‘Интересно, что в школе девочек учится мало’

алт. *Сен, эр кижги, бу јүрүмгди биске куучындаганын јакшы* [ТШ, ЫЭИ, 38].

сен=Ø эр.кижи=Ø бу јүрүм=ин=ди

бис=ке

ты=NOM мужчина=NOM этот жизнь=POSS.2SG=ACC

мы=DAT

куучында=ган=ын=Ø

јакшы

рассказывать=PP=POSS.2SG=NOM

хорошо

‘То, что ты, мужчина, рассказал нам эту свою жизнь, хорошо’

уйг. *Энди иккимиз хәлиқ қисмитини ойлигинимиз дурус болур* [ЖБ, К-К, 113].

Ә нди иккимиз хәлиқ=Ø қисмәт=и=ни

ойла=ған=имиз=Ø дурус

бол=ур

теперь вдвоем

народ=NOM

судьба=POSS.3=ACC

думать=PP=POSS.1PL=NOM правильно

быть=PrP

‘Будет правильным, что мы вдвоем будем думать о судьбе народа.’

Субъект ЗПЕ может не выражаться лексически, как в предыдущих примерах, а только личным показателем.

алт. *Келгениг јакшы* [ТШ, ЫЭИ, 217].

кел=ген=ин=Ø
 приходит=PP=POSS.2SG=NOM
 ‘То, что ты пришел, хорошо.’

јакшы
хорошо

В калмыцком языке сказуемое ЗПЕ может быть выражено именами наличия *-та* или отсутствия *уга/го*, причастными формами прошедшего времени *-сн*, будущего времени *-х*, настоящего времени *-а*, хаbitуального причастия *-дг*, пассивного причастия *-ата*.

калм. – *He, харһснчнь нанд йир сән болжсана* [КНК, ЭК, ЫХ].

не харһ=сн=чнь
 йир сән бол=жана
 ну встречаться=PP==POSS2 я=DAT
 AUX:быть=PROG
 ‘Ну, то, что ты встретился мне очень хорошо.’

нан=д
очень хорошо

калм. *Та мартл уга хәәһәд ирдгтн сән* [КНК, ЭК, ЫХ].

Та март=л уга хәә=һәд
 ир=дг=тн сән
 Вы=NOM забывать=CV NEG
 приходит=PART=POSS2 хорошо
 ‘Хорошо, что вы не забыли, нашли и пришли.’

искать=CV

калм. *Дегтрән тер умша бәәхнь ил* (PP)

дегтр=ән тер умш=а бәәх=нь
 ил
 книга=ACC он=NOM читать=PrP AUX:быть=POSS ясно
 ‘Ясно, что он продолжает еще читать свою книгу.’

калм. *Нанд болхла, эн көвү йовулхд харм* [КНК].

нан=д бол=хла эн
 көвү=Ø йов=ул=х=д
 харм

я=DAT AUX:быть=CV MOD этот мальчик=ACC
идти=IMP=PrP=DAT жаль

‘Мене, жаль отправлять этого мальчика.’

калм. *Ээрмд бичгэн күүкн йовулатань тодрха.* (PP)

ээрм=д бичг=эн күүкн

йов=ул=ата=нь тодрха

армия=DAT письмо=POSS девочка=NOM

посылать=IMP=PrP=NMLZ определенно понятно

‘Определенно понятно, что девушка продолжает посылать письма в армию.’

калм. *Эн зерлг аң тооһарн хасгдад йовхнь һундлта* [КНК].

эн зерлг аң=Ø тоо=һар=н

хасгд=ад

это дикие животное=ACC количество=INS=POSS

сокращать=CV

йов=х=нь һундлта

становиться=PrP=POSS грустно

‘Грустно (осознавать), что сокращается популяция этого дикого животного.’

калм. *Тана иигжэ келснтн намд дими* [PP].

та=на иигж кел=сн=тн нам=д

дими

вы=GEN так говорить=PP=POSS я=DAT

бесполезно

‘То, что вы так сказали для меня, бесполезно’

калм. *Тер цагт кен деерлкхнь темдг уга* [ББ, БО, 70].

тер цаг=т кен деерлк=х=нь

темдг

уга

то время=DAT то=ACC возвысится=PrP=POSS

показатель=NEG

‘Неизвестно, кто тогда одержит верх.’

калм. *Нег гостиницд иржэ эднэ буудгнь йирин харһх хув* [ЗТ, 279].

нег гостиниц=д ир=ж
 эдн=э буу=дг=нь йирин
 одна гостиница=DAT приходить=CV они=GEN
 приезд=PrP=POSS изначально
 харh=x хүв
 встретиться=PrP судьба, участь
 ‘То, что они приехали и остановились в одной гостинице,
 значит судьба им встретиться.’

калм. *Чини шулуһар ирсичнь нанд йир сэн болв* [ОУ, ӨЦХК, 115].
 чи=ни шулуһар ир=сн=ч=нь
 нан=д йир сэн болв

ты=GEN быстро приходить=PP=2SG=POSS
 я=DAT очень хорошо
 AUX:стало
 ‘Твой быстрый приход мне очень был во благо.’

калм. Тана келснтн, худ өвгн, мел чик [ОУ, ӨЦХК, 170].
 та=на кел=сн=тн=Ø худ
 өвгн=Ø мел чик
 он=GEN говорить=PP=POSS2PL=NOM сват дед=NOM
 совершенно=PRTCL
 верно

‘То, что вы, сват, сказали, совершенно верно’

В проведенных выше оценочных ППК калмыцкого языка субъект ЗПЕ выражается формами именительного, винительного, родительного и дательного. При этом встречаются три формы выражения субъекта ЗПЕ: основной – лексический способ; достаточно активно – лексический с использованием личных показателей; реже – только с помощью лично-предикативных частиц. Материалы Калмыцкого корпуса языка с примерами 800 тыс. словоупотреблений позволяет заключить, что наиболее широко употребляются в качестве субъектов ППК именительный и родительный, реже – винительный и дательный падежи.

Калмыцкие оценочные предикаты часто употребляются со вспомогательными глаголами и отрицательными частицами. Причем, отрицание имеет свои особенности сочетания с предикатами. Синтетический способ в структуре причастия, аналитическая форма отрицания –уга с оттенком множественности употребления с притяжательной частицей –нь, при этом оценочный предикатив также употребляется отрицанием.

калм. *Улан гестэвр мана мөргүлин гермүдиг тараж куучснь хундлта, харм болжсан* [КНК].

улан	гестэ=вр	ма=на	мөргүл=ин
	гер=мүд=иг		
красные	пузатый=3PL	мы=GEN	молебен=GEN
дом=3PL=ACC			
тараж	кууч=снь		хундлта
харм	болжана		
разрушать=CV	ломать=PrP.POSS	обидно	жаль
AUX:становиться			

‘Обидно и жаль, что краснопузые уничтожили все наши модельные дома.’

калм. *Та эврэн ирснтн нам үлү сэн болв* [КНК, ЭК, ЫХ].

та	эврэн	ир=сн=тн	
нам		үлү	сэн
вы=NOM	сам	приходить=PP=POSS2	даже=PRTCL
более	хорошо		
бол=в			
стало=AUX			

‘То, что вы сами пришли, даже еще лучше.’

калм. *Иим объектмуд эмтнд ээмшиг учрашгонь лавта* [КНК, ХУ, 2006.03.14].

иим	объект=муд	эмтн=д	ээмшиг
учр=а=шго=нь			лавта
такие	объект=P1	люди= DAT	опасность
причина= IMP= NEG= POSS3		ясно	

калм. *Хальмг малыг альднь чигн таасж авдг бээснь чигн лавта* [КНК, XY, 2006.07.22].

хальмг	мал=ыг	альд=нь
чигн	таас=ж	ав=дг
калмыцкий скот=ACC	где= POSS	PRТCL:И
нравиться= CV	братъ= PrP	
бээ=снь	чигн	лавта
AUX=PP. POSS	PRТCL:И	очевидно

‘То, что калмыцкий скот везде и с удовольствием брали, очевидно’

В ППК аналитического типа оба предиката, и зависимый, и главный, имеют финитную форму. В уйгурском языке факт и характер синтаксического подчинения выражается катафорическим местоимением шу в сочетании с делексикализованной единицей нэрсэ и аналитическими скрепами типа -КИ, которые традиция называет союзами. В уйгурском языке скрепа-«союз» -КИ, аналогично постпозитивным частицам, морфологически входит в форму линейно конечного компонента ГПЕ [67:263–265]. Он вместе с катафорическими местоименными формами (шу, шу нэрсэ) рассматривается нами как аналитическая скрепа. Перед ним стоит финитная форма сказуемого с оценочной семантикой. В отличие от синтетических ППК здесь употребляются в основном предикативы с семантикой знания. Если иметь в виду инвариантную модель ЭПП N1 ⇔ N/Adj (cop) «кто/что – каков (есть)», то здесь на полипредикативном уровне позиция подлежащего (N1) заполняется дважды: 1) шу, шу нэрсэ (в имплицитном или эксплицитном варианте) и 2) ЗПЕ. Другими словами, ЗПЕ в целом выступает в роли дубль-подлежащего. Здесь выделяются свои главные члены, т.е. подлежащее и сказуемое. Подлежащее ЗПЕ принимает форму именительного падежа [1:105; 73:404].

уйг. *Рошэнки, шеир бэдий шэклигэ егэ* [УТБТ, 110].

рошэн=ки	шеир=Ø	бэдий
	шэкил=гэ	егэ

ясно=CONJ стихотворение=NOM художественный форма=DAT
 владелец
 ‘Очевидно, что стихотворение имеет художественную форму.’
Шу нәрсә аянки, баһар кәч келиду [ЖБ, К-К, 93].
 шу нәрсә аян=ки баһар=Ø кәч кәл=и=ду
 тот вещь ясно=CONJ весна=NOM поздно приходит=PST
 ‘Ясно, что весна придет поздно’

уйг. *Чушинишликки, сайлам күздә өтиду.* (ШШ, ЙК, 65)
 чүшинишлик=ки сайлам=Ø күз=дә өт=ду
 понятно=CONJ выборы=NOM осень=LOC проходить=PST
 ‘Понятно, что выборы пройдут осенью.’

Скрепа –*КИ* в отдельных случаях может опускаться. Но такие примеры возводятся к структурной схеме той же модели с союзом –*КИ*: {*шу (нәрсә) Лоценка=КИ* (N1 <=> Vf)}.

уйг. *Ядиңизда болсун, кочуш-көчмәс һәр кимниң өз мәйли*
 [ЖБ, К-К, 131].

яд=иңиз=да	бол=сун	кочуш-көч=мәс
	һәр	
яд=POSS.2PL=LOC	быть=IMP.3	
кочевать=некочевать=PrP.NEG	всякий	
ким=ниң	өз	мәйл=и
кто=GEN	свой	желание=POSS.3

‘Помните (пусть будет в вашей памяти), что каждый сам решает, кочевать-не кочевать.’

В нашей выборке часты уйгурские примеры, в которых именные предикаты знания стоят в форме локатива и употребляются со вспомогательным бытийным глаголом *бол-* (*болмақ*).

уйг. *Ядиңларда болсунки, пухрани көчүшкә мәжбурлаш болмисун* [ЖБ, К-К, 75].

яд=иң=лар=да	бол=сун=ки
пухра=ни	
память=POSS.2=PL=LOC	быть=IMP.3=CONJ
народ=ACC	

көчүш=кэ

мэжбурлаш=Ø

бол=ми=сун

переселение=DAT принуждение=NOM быть=NEG=IMP.3

‘Помните, что не должно быть принуждения народа к переселению.’

Аналитические оценочные ППК в калмыцком языке образуются с помощью двух финитных форм, при этом синтаксическое подчинение выражается частицей – союзом *чигн*, второй формой выражения подобных ППК является анафорическое союзное слово *тернь*:

калм. *Шоглжсахнь медгдв чигн, Долдан сүл үгмүдинь (үгмүд) соңсхд чигн (соңсхднь) Андрейд таалта болж тоолгдихав* [ИЛ, ОК,60].

шоглжа=х=нь

мед=гд=в

чигн,

Долд=ан

сүл

шутить=PrP=1SG понять=PASS=PST

PRTCL.CONJ

долда=GEN

последний

үг=мүд=и=нь

соңс=х=д

чигн

слово=P1=ACC= REFL .POSS

слышать=PrP=DAT

PRTCL.COIJ

[соңс=х=д=нь]

Андрей=д

таалта

бол=ж

[слышать=PrP=DAT=POSSV]

Андрей=DAT

приятный

стать=CV

тоол=гд=цха=в

считать=PASS=3PL=PRS

‘Хотя понятно было, что она шутит, тем не менее, последние слова Долды и на слух показались Андрею приятными’

калм. *Мотоциклин хурдн гүүдлд салькн чикнд дуулна, тернь (дуулгдснь) Андрейин зүркнд таалта* [ИЛ, ОК, 112].

мотоцикл=ин

хурдн

гүү=дл=д

салькн

чикн=д

мотоцикл=GEN

быстрый

бежать=NMLZ=DAT

ветер

ухо=DAT

дуул=на, [дуул=гд=снь]

тер=нь

Андрей=ин

зүрхн=д

таалга

петь=PRS [петь=PP=POSSV]

это=CONJ

Андрей=GEN

сердце=DAT

приятный

‘Из-за большой скорости мотоцикла в ушах поет ветер, и это приятно его сердцу.’

В данном примере местоименное союзное слово *тернь* представляет содержание первой части в целом. Кроме этого, одним из способов аналитических средств образования подобных ППК можно отнести грамматикализованные причастия глагола *-ги* говорить, которые можно трактовать как скрепу.

калм. *Хортн дотр йовж ноолда кенэ гидг (кедгнь) амр биш*
[КЭБ, БТ, БЦ].

хортн=Ø

дотр

йов=ж

ноолда=Ø

ке=нэ

враги=NOM

внутри

идти=CV.IPFV

борьба=ACC

делать=PRS

ги=дг

[ке=дг=нь]

амр

биш

CONJ:говорить=PART

[делать=PrP=POSS]

легко NEG

‘Воевать среди врагов, нелегко.’

калм. *Танас, экнр болн эгчнр, нууж биш, элкнэсн харсн үрэн даганд мордулна гидг (мордулдгнь) күчр юмн* [ББ, БО, 84].

тан=ас

эк=нр=Ø

болн

эгч=нр=Ø

нуу=ж

биш

вы=ABL мать=PL=NOM CONJ сестра=PL=NOM скрыпь=CV NEG

элкн=эс=н

хар=сн

үр=Ø=эн

дээн=д

живот=ABL=POSS.3

родить=PP

ребенок=ACC=POSS.3

война=DAT

морд=ул=на

гидг

[морд=ул=дг=нь]

күчр

юмн

отправить=IMP=PRS CONj[отправлять=IMP=PrP=POSS]
трудный дело

‘От вас, матери и сестры, не скрою, отправить своего ребенка на войну тяжкое дело.’

Приведенный выше материал позволяет заметить, что если в тюркских языках имеются специальные морфологические показатели, которые могут передаваться в рассматриваемых оценочных конструкциях отношения какому-либо событию, то в калмыцком языке они определяются семантикой основы и контекста, которая выражает значение оценки.

Семантические типы оценочных предикатов в алтайском, уйгурском и калмыцком языках

В рассматриваемых языках в разной степени представлены семантических типов оценочных предикатов. При их выделении мы опирались на работы М.И. Черемисиной [93], Н.В. Сердобольской и С.Ю. Толдовой [68].

Во всех трех языках наиболее широко используются следующие группы оценочных предикатов: универсальные, эмотивные, дедуктивные, а также физического и психологического состояния.

Универсальные предикаты: уйг. *яхши* ‘хорошо’, *яман* ‘плохо’, *эвзэл* ‘предпочтительно’, *мақул* ‘хорошо’, *хоп* ‘хорошо’; алт. *јакшы* ‘хорошо’, *талдама* ‘отлично’, *јаман* ‘плохо’, *коомой* ‘плохо’; калм. *сән* ‘хорошо’, *му* ‘плохо’, *болна* ‘пойдет, хорошо’, *күчтә* ‘превосходно’.

уйг. *Иним Арсилан-тегинниң бизләр тәрәптә баиш пана болгини хоп* [Аһ, ОЧ, 299].

ини=м=Ø

Арсилан-тегин=нин

биз=ләр тәрәп=тә

брат=POSS.1SG=NOM Арсилан-тегин=GEN

мы=PL

сторона=LOC

баш пана=Ø бол=гин=и=Ø

хоп

главный оплот=NOM быть=PP=POSS.3=NOM хорошо

‘Хорошо, что брат Арсилан-тегин является главным оплотом на нашей стороне.’

уйг. *Бирақ алдин-ала [Үдзэрниң] аңлигиниму яхши* [ҺА, ОЧ, 67].

бирақ алдин-ала [Үдзэр=ниң] аңли=ған=и=му
яхши

однако заранее [Удзар=GEN]

услышать=PP=POSS.3=PRTCL хорошо

‘Однако хорошо, что [Удзар] заранее услышал.’

калм. *Чини келснчн маднд сән биш* [КЭБ, ИЛ, ХӨ].

чи=ни кел=сн=чн=Ø

мадн=д тас сән биш

ты=GEN говорить=PP=POSS.2=NMLZ мы=DAT

совсем хорошо NEG

‘То, что ты сказал, для нас не совсем хорошо.’

калм. *Та мартл уга хээһэд ирдгтн сән* [КНК, ЭК. ҺХ].

Та=Ø март=л уга

хээ=һэд ир=дг=тн сән

Вы= NOM забывать= CV NEG искать= CV приходиться=
PrP=POSS.2 хорошо

‘Хорошо, что вы не забыли, нашли и пришли.’

алт. *Өштүни ле јенгип алганыс јакшы* [ЭП, А, 73].

өштү=ни ле јенг=ип

ал=ган=ыс=Ø јакшы

враг=ACC PTCL победить=CV

AUX:брать=PP=POSS.1PL=NOM хорошо

‘То, что мы победили врага, хорошо.’

В следующих примерах эксплицитно выражен субъект оценки, который в рассматриваемых языках кодируется дательным падежом.

алт. *Күндер јакшы турганы улуска тен талдама* [ТШ, ЫЭИ, 157].

күн=дер=Ø јакшы тур=ган=ы =Ø
улус=ка тен талдама
день=PL=NOM хорошо стоять=PP=POSS.3=NOM люди=DAT
PRTCL прекрасно

‘То, что дни хорошие стоят, людям прекрасно.’

Эмотивные предикаты: уйг. *тәс* ‘трудно’, *егир* ‘тяжело’, *ечинарлиқ* ‘досадно’, *қорқунучлуқ* ‘страшно’, *мәйүс* ‘грустно’; алт. *каткымчылу* ‘смешно’, *ачу* ‘горько, больно, обидно’, *ачымчылу* ‘обидно, досадно’, *коронду* ‘больно, горько’, *коркымчылу* ‘страшно’, *јескимчилү* ‘противно, скверно’; калм. *һундлта* ‘горько, больно, обидно, досадно’ *өврмчтә* ‘удивительно’, *зовлңта* ‘мучительно’, *завхта* ‘смешно’ и др. Эта группа предикатов самая многочисленная.

алт. *Ого анчада ла Чинчей куучындап турала, көзинин јажын ычкынып ийгени ачу* [ТШ, ЫЭИ, 106].

о-го анчада ла Чинчей=Ø
куучында=п тур=ала
он-DAT особенно PRTCL Чинчей=NOM
рассказывать=CV AUX: стоять=CV
көз=и=нин јаж=ы=н

ычкын=ып
глаза=POSS.3=GEN слеза=POSS.3=ACC ронять=CV
ий=ген=и=Ø

ачу

AUX: посылать=PP=POSS.3=NOM горько

‘Ему было особенно горько то, что Чинчей, рассказывая, уронила слезу.’

алт. *Эркинниң сан башка бијелегени балдарга каткымчылу болгон* [разг.].

Эркин=нин сан.башка бијеле=ген=и=Ø
бал-дар=га

Эркин=GEN странный танцевать=PP=POSS.3=NOM
ребенок-PL=DAT

каткымчылуу бол=гон
смешно быть=PP
'Детям было смешно то, что Эркин странно танцевал.'

уйг. *Ақсақалның жудигәнлиги ечинарлық* [ШШ, ЙК, 97].

аксақал=нин жүдә=гән=лик=и
ечинарлық
аксақал=GEN томиться=PP=NMLZ=POSS.3
досадно
'Досадно, что аксақал томится.'

калм. *Зуг марһана эқлцд эндү һарһснь һундлта* [КНК, ХУ, 2006].

зуг марһан=а эқлц=д
эндү=Ø һарһ=снь
однако конкурс=GEN начало=DAT ошибка=ACC
совершать=PP=POSS.3
һундлта
обидно
'Однако, обидно, что в начале конкурса допустил ошибку.'

калм. *Хальмгуд хурлд давжаһ мөргүлиг гертән үзж чадхнь бас нег талд өврмжтә эсий?* [КНК].

хальмгуд хурл=д дав=жаһ
мөргүл=иг гер=т=ән
калмыки хурул=DAT приходит=PrP молебен=ACC
дом=DAT=POSS
үз=ж чад=х=нь бас
нег тал=д өврмжтә
видеть=CV уметь=PrP=POSS тоже=CONJ один POST=DAT
удивительно
эс=ий
NEG=PRTCL

'Разве не удивительно, что калмыки могут дома смотреть молебен проходящий в хуруле?'

калм. *Эднэ тоод мана дорас өсч йовх үйнр ордгнь һундлта*
[КНК].

эдн=э тоо=д ма=на дор=ас
өс=ч йов=х
они=GEN число= DAT я= GEN низ=ABL роста= CV
AUX:PrP

үй=нр ор=дг=нь
һундлта

поколение=3PL входит= PrP= POSS грустно

‘Грустно, что в их число входит подрастающее поколение мо-
лодежи.’

Дедуктивные предикативы: уйг. *аян* ‘ясно’, *чүшинишлик* ‘понятно’, *әжәплинәрлик* ‘удивительно’, *ғәлитә* ‘странно’; алт. *јарт* ‘ясно, понятно’, *јарт эмес* ‘не ясно, непонятно’, *сан башка* ‘странно’, *јолду* ‘правомерно, логично, ожидаемо’; калм. *ил* ‘ясно, очевидно’, *жигтә* ‘удивительно’, *өврмәжтә* ‘удивительно’, *медгднә* ‘понятно’ и др.

уйг. *Ямгурниң ягидиганлиги аян* [ШШ, ЙК, 71].

ямғур=ниң яғ=диган=лик=и=Ø
аян

дождь=GEN идти (об осадках)=PF=NMLZ=POSS.3=NOM ясно
‘Ясно, что пойдет дождь.’

уйг. *Һава райиниң тез өзгиридиганлиги қизиқарлиқ* [ШШ,
ЙК, 138].

Һава.рай=и=ниң тез өзгәр=диган=лик=и
қизиқарлиқ

погода=POSS.3=GEN быстро меняться=PF=NMLZ=POSS.3
любопытно

‘Любопытно, что погода быстро меняется.’

алт. *Оны кем азырап, бала эдип алганы эм тургуза јарт эмес*
[ТШ, ЫЭИ, 61].

оны кем=Ø азыра=п бала=Ø
эд=ип

иш=нин тохта=ған=лик=и
 кийин бол=ди
 работа=GEN становиться=PP=NMLZ=POSS.3 тяжело
 быть=PST
 ‘Стало тяжело, что работа остановилась.’

калм. *Батад кенд заргдснь йилл уга* [КНК,ЭК, ЫХ].

Бата=д кен=д заргд=с=нь
 йилл=л уга
 Бата=DAT кто= DAT батрачить=PP=1SG
 различать=NMLZ PRTCL=NEG

‘Для Баты было на кого батрачить, безразлично.’

Этические предикаты: уйг. *уят* ‘стыд’, *гунаһ* ‘грех’, *адәм-гәрчилик* ‘порядочность’; алт. *уйатту* ‘стыдно’, *уйат* ‘стыд, позор’, *ән-жок* ‘неудобно, неприлично’, *кинчек* ‘грех’; калм. *эвго* ‘неудобно’, *килң* ‘грех’, *ичр* ‘стыд’, *ичртә* ‘стыдно’, *килңцтә* ‘грешно’ и др.

уйг. *Қизниң сиңлисини өзиңизниң акисига елип бәрмәкчи болғиниңиз адәмгәрчилигиңизму* [ЖБ, К-К, 130.

қиз=нин сиңил=си=ни
 өз=иниз=ниң
 девушка=GEN младшая.сестра=POSS.3=ACC
 сам=POSS.2PL=GEN
 ака=си=ға ал=ип
 бәр=мәкчи бол=ған=иңиз=Ø старший.брат=POSS.3=DAT
 взять=CV дать=OPT быть=PP=POSS.2PL=NOM
 адәмгәрчилик=иңиз-му
 порядочность=POSS.2PL-INTRGT

‘Разве это ваша порядочность, что вы хотите выдать младшую сестру девушки за вашего брата?’

алт. *Амырдын жаңыс сөөктү кижиси алып жатканы ада-энезине коркышту уйатту* [разг.].

Амыр=дын жаңыс сөөк=тү кижиси=Ø
 ал=ып

Амыр=GEN единый род=POSSV человек=NOM
братъ=CV

јат=кан=ы=Ø

ада-

эне=зи=не коркышту уйатту

AUX: лежать=PP=POSS.3=NOM отец-мать=POSS.3=DAT

очень стыдно

‘Родителям очень стыдно, что Амыр женится на человеке из одного рода.’

калм. *Мана хальмг улс, нег үлү өвгд, герт ишкрхд, килнц гинэ*
[КНК, ЭК, ЫХ].

мана хальмг улс=Ø

нег үлү өвг=д гер=т

мы=GEN калмыцкий народ=NOM один лишний

старик=PL дом=LOC

ишкр=х=д килнц=Ø ги=нә

свистеть=PrP=DAT грех=NOM AUX:говорить=PRS

‘Калмыцкие люди, особенно старики, говорят, что свистеть в доме – это грех’.

Нормативные предикаты: уйг. *тогра* ‘правильно’, *дурус* ‘верно’, *натогра* ‘неправильно’, *муватиқ* ‘приемлемо’, *күпүр-лүк* ‘неправильно’; алт. *јастыра* ‘неправильно’, *мактулу* ‘похвально’; калм. *чик* ‘правильно’, *буру* ‘неправильно’ и др.

уйг. *Энди иккимиз хәлиқ қисмитини ойлигинимиз дурус болур*
[ЖБ, К-К, 113].

энди иккимиз хәлиқ=Ø қисмәт=и=ни

ойла=ған=имиз=Ø

теперь вдвоем народ=NOM судьба=POSS.3=ACC

думать=PP=POSS.1PL=NOM

дурус бол=ур

правильно быть=PrP

‘Будет правильным то, что мы вдвоем будем думать о судьбе народа.’

калм. *Эн керг-үүл бичкдүдт урмд өгдгнь лавта* [КНК. ХҮ, 2006.06.21].

эн керг-үүл=Ø бичкдүд=т урмд=Ø
өг=дг=нь лавта
это действие=ACC дети=DAT стимул=ACC дать=
PrP=POSS.3 несомненно
'То, что это действие дает детям стимул, несомненно.'

калм. *Эдн делгртин хаалһд оржахнь маһд* [PP].

эдн= Ø делгрт=ин хаалһ=д
оржа=х=нь маһд
они= NOM развитие= GEN дорога= DAT
вступить= PrP=POSS.3 сомнительно
'То, что они стали на путь развития, сомнительно.'

Следующие семантические группы предикатов относятся к периферии оценки: параметрические, экспрессивные, модальные, предикаты знания

Параметрические предикаты: уйг. *узақ* 'долго', *көп*, *тола* 'много' *аз* 'мало'; алт. *ас* 'мало', *көп* 'много', *узак* 'долго'; калм. *удан* 'долго', *олн* 'много', *цөн* 'мало' и др.

алт. *Полевод то болуп иштеп турганы ого ас па?* [ЭП, А, 38].

полевод=Ø то бол=уп иште=п
тур=ган=ы=Ø
полевод=NOM PRTCL быть=CV работать=CV
AUX:стоять=PP=POSS.3=NOM
о-го ас па
он-DAT мало PRTCL
'То, что он работает полеводом, ему мало?'

алт. *Ол Жытышка, Степанга јолыгатаны эмди де узак болгон* [КТ, КЈ2, 312].

ол=Ø Жытыш=ка Степан=га
јолыг=атан=ы= Ø

он=NOM Дьытыш=DAT Степан=DAT
встречать=PART=POSS.3=NOM

эмди де узак бол=гон
теперь PRTCL долго быть=PP

‘То, что он встретится с Дьытышом, Степаном, еще было долго.’

уйг. *Бинаниң безэлгәнлиги аз* [ШШ, ЙК, 69].

бина=ниң безә=л=гән=лик=и
аз

здание=GEN украшать=PASS=PP=NMLZ=POSS.3 мало
‘То, что здание украшено, мало.’

калм. *Өнчн-өвү гһәд йовжэ нег дәкжэ Әәдрхнә өндр цаһанд сууснчн баһ болжәну?* [ББ, БО, 191].

өнчн-өвү=Ø ги-һәд

йов=ж нег дәкж

сирота-беспризорник=NOM как находится=CV

однажды

Әәдрхнә=ә өндр цаһан-д

суу=сн=чн

Астрахань=GEN высокий белый=DAT=NMLZ

сидеть=PP=2PL

баһ бол=жа=ну

мало статья=CV=PRTCL.MOD

‘Мало, что ты однажды сидел в Астраханской крепости в период своих сиротских скитаний?’

калм. *Сумна күчн-чидлин тускар ухалдгнь цөн* [КНК, ВСо С-Б.].

сумн=а күчн-чидл=ин тускар

ухал=дг=нь цөн

пуля= GEN действие (сила)= GEN POSTP:0 думать= PP=
=POSS.3 не много

‘Тех, кто думает о действии (силе) пули (заряда), не много.’

Предикаты знания: уйг. *мәлум* ‘известно’, *балгүлүк* ‘известно’, *рошән* ‘очевидно’, *ениқ* ‘ясно’; алт. *јарлу* ‘известно’; калм. *тодрха*(нар) ‘ясно’, ‘очевидно’, *медгддгәр* ‘понятно’.

уйг. *Хәлиқни көчмәскә дәвәт қилип жүргиниңизму бизгә мәлум* [ЖБ, К-К, 131].

хәлиқ=ни	көч=мәс=кә	
дәвәт=Ø	қил=ип	
народ=АСС	кочевать=NEG.PrP=DAT	призыв=NOM
делать=CV		
жүр=гән=иңиз-му		биз=гә
мәлум		
ходить=PP=POSS.2PL-PRTCL.MOD	мы=DAT	известно

‘Нам известно и то, что вы призывали народ не кочевать.’

алт. *Эркеменниң республикан маргаандарда јенүчил болгоны текши јарлу* [разг.].

Эркемен=нин	республикан	маргаан=дар=да
јенүчил		
Эркемен=GEN	республикан	соревнование=PL=LOC
победитель		
бол=гон=ы=Ø		текши јарлу
быть=PP=POSS.3=NOM	широко	известно

‘То, что Эркемен был победителем в республиканских соревнованиях, широко известно.’

калм. *Энүнә келснь тодрха, келлһнь учр-утхарн таарта, немж чигн, хасж чигн болиго дигтә-тагта болв* [КНК, ИН, Г].

эн=үнә	кел=с=нь	
тодрха,	кел=лһ=нь	
он=GEN	говорить=PART=POSSV	ясно
говорить=NMLZ=POSSV		
учр-утх=ар=н	таарта,	нем=ж
чигн,	хас=ж	

смысл-INS=POSSV слаженный добавить=CVB.IPFV PRTCL
сократить=CVB.IPFV

чигн бол=шго дигтэ-тагта болв
PRTCL быть=AUX.NEG аккуратный стал=COP

‘Сказанное им ясно, произнесенное соответствует смыслу,
добавить или сократить невозможно, все аккуратно.’

Экспрессивные предикаты: алт. *коркыш* ‘очень, ужасно’,
коркышту ‘очень, ужасно’, *сүреен* ‘очень’, *откүре* ‘слишком’;
уйг. *эжайип* ‘удивительно’, *дәһиәтлик* ‘ужасно’, *карамәт* ‘вос-
хитительно’, *хәвилик* ‘опасно’; калм. *сүркә* ‘исключительно,
зрезвычайно’, *ик әммигтә* ‘очень опасно’, *дегәд* ‘слишком’,
харм ‘жаль’, *харм биш* ‘не жалко’ и др.

алт. *Эки колтыгынын тыркырап турганы да коркышту* [ЭП,
А, 44].

эки колтыг=ы=нын тыркыр=ап
тур=ган=ы=Ø

два подмышка=POSS.3=GEN дрожать=CV А U X :
стоять=PP=POSS.3=NOM

да коркышту
PRTCL ужасно

‘То, как трясутся его две подмышки, ужасно.’

уйг. *Тағларниң йеқин турғанлиги эжайип* [ШШ, ЙК, 164].

тағ=лар=ниң йеқин тур=ған=лик=и
эжайип

гора=PL=GEN близко стоять=PP=NMLZ=POSS.3
удивительно

‘Удивительно, что горы стоят близко.’

калм. *Толһаднь орсн тоолвр дегд ик әммигтә, сүркә* [КНК].

толһа=д=нь ор=сн тоолвр
дегд ик әммигтә сүркә

голова=DAT=POSS входит=PP мысль зрезвычайно
очень опасно ужасно

Таблица 1. Семантические типы оценочных предикатов в алтайском, уйгурском и калмыцком языках

№	Языки	Алтайский язык	Уйгурский язык	Калмыцкий язык
	Семантические типы предикатов			
1.	Универсальные	<i>јакшы</i> 'хорошо', <i>талдама</i> 'отлично', <i>јаман</i> 'плохо', <i>коомой</i> 'плохо', <i>јудек</i> 'плохо, отвратительн о'	<i>јаши</i> 'хорошо', <i>јаман</i> 'плохо', <i>авзал</i> 'предпочтительно', <i>макул</i> 'хорошо', <i>хон</i> 'хорошо'	<i>сэн</i> 'хорошо', <i>му</i> 'пло-хо', <i>болна</i> 'пойдет, хоро-шо', <i>күчтә</i> 'превосхо-дно'
2.	Эмотивные	<i>каткымчылу</i> 'смешно', <i>ачу</i> 'горько, больно, обидно', <i>ачымчылу</i> 'обидно, досад-но', <i>коронду</i> 'больно, горь- ко', <i>коркымчылу</i> 'страш-но', <i>јескимчилү</i> 'противно,	<i>қийин</i> 'трудно', <i>егир</i> 'тяжело', <i>ечинарлық</i> 'досадно', <i>қорқунучлуқ</i> 'страшно', <i>әжәплинәрлик</i> 'поразительно', <i>әпсуслинарлық</i> 'досадно', <i>дәһиәтлик</i> 'страшно',	<i>һундлта</i> 'горько, больно, обидно, досадно' <i>өврмәтә</i> 'удивительно', зовлнта 'мучительно', завхта 'смешно'

		скверно', <i>кайкамчылу</i> 'удивительно'		
3.	Дедуктивные	<i>јарт</i> 'ясно, понятно', <i>јарт эмес</i> 'не ясно, непонятно', <i>кайкамчылу</i> 'удивитель- но', <i>сан</i> <i>башка</i> 'странно', <i>јолду</i> 'правомерно, логи-чно, ожидаемо', <i>бүдүмјилү</i> 'убедительно' , <i>солун</i> 'интересно'	<i>аян</i> 'ясно', <i>чүшинишилик</i> 'понятно', <i>ажэплинарлик</i> 'удивительно', <i>гэлитэ</i> 'странно', <i>қизик</i> 'любопытно'	<i>ил</i> 'ясно, очевидно', <i>жигтэ</i> 'странно, удивительно', <i>дими</i> 'бесполезно', <i>медгднэ</i> 'понятно'
4.	Физическое состояние	<i>күч</i> 'трудно, тяжело', <i>јенгил</i> 'легко', <i>јенгил эмес</i> 'нелегко'	<i>қийин</i> 'трудно', <i>егир</i> 'тяжело', <i>ечинарлик</i> 'тяжело'	<i>кецү</i> 'трудно', <i>күнд</i> 'тяжело', <i>амр</i> 'легко', <i>амр биш</i> 'нелегко', <i>наадна юмний</i> 'не шуточное дело, не до

				шуток' <i>түрү</i> 'трудно'
5.	Психологическое состояние	<i>күч</i> 'трудно, тяжело', <i>тегиндү эмес</i> 'не просто'	<i>қизик, қизикарлық</i> 'интересно', <i>тәс</i> 'трудно', <i>бепәрва</i> 'равнодушно, безразлично'	<i>күчр</i> 'тяжело' <i>йилһл уга</i> 'безразлично' <i>сонһн биш</i> 'неинтересно'
6.	Предикаты достоверности	<i>аланзылу</i> 'сомнительно', <i>аланзу јок</i> 'несомненно', <i>чын</i> 'верно, правда', <i>тӱгӱн</i> 'неправда, ложь', <i>быжу</i> 'точно, верно', <i>кыйыжы јок</i> 'несомненно, непременно'	<i>раст, һәқ</i> 'правда', <i>мүмкин</i> 'возможно', <i>еһтимал</i> 'вероятно', шүбһис из 'несомненно'	<i>лафта</i> 'несомненно, достоверно, точно', <i>маһд</i> <i>уга</i> 'вероятно, достоверно', <i>кевтә</i> 'возможно, очевидно', <i>бәәдлтә</i> 'вероятно' и др
7.	Этические	<i>уйатту</i> 'стыдно', <i>эп-јок</i> 'неудобно, неприлично', <i>кинчек</i> 'грех'	<i>тогра</i> 'правильно', <i>дурус</i> 'верно', <i>натогра</i> 'неправильно', <i>муватиқ</i> 'приемлемо', <i>күпүрлүк</i> 'неправильно', <i>адәмгәрчилик</i> 'по	<i>эвго</i> 'неловко, неудобно', <i>килңц</i> 'грех', <i>ичр</i> 'стыд', <i>ичртә</i> 'стыдно', <i>килңцтә</i> 'грешно'

			человечески’, <i>адэмгэрчилик эмэс</i> ‘не почеловечески’, <i>гунаһ</i> ‘грех’	
8.	Нормативные	<i>јастыра</i> ‘неправильно’, , <i>чын</i> ‘верно, правильно’	<i>тогра</i> ‘правильно’, <i>дурус</i> ‘верно’, <i>натогра</i> ‘неправильно’, <i>мувапиқ</i> ‘приемлемо’, <i>күпүрлүк</i> ‘неправильно’	<i>чик</i> ‘правильно’, <i>буру</i> ‘неправильно’
9.	Утилитарные	<i>тузалу</i> ‘полезно’, <i>туза</i> ‘польза’, <i>баалу</i> ‘ценно’, <i>је-димдү</i> ‘успешно’, <i>једим</i> ‘успех’, <i>керектү</i> ‘нужно’, <i>учурлу</i> ‘важно’	<i>әһмийәтлик</i> ‘важно’, <i>утуқ</i> ‘успех’, <i>мувапәқийәт</i> ‘достижение’, <i>пайда</i> ‘выигрыш’, <i>зиян</i> ‘потеря’	<i>туста</i> ‘полезно’, <i>тус</i> <i>уга</i> ‘бесполезно’, <i>хорта</i> ‘вредно’, <i>олзта</i> ‘выгодно’, <i>орута</i> ‘с выгодой’
10	Экспрессивные	<i>коркыш</i> ‘очень, ужасно’, <i>коркышту</i> ‘очень, ужа- сно’, <i>сүреен</i>	<i>әжайип</i> ‘удивительно’, <i>дәһиәтлик</i> ‘ужасно’, <i>карамәт</i> ‘восхитительно’, <i>хәвилик</i> ‘опасно’	<i>сүркә</i> ‘чрезвычайно, исключительно’, <i>дегәд</i> ‘слишком’, <i>ик</i> <i>әәмигтә</i> ‘очень опасно’,

		‘очень’, <i>өткү-ре</i> ‘слишком’		<i>харм</i> ‘жаль’ <i>харм биш</i> ‘нежалко’, <i>келхм биш</i> ‘нечего сказать’
11	Параметрическое	<i>ас</i> ‘мало’, <i>көп</i> ‘много’	<i>узақ</i> ‘долго’, <i>көп</i> , <i>тола</i> ‘много’ <i>аз</i> ‘мало’	<i>цөн</i> ‘немного, мало’, <i>оли</i> ‘много’
12	Предикаты знания	<i>jarлу</i> ‘известно’	<i>малум</i> ‘известно’, <i>бэлгүлүк</i> ‘известно’, <i>рошән</i> ‘очевидно’, <i>ениң</i> ‘ясно’	<i>тодрха</i> ‘ясно’, <i>медгддгэр</i> ‘понятно’
13	Модальные	<i>керек</i> ‘надо, необходимо’	<i>керэк</i> ‘нужно’, <i>лазим</i> ‘необходимо’, <i>зөрүр</i> ‘необходимо’, <i>мэтлуп</i> ‘надо’, <i>һажэт</i> ‘необходимо’	<i>зөвтә</i> ‘нужно, необходимо’, <i>кергтә</i> ‘надо, необходимо’, <i>болна</i> ‘можно’

Итак, сопоставительное изучение оценочных ППК на материале тюркских (уйгурского, алтайского) и монгольских (калмыцкого) языков обнаружило общность фундаментального механизма зависимой предикации на базе предикативного склонения. Это видно на примере ППК синтетического типа, являющихся исконными для языков тюрко-монгольской языковой общности. Вместе с тем тюркский алтайский и монгольский

калмыцкий отличаются от тюркского уйгурского в том, что уйгурские оценочные ППК могут быть представлены и конструкциями аналитического типа.

На данном этапе основной массив оценочных ППК представлен синтетическими ППК. В уйгурском здесь отмечены 10 групп предикативов, употребляющихся в доминирующей ПЕ. Субъект в синтетических ППК может быть выражен как притяжательным, так и основным (неопределенным) падежом. Лично-притяжательное оформление зависимого предиката является обязательным, а предикат доминирующей ПЕ стоит в форме 3 лица ед. числа и может принимать аффиксальную связку –дур/–та.

Таким образом, структурная формула полипредикативной конструкции с глагольным Р - (Оценочный) конечным сказуемым выглядит следующим образом:

$$[N=2 - Tv=PART=\{\}/=0]^{\wedge}=V\text{Оценочный}$$

Как можно заметить, данную структурную схему можно соотносить со структурной схемой именных ЭПП $N1 \Leftrightarrow Adj_{\text{оцен}}$ (сор) «кто – какой (есть)» с той лишь разницей, что именную позицию (N1) замещает целая предикативная единица.

Моделирование ППК, таким образом, в научном описании способствует совершенствованию техники моделирования синтаксических структур, формированию метаязыка и системного видения синтаксического участка языковой системы тюркских языков.

ГЛАВА 3. СИСТЕМА СИНТАКСЕМ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В отличие от потенциально бесконечного числа предложений-высказываний в речи синтаксемы как единицы языка можно задать конечным списком. В работе выделено 48 базовых синтаксем. Чтобы их отобразить в научном описании мы прибегаем к помощи моделей, являющихся тем средством, которое позволяет сделать синтаксемы «видимыми».

Синтаксемы (ЭПП) в тюркских языках системно организованы. Они объединяются по признаку их ведущих компонентов в группы и подгруппы, которые взаимно противопоставлены друг другу. Так, глагольные синтаксемы противопоставлены именным по характеру выражаемого предикативного признака. Вместе они противопоставлены блоку моделей, в которых при предикате наряду с актантами представлены еще и пространственные конкретизаторы. Внутри этих блоков отдельные синтаксемы и их варианты также обнаруживают системные межмодельные отношения. Именно системность синтаксем и их способность к широкому варьированию позволяет им быть ценностями тюркского синтаксиса. Несмотря на их относительно малое количество по сравнению со словами в лексике языка, они позволяют передавать весь жизненный опыт носителей тюркских языков.

3.1. Модели односоставных элементарных простых предложений

Таких моделей в тюркских языках немного. В позиции главного члена предложения, предиката в основном используются наречия. Такой член предложения употребляется со вспомогательным глаголом, связкой. Структурной схемой и пропозицией модели являются

$\{N_1 <N \text{ uchun} > Adv^{state} (\text{cop})\}$ «кому - каково (себя чувствовать)».

Общая семантика модели «Выражение состояния некоторого субъекта». Например:

уйг. *Табэссүмгә көңүлсиз болуп кәтти* [газ].

Табэссүм=гә көңүлсиз бол=уп кәт=ти

Табассум=DAT неприятно становится=СОР

‘Таббасум стало неприятно’

Ялғуз анига еғир [Әһ, НА, 92].

ялғуз ани=ға еғир

одинокий мать=DAT тяжело

‘Одинокой матери тяжело’

N1 (cop) «кто/что (есть)». Общая семантика модели «Выражение констатации наличия, существования предмета или явления».

Адаләтниң өйи [ҚТ, ҺМ, 305].

Адаләт=ниң өй=и

Адалят=GEN дом=POSS3

‘Дом Адалят’

Жүмә күни еди [ЙТ, ТКА, 17].

жүмә күн=и е=ди

пятница день=POSS3 быть=PASTAUX

‘Был пятничный день’

Баһар айлириниң бир күни [Әһ, НА, 291].

баһар ай=лир=и=ниң бир күн=и

весна месяц=PI=POSS3=GEN один день=POSS3

‘Один из дней весенних месяцев’

N3 <N3 РОСТР, N=ghiche> N6 Adj (cop) «куда – откуда – сколько» Общая семантика «Выражение количественной оценки-характеристики расстояния между двумя объектами в пространстве».

*Бу йәрдин мәркизий кочиниң түрлүк маллар дукинигичә жи-
рақ эмәс* [УА].

бу йәр=дин мәркизий кочи=ниң түрлүк мал=лар дукин=-
и=ғичә жирақ эмәс

это место=ABL центральный улица=GEN разный товар=PI магазин=POSS3=LIMIT далеко не

‘Отсюда не далеко до магазина с разными товарами на центральной улице’

Биз тохтиган жайдин Турпан үзүмзарликлирига қадәр йеқин [ЭКhh, 67].

Биз тохти=ган жай=дин Турпан үзүмзарлик=лир=и=ға қадәр йеқин

Мы остановиться=PASTP место=ABL Турфан виноградник=PI=POSS3=DAT до близко

‘От места, где мы остановились, до виноградников Турфана близко’

N5 <Adv> Adv (cop) «где – каково». Общая модель «Выражение определенного состояния среды в пространстве».

Кочида соғуқ [П].

Кочи=да соғуқ

Улица=ЛОК холодно

‘На улице холодно’

Өй=ниң бөлми=лир=и=дә қараңғу [ЭКhh, 43].

Дом=GEN комната=PL=POSS3=ЛОК темно

‘В комнатах дома темно’

3.2. Модели двусоставных элементарных простых предложений

Типологически тюркские элементарные простые предложения – это в большинстве своем двусоставные единицы. Среди системно организованных двусоставных моделей элементарных простых предложений выделяются три основные взаимно противопоставленные подсистемы моделей.

Это, во-первых, модели с глагольными предикатами, управляющими актантами (глагольные модели), во-вторых, модели с различными именными предикатами (именные модели), и, в-третьих, подсистема моделей, в которой противопоставлен-

ность глагольных и именных предикатов, а также и переходных / непереходных глаголов в известной мере нейтрализуется. В формальном отношении последняя субгруппа моделей характеризуется вхождением локализаторов наряду с актантами, а в функционально-семантическом плане – своей ориентацией на выражение пространственных отношений. Например:

тат. Килен китанны укый «Невестка читает книгу»;

Малай зур «Мальчик большой»;

Өстәлдә китاپлар яталар «На столе лежат (находятся) книги».

уйг. Чолпан сақчи вә нахишичи қизларға бир-бирләп қарайтти [ПЖ,МҚ, 136].

«Чолпан смотрел на каждую из охранниц и певиц».

Баласағун чоң һәм гүлләнған шәһәр [ПЖ, МҚ, 143].

«Баласагун – большой и процветающий город»

Гүлпәри төшәк үстидә созулуп ятатти [ПЖ,МҚ, 626].

«Гюльпери лежала на постели»

Глагольные модели на следующем шаге систематики делятся на две подсистемы: одна представлена моделями, формируемыми переходными глаголами, описывающими разные типы действий, вторая – моделями, формируемыми непереходными глаголами, описывающими «безобъектные» процессы и состояния. Например:

уйг. Деханлар йәрни ишлитиватиду [УА]. «Земледельцы обрабатывают землю»;

Жуганлар ойнамакта [П]. «Молодые женщины веселятся».

Именные двусоставные модели образуют отдельную единую подсистему. Они выражают три основных типа значений: отношение объекта к классу, качественно-оценочную характеристику объекта (двухкомпонентные модели, состоящие из подлежащего и сказуемого) и отношение (трехкомпонентные модели) и третий – имя отношения:

тат. Ул минем дустым / Ул миңа дус «Он мой друг / Он мне друг».

кирг. Бишкек борбор шаар «Бишкек – столица»

Аксакал бизге тууган «Старец нам родственник»;
уйг. Қәшқәр қәдимки шәһәр дур «Кашгар древний город»
Рошангул бизгә муәллим «Рушангуль нам учительница».
Қут балкуси билик [ДЛТ, 215] «Отметина счастья – это зна-
ния»

К третьей подсистеме двусоставных синтаксем следует отнести модели «пространственной ориентации». Они разделяются далее на подсистему моделей местонахождения (включая значения наличия / отсутствия и существования) и подсистему моделей движения и перемещения объекта. Например.

тат. Урамда машиналар бар «На улице есть машины»;
кирг. Тоодо эс алуучулар жок «В горах отсутствуют отдыхающие»;

тат. Малайлар утынны урамдан авылга ташыйлар «Мальчики транспортируют дрова из леса в село»;

уйг. Яш келин гүлләрни өйдин һойлига елип чиқти «Молодая невестка вынесла цветы из дома во двор».

В качестве инвариантной нужно сказать о модели (или моделях), структурная схема которых показывается формулой $\{NI\}$. Это формула глагольно-предикативного узла и одновременно – «базовая» формула для всех предложений, формируемых непереходными глаголами. Все формулы синтаксем различаются формами (а соответственно, и функциями) своих «вторых актантов». В данном же случае речь идет о предложениях, не содержащих никаких позиций необходимых участников пропозиции, кроме ее субъекта. Самая простая структурная схема совершенно закономерно содержательно оказывается очень сложной и противоречивой.

Модельное исследование предполагает выявление и фиксацию конкретных моделей, отображающих сущности, входящие в каждую из намеченных выше подсистем, а затем исследование системных отношений между моделями в рамках этих подсистем. Системные отношения связывают и взаимно противопоставляют модели как в содержательном, так и в формальном планах.

В формальном плане прежде всего привлекает внимание проблема структурного варьирования модели. Здесь интересны различные возможности выражения одного и того же компонента пропозиции. Наряду с относительно простыми случаями типа варьирования падежных форм прямого объекта выявляются и более сложные отношения. Например, отношения между формами локализаторов местонахождения (где) и ориентации движения или перемещения объекта (куда, откуда). Заслуживают внимания отношения между местным и дательным падежами, выбор между которыми связан с грамматическим временем, в котором строится фраза. При глаголах перемещения (помещения) объекта выбор между этими падежами связан с интерпретацией самого действия в сознании говорящего. Например, спрятать, положить – *куда/кому* или *где/у кого*, но отнести – только *куда/кому*. Однако, как показывают наблюдения, на практике часто мотивировать выбор оказывается гораздо труднее.

3.2.1. Глагольные модели

Синтаксемы, эксплицируемые такими моделями, подразделяются на три подгруппы в зависимости от количества актантов при глагольном предикате.

3.2.1.1. Одноактантные модели

В таких моделях фиксируется один актант при предикате – подлежащее. Структурная схема и пропозиции сведены в следующие модели.

Модель N1 \Leftrightarrow V^{stat} «кто – что делает (в каком состоянии находится)».

Общая семантика «Выражение психофизического состояния субъекта». Например:

Гүлайшәм туюқсизла худди тугуп болган мекияндәк қақахлап күлүп кәтти [ЗС, ЕТЙ, 121].

Гүлайшәм туюқсиз=ла худди туғ=уп бол=ған мекиян=дәк
қакахла=п күл=үп кәт=ти

Гульайшам вдруг=PTCL словно снести=CV закончить=PP
курица=EQU кудахтать=CV смеяться=CV AUX

‘Гульайшам вдруг рассмеялась-раскудахталась, как курица
только что снесая яйцо’

Раст бирси жиғлигандәк қилди [ЙТ, ТКА, 93].

раст бир=си жиғли=ған=дәк қил=ди

вправду один=POSS3 плакать=PP делать=PAST

‘И вправду как будто кто-то плакал’

Модель N1 ⇔ Vf «кто/что - что (может) делать». Общая
семантика

«Выражение способности субъекта осуществлять
действие=процесс как его свойство». Например:

Гөдәк жүриду [ҺА, ТА, 109].

гөдәк жүр=и=ду

ребенок ходить=FREQ

‘Ребенок ходит (встал на ноги)’

3.2.1.2. Двухактантные глагольные модели

В таких моделях содержатся синтаксические позиции для
двух актантов - подлежащего и дополнения.

Модель N1 – N 1/4/6 – Vf «кто/что - что\кого - что делать»
Общая семантика модели и ее вариантов «Выражение действия
субъекта, которое направлено на определенный объект». При-
меры.

Бөрә болса ялғуз сийиримни өлтүрүп кәтти [ӨҺ, ЙҚ, 93].

бөрә болса ялғуз сийир=им=ни өлтүр=үп кәт=ти

волк ну а единственный корова=POSS1=АКК убивать=CV
уходить=PAST

‘Ну а волк задрал мою единственную корову’

Яр мәндин яманлапту [фольк].

яр мән=дин яманла=пту

любимая я=ABL ругать=PASTMOD

‘Любимая, оказывается, ругала меня’

Жәңчиләр өйни бузди [АТ, ҚӨ, 174].

жәңчи=ләр өй=ни буз=ди

боец=PL дом=АКК ломать=PAST

‘Бойцы разрушили дом’

Модель **N1 – N4 – V^{f^{ment}}** «кто – кого - думать». Общая семантика

«Выражение ментальной деятельности субъекта, направленной на определенный объект». Примеры.

Гүлайшәм талашқучиларни тонуди [ЗС, ЕТЙ, 119].

Гүлайшәм талашқучи=лар=ни тону=ди

Гульайшам ссорящийся=PL=АКК узнавать=PAST

‘Гульайшам узнала ссорящихся’

Га-силиң аилисини камдин-кам эсләйдиған [ЗС, ЖС, 189].

Га-силиң аили=си=ни камдин-кам эсләй=диған

Га-силиң семья=POSS3=АКК очень мало вспоминать=
=FREQ

‘Га-силиң редко вспоминал свою семью’

Модель **N1 – N4 - V^{f^{emot}}** «кто/что - кого \ к кому как относится». Общая семантика «Выражение эмоционального состояния субъекта относительно объекта». Например:

Момам мени бәк яхши көрәтти [ЙТ, ТКА, 91].

мома=м мен=и бәк яхши көр=әтти

бабушка=POSS1 я=АКК очень любить=FREQ

‘Моя бабушка меня очень любила’

У [Розәкбай - С.А.] күндин-күнгә улғийиватқан муһәббитини қәдирләтти [ЗС, ЕТЙ, 125].

у [Розәкбай - С.А.] күн=дин-күн=гә улғийиват=қан муһәббит=и=ни қәдирлә=тти

он [Розакбай – С.А.] день=ABL день=DAT расти=PP любовь=POSS3=АКК лелеять=FREQ

‘Он [Розакбай – С.А.] лелеял свою любовь, растущую день ото дня’

Модель **N1 – N4/6 – Vf consume** «кто/что – чего - что делать=потреблять» Общая семантика модели и вариантов «Выражение процесса потребления субъектом объекта или его части». Например:

Хушнизат болса тонурниң күлини еливатқан экән [ЙТ, ТКА, 94].

Хушнизат болса тонур=ниң күл=и=ни ел=иватқан е=кән
Хушнизат а печь=GEN/N2 зола=POSS3=АКК брать=
=PP COP=PP

‘А Хушнизат, оказывается, выгребал золу из печи’

Балилар эткән чайни ичишти [Т, 194].

бали=лар эткән чай=ни ич=иш=ти

ребенок=PL аткан чай=АКК пить=REC=PAST

‘Дети попили аткан чай’

В качестве структурного варианта модели можно рассмотреть случаи, когда позиция актанта **N4** замещается лексическим материалом с использованием исходного падежа **N6** с семантикой партитива. Например:

Гопуржан биз колиган кудуқ сүйидин ичиду [ӘҺ, НА, 183].

Гопуржан биз коли=ған кудуқ сү=йи=дин ич=иду

Гопурджан мы копать=PP колодец вода=POSS3=ABL
пить=FUT

‘Гопурджан напьется воды из колодца, вырытого нами’

Модель **N1 – N3/4 <N2 кэйнидин> - Vf^{goal}** «кто - кому\кого - что делать=следовать». Общая семантика модели и вариантов «Выражение «преследования» субъектом объекта». Примеры.

Имин Ибраһим токчи хадимларға эгәшти [газ].

Имин Ибраһим токчи хадим=лар=ға эгәш=ти

Имин Ибрагим электрик=PL=DAT увязаться=PAST

‘Имин Ибрагим увязался за электриками’

Сени йоқлап кәлдим [фольк].

сен=и йокла=п кәл=ди=м

ты=DAT навещать=CV приходить=PAST=1

‘Я пришел навестить тебя’

Модель **N1 – N3 <N1/2 postp> - Vf^{mov}** «кто/что – куда - что делает=движется». Общая семантика «Выражение движения субъекта по направлению к некоторому объекту». Это распространенная для тюркских языков модель. Обратимся к примерам.

тат. *Егетләр мәктәпкә килделәр* [КН, ЯЖ, 248].

Егет=ләр мәктәп=кә кил=де=ләр

Парень=PL школа=DAT приходит=PAST=PL

‘Парни пришли в школу’

Данная синтаксема в результате своего варьирования позволяет выражать значительный диапазон жизненного опыта, в частности, помимо прочего и возрастную характеристику человека. Причем, так сложилось давно, что подтверждается параллелями из тюркских языков и типологически близких к ним монгольских языков. Обратимся, в качестве примера к материалу уйгурского, узбекского и калмыцкого языков. Предложения со значением возрастной характеристики в уйгурском, узбекском и калмыцком языках строятся по глагольным и именным моделям. Глагольные модели складываются по образцу пространственных моделей со значением движения.

Модель (субмодель, вариант) $N_{Nom} {}^sNum N_{Dat} Vf^{Mot}$ (кирмәк, **kirmok, orx**) «кто - в какой возраст входит»

По структуре эта модель близка к пространственным моделям с семантикой движения. Предикатом этой модели выступают глаголы движения уйг. *кирмәк*, узб. *kirmoq*, калм. *орх* ‘входить’. Субъект модели выражен именем существительным или местоимением в форме неопределенного (именительного, основного) падежа. Отметим, что наше описание носит предикатоцентрический характер, поскольку в предикате-сказуемом (как глагольном, так и именном), как в зародыше, скрыта вся структура монопредикативного предложения в целом, т. е. представления концепта возраста в контексте целостного события. Именно этим и ценен предикатный способ репрезентации концепта возраста.

Глагол-предикат характеризуется своей конфигурацией семантических элементов. К ним относятся в качестве основных субъект, объект и различные конкретизаторы. Например, глаголы уйг. *кормәк*, узб. *kirmoq*, калм. *орх* ‘входить’ в современных калмыцком, уйгурском и узбекском языках сопровождаются соответственно такими семантическими элементами, как *ким? нимә үчүн? ким билән? и kim?, nima uchun?, kim bilan? кен? кентә? ‘кто? за что? с кем’*. Эти глаголы попадают в группу глаголов движения. В этих языках глагольное представление концепта возраста осуществляется при помощи нескольких групп данной части речи.

Концепт возраста – это ментальная сущность. Поэтому логично предположить, что она связана с такими сущностными единицами языка и мышления, как модель элементарного простого предложения. И это действительно так на уровне алгебраичности языка. В силу данного обстоятельства осмелимся утверждать, что глубинные различия и сходства между языками возможно обнаружить именно на этом уровне. Здесь релеванны выбор компонентов моделей и другие факторы. Среди них назовем так называемый принцип композициональности [21:9]. Чтобы не быть голословными, обратимся к конкретным моделям некоторых современных языков – уйгурского, узбекского (принадлежащих к языкам тюркской системы) и калмыцкого (принадлежащего к западно-монгольской группе монгольской ветви), относящихся к алтайской семье. Прежде чем перейти непосредственно к интересующим нас группам предикатов, поясним смысловую подоплеку обращения к глагольно-предикативному способу представления концепта возраста. Мы считаем модели базовых синтаксических единиц ключом к пониманию образа мышления этноса и механизмов формирования языковой картины мира.

В современном уйгурском, узбекском и калмыцком языках нами зарегистрированы четыре модели с интересующей нас се-

мантикой, две из них относятся к классу моделей глагольных предложений, две – именных предложений.

Модель {[N₁ Num_{числ} Vf_{mov} (уйг. *кирмак*, узб. *kirmoq*)] – «кто – в каком возрасте находится (букв. кто в какой возраст входит)»}

Например:

уйг. *Адаләт он сәккиз яшқа кирди* [ЖБ, К-К, 126].

Адаләт он сәккиз яш=қа кир=ди

Адаләт десять восемь=DAT входить= PST

‘(Девушке) Адаләт исполнилось восемнадцать лет’;

узб. *Ana endi Boybo‘rining o‘g‘li Mulla Hakim uch yoshga kirdi* [Alpomish.2-jild. Po‘lkan shoir va Ergash Jumanbulbul o‘g‘li. – Toshkent: G‘afur G‘ulom nomidagi Adabiyot va san’at nashriyotining matbaa ijodiy uyi, 2013 // file:///C:/Users/LENOVO/Desktop/G%E2%80%98afforova.pdf].

ana endi Boybo‘ri=ning o‘g‘li=i Mulla Hakim uch yosh=ga kir=di
сейчас Бойбори=GEN сын=POSS.3 Мулла Хаким три год-
=DAT входить=PST

‘Сейчас сыну Бойбори Мулле Хакиму исполнилось три года’.

калм. *Тиигхд шинкн арвн нас орж йовлав* [ТУ-22].

тиигхд	шинкн	арвн
тогда-ADV+DAT	только-ADV	десять-NUM
нас	орж	йовлав
лет-NOM	входил-CVB.IPFV	AUX-1SG

‘Тогда я только достиг (букв. входил в возраст) десять лет’.

В данных примерах на уровне поверхностной структуры субъект возрастной характеристики выражен подлежащим, который представлен именем существительным в основном (неопределенном, определенном, прямом) падеже. Предикатами-сказуемыми здесь являются сочетания – уйг. *он сәккиз яшқа кирди* ‘исполнилось восемнадцать лет’ и узб. *uch yoshga kirdi* ‘исполнилось три года’ калм. *арвн нас орж йовлав* ‘исполнилось десять лет’. Предикат состоит из числительного, лексемы уйг. *яш*, узб. *yosh* ‘возраст’, калм ‘нас’ в форме дательного-направительного.

тельного или винительного падежа и глагола уйг. *кирмэк*, узб. *kirmoq*, калм 'орх'. Ср. еще пример:

уйг. *Burader 20 yashqa kirdi* [ЗС, ЕТЙ, 239].

burader 20 yash=qa kir=di

друг =Nom 20 возраст=DAT входит= PST

‘Другу исполнилось 20 лет

(букв. друг вошел в двадцать лет)’

Глаголы уйг. *кирмэк* и узб. *kirmoq*, калм 'орх, курх' принимают форманты, которые выражают дополнительные грамматические оттенки значения. Например:

уйг. *Балам он саккиз яшқа кирэй деди* [ЖБ, К-К, 49].

бала=м он саккиз яш=қа кир=эй де=ди

сын=POSS.1 десять восемь лет=DAT входит= DES=PST

‘Моему сыну уже почти восемнадцать лет’;

узб. *Abdulla o'n yoshga kirganda Buvaydadagi eski maktabga o'qishga boradi* [Abdulla Qahhor. Adabiyot muallimi: hikoyalar. – Toshkent: Yangi asr avlodi, 2019 // file:///C:/Users/LENOVO/Desktop/A._Qahhor_Adabiyot_muallimi.pdf].

Abdulla o'n yosh=ga kir=gan=da

Абдулла десять лет= DAT входит=PST

‘Абдулле когда будет десять лет, он пойдет учиться в старую школу в Бувайде’.

калм. Тиигхд арвн дола орсн цагм, тииггэд Балтг намаг дахулв [УХ-64].

Тиигх-д	арвн дола	ор-сн	цаг-м
ADV-DAT	NUM	PP	NOM-
POSS1			
тииггэд	Балтг	намаг	дахулв
CVC.ANT	NOM	PRON-ACC-POSS1	Tv
POSS1			

‘(Тогда (Я) достиг (букв. зашел) семнадцати лет, поэтому Балтг взял меня с собой’.

калм. Арв күрсн дүнгэ наста отхн көвүһән зарв [ҺҮ-64].

Арв күрсн дүнгэ нас-та отхн

NUM-ACC PP PRT.AFF NOM-DAT ADJ
 көвү-һән зар-в
 NOM-POSS-3 Tv-Poss-1

‘Послал младшего сына возрастом примерно (достигшего) десяти лет’.

В данной работе мы не будем отвлекаться и касаться многочисленных грамматических оттенков семантики возраста, а только отметим глагольное осложнение формы предиката с целью приблизительного выражения возрастной характеристики субъекта. Это показывает особенности отражения языковой картины мира у тюрков. В приведенных выше примерах речь идет о не точном указании на возраст в сторону уменьшения от возраста, обозначенного именем числительным: уйг. *почти 18 лет*, узб. *когда будет десять лет*, калм. *примерно 10 лет*. При таком раскладе лексемы уйг. *яш* и узб. *yosh*, калм. *нашн* употребляются в дательном-направительном падеже, а глагол принимает форму желательного наклонения и в уйгурском языке используется с делексикализированным глаголом говорения *демәк*: *он сәккиз яшқа кирәй деди*, а в узбекском языке – с падежным аффиксом *-ga*: *o ‘n yoshga kirganda*.

Если речь идет о приблизительном указании на возраст в сторону увеличения от обозначенного числа, то вместо глаголов уйг. *кирмәк* (*чиқмақ, толмақ*), узб. *kirmoq* (*chiqmoq, to ‘lmoq*) употребляются глаголы уйг. *ашмақ* (*өтмәк, алқимак*), узб. *oshmoq* (*o ‘tmoq*) ‘перевалить’. Лексемы уйг. *яш*, узб. *yosh* в этом случае употребляются в форме аблатива. Мы расцениваем такие изменения в качестве отдельных случаев варьирования моделей. Например:

уйг. *Жуган әндила оттуз яштин алқиған* [ЗС, ЕТЙ, 114].

жуган әнди=ла оттуз яш=тин алқи=ған

молодуха только что =PRTCL – тридцать лет =ABL переходить =PTSP

‘Молодая женщина только недавно «перевалила» за тридцать лет’;

узб. *12 yoshdan endigina oshgan bolakay* [Maktabni 2014 yil tamomlagan Serxio Ramos haqida... // <https://championat.asia/oz/news/maktabni-2014-yil-tamomlagan-serxio-ramos-haqida>].

12 yosh=dan endi=gina osh=gan bolakay

12 лет=ABL едва= PRTCL перевалить=PP мальчик

‘Мальчуган только недавно «перевалил» за 12 лет’

калм. Дөч хол һарсн, оһн зовһң үзнәс күүкд күн келв [ҺҮ-39-40].

дөч	хол	һарсн	оһн	зовһң
NUM-ACC	ADV	PP	ADJ	NUM

үз-сн-әс	күүкд-күн	келв
PP-ABL	NUM	Tv-1SG

‘Возростом далеко за сорок (букв. сорок далеко ушедший) женщина рассказала о своих переживших (видевших) мучениях’.

Мы считаем, что глаголы уйг. *кирмәк*, узб. *kirmoq* и их функциональные аналоги в составе реализаций моделей в настоящее время функционируют как делексикализованные глаголы в служебной функции. Как показывают наши материалы, на месте глаголов уйг. *кирмәк*, узб. *kirmoq*, калм. *орх*, *күрх* можно употребить глаголы уйг. *чиқмақ*, узб. *chiqmoq* ‘восходить, залазить’; калм. *һарх* ‘восходить’, уйг. *толмақ*, узб. *toʻlmoq* ‘наполниться’; уйг. *кәлмәк*, узб. *kelmoq* ‘приходить’ в роли служебного слова. Подобные замены влекут за собой варьирование моделей.

Варьирование глаголов-констант в уйгурском, узбекском и калмыцком языках позволяет констатировать особенности восприятия возрастной информации о субъекте. Такие смыслы сложились в уйгурском и узбекском языках в прошлом. Их можно трактовать как часть жизненного опыта в контексте общей картины мира [91:221]. В некоторых языках аналитического и флективного типа такие модели примыкают к моделям предложений со значением количества [100:194–197]. В тюркских языках, в частности в современном уйгурском и узбекском, они восходят к моделям пространственно-временной характеристики. В частности, рассматриваемые модели сложились как сред-

ство обозначения такой ситуации, при которой возраст человека (уйг. *яш*, узб. *yosh*, калм. *наш*) интерпретировался в качестве некоторых объектов, поддающихся счету: уйг. *бир яш*, узб. *bir yosh* ‘один год’, уйг. *икки яш*, узб. *ikki yosh* ‘два года’, уйг. *отмуз яш*, узб. *o‘ttiz yosh* ‘тридцать лет’, уйг. *йүз яш*, узб. *yuz yosh* ‘сто лет’, в которые человек должен «проникнуть» при его движении по жизненному пути.

Структурным вариантом указанной модели является

{[N₁Num_{яшз} Vf_{mov} (уйг. *чиқмақ*, узб. *chiqmoq*)] – «кто – в каком возрасте находится (букв. кто на какой возраст взбирается)»}

Например:

уйг. *Адаләт билинмәстинла он сәккиз яшқа чиқипту* [ЖБ, К-К, 68].

Адаләт билинмәстин=ла он сәккиз яш=қа чиқ=ипту

Адалят незаметно= ADV= PRTCL десять восемь лет= DAT
восходить= PST

‘Адалят незаметно исполнилось восемнадцать лет’;

узб. *Shavkatchik o‘zimid. Ikki yoshga chiqdi* (Nosirova A. *Sahna nutqi* [Oliy o‘quv yurtlari uchun darslik/ A.Nosirova. O‘zbekiston Respublikasi Oliyva o‘rta maxsus ta’lim vazirligi. T.: «Tafakkur-Bo‘stoni», 2013].

Shavkatchik o‘zim=da. Ikki yosh=ga chiq=di

Шавкат сам=ЛОК два год=DAT восходить=PST

‘Шавкат у меня. Ему исполнилось два года’.

калм. *Хөр әрә давсн наста бер үсән самлж сууна* [ҺҮ-3].

Хөр	әрә	давсн	нас-та
NUM-ACC	ADV	PP	NOM-

DAT

бер	үс-ән	самлад	сууна
NOM	NOM-ACC-POSS	CVB.ANT	Tv-1SG

‘Невестка едва (букв. миновавшая) прошедшая двадцать лет, сидела, расчесывая волосы’.

В данном случае позицию глаголов-констант замещают глаголы уйг. *чиқмақ*, узб. *chiqmoq* ‘подняться, взобраться’ калм. ‘про-

ходить, преодолевать'. В прошлом данные варианты рассматриваемых моделей описывали жизненный опыт уйгуров и узбеков, при котором достижение определенного возраста человеком уподоблялось движению по восходящей «лестнице», ступени которой представляли собой конкретные возрастные этапы: уйг. *бир яш*, узб. *bir yosh* 'один год', уйг. *икки яш*, узб. *ikki yosh* 'два года', уйг. *отмюз яш*, узб. *o'ttiz yosh* 'тридцать лет', уйг. *йуз яш*, узб. *yuz yosh* 'сто лет' и т.д. Человек «поднимался-взбирался» на один, два и т.д. количество годов, т.е. он рос-взрослел-старился, но все время поднимался.

А теперь обратимся к варианту с глаголами уйг. *кэлмэк*, узб. *kelmoq* 'приходить':

{[N₁ Num_{яш3} Vf_{мов} (уйг. кэлмэк, узб. *kelmoq*)] – «кто – в каком возрасте находится (букв. к какому возрасту приходит)»}

Рассмотрим примеры:

уйг. *Бизниң өйдики чоңлиримиз йуз яшқа келип қалди* [ЖБ, К-К 169].

биз=ниң өй=дики чоң=лир=имиз йуз яш=қа кел=ип қал=ди
мы=GEN дом=ADJ взрослый=1P1 сто лет=DAT приходит=
=CV оставаться=PST

'Старшие люди в нашей семье достигли (букв. пришли) столетнего возраста';

узб. *Agar har bir inson vaqt o'tishi bilan pastga tushganini hisobga olsak, etmish yoshga kelib, «xalqlarning otasi» ham ikki santimetr ga «o'tirdi», deb taxmin qilish mumkin* [<https://uz.unansea.com/20-kongressdan-song-nima-uchun-stalinning-osishiga-erishildi/>].

etmish yosh=ga kel=ib, "xalq=lar=ning ota=si" ham ikki santimetr=ga "o'tir=di"

семьдесят лет=DAT приходит=CV человек= PL=GEN отец=
=POSS.3 тожт два сантиметр=DAT садиться=PST

'Если учесть, что каждый человек со временем опустился (уменьшается в росте), то можно предположить, что, достигая семидесятилетнего возраста, «отец народов» тоже «сел» на два сантиметра'.

калм. Болв ода наснчнь арвн йис күрв, терүнэ тускар медх зөвтэн [ТН-206].

Болв ода насн-ч-нь арвн йис
CONJ сейчас-ADV возраст-1SG-POSS девятна-
дцать-ACC

күр-в терүнэ тускар медх
достиг-PRS этот-GEN о-POST пони-
мать-PTCP.FUT

зөв-тэ-ч

должен-1SG

‘Теперь ты должен понимать, что возраст твой достиг 19 лет’.

Семантическая структура данного варианта модели указывает на то, что он употреблялся также при осмыслении возраста как некоего этапа на жизненном пути человека, который необходимо достичь. Однако особенностью данного случая служит то обстоятельство, что этот вариант ЭПП, как правило, используется, когда речь идет о преклонном возрасте. Когда говорят о восемнадцатилетнем возрасте, то этот вариант реже употребляется в тюркских, в монгольских – чаще.

В целом, подводя итоги по первой «возрастной» субмодели, можно заключить, что определенный возраст осмыслялся уйгурами, калмыками и узбеками как некоторый объект «достижения» при «движении» по жизненному пути. Получается, что человек достигает того или иного возраста. Это является элементом языковой картины мира, что сохранилось в ЭПП как единицах калмыцкого, уйгурского и узбекского языков. В структурной схеме таких синтаксем субъект представлен позицией основного падежа. Лексемы уйг. *yau*, узб. *yosh*, калм. *насн* ‘возраст’ ставятся в форме дательно-направительного падежа, что детерминируется валентностью глаголов уйг. *кирмэк* (*чиқмақ*, *кэлмэк*), узб. *кирмоқ* (*чиқмоқ*, *келмоқ*, калм. *күрх*, *орх*). Ср. Еще примеры:

уйг. *Йеқинда Эльдар 20 кириду* [ҺА, ТӘ, 94].

йекинда Эльдар 20 кири=ду

скоро Эльдар 20 (лет) входит= PrP

‘Эльдару скоро будет 20’;

Розахунниң оғли оттузга чиқти [ЗС, ЕТЙ, 116].

Розахун=ниң оғл=и оттуз=ға чиқ=ти

Розахун=GEN сын=POSS.3 тридцать=DAT восходить=PST

‘Сыну Розахуна исполнилось тридцать лет’;

Бу ақсақал сәксәнгә кәлди охшайду [ЖБ, К-К, 91].

бу ақсақал сәксән=гә кәл=ди охшайду

этот=PRON аксакал восемьдесят=DAT приходит=PST похоже=MOD

‘Этому аксакалу, похоже, исполнилось семьдесят лет (букв. Аксакал пришел к семидесяти годам)’.

узб. *yaqinda u ellik yoshga kiradi* [<https://uz.wiktionary.org/wiki/>].

yaqin=da u ellik yosh=ga kir=adi

рядом=LOK он пятьдесят лет=DAT входит=PrF

‘Ему скоро исполнится пятьдесят’

Ona! Yoshim o'ttizga chiqdi! [<https://hordiq.uz/2021/03/29/kimdir-sizning-baxtingizni-taminlash-uchun-kelmagan-dunyoga-hatto-ota-onangiz-ham/?lang=lat>].

ona! yosh=im o'ttiz=ga chiq=di!

мама возраст=POSS.1 тридцать=DAT восходить=PST

‘Мама! Мне исполнилось тридцать лет’

bu ayol qirq yoshga kirganga o'xshaydi [Kechirasiz Sevgilim // <https://tales.xperimentalhamid.com/uz/novel-chapters/im-sorry-my-love-novel-chapter-1654-1655-new/>]

‘Этой женщине, похоже, исполнилось сорок лет’.

калм. Арв нас күрч йовх дүңгә көвүн өмнәһүрнһ гүүһәд давхар седв [ТУ-11].

Арв

нас

күр-ч

йов-х

десять

возраст-ACC

достигать-CVB.IPFV

AUX

-PTCP.FUT

дүнгә	көвүн	өмнәһүр-нь
примерно-POST	мальчик-NOM	впереди-ADV-
POSS		
гүүһ-эд	давхар	седв
бежать-CVB.ANT	миновать-PrP	хотел-Тс-1SG

‘Мальчик примерно (букв. достигший) возраста десяти лет хотел пробежать перед ним’.

В дополнение к характеристике первой «возрастной» модели можно отметить, что она частично фразеологизируется в том, смысле, что позицию предиката замещает фразеологизм *Num-ниң чейини ичмәк* ‘пить чай такого числа’. Например:

Сениң достуң сәксәнниң чейини ичмәктә [информант].

сен=иң дост=уң сәксән=ниң чей=и=ни ич=мәктә

ты=GEN друг=POSS.2 восемьдесят=GEN чай=POSS.3=ACC
пить=PrP

‘Твоему другу исполнилось восемьдесят лет (букв. Твой друг пьет чай восьмидесяти)’

калм. Отхн Ваня орс көвүнъ Вася хоюрн эрә өөндән күрч йовцхана [УХ-51].

Отхн	Ваня	орс	көвү-нь
млдаший-ADJ	NOM	русский- ADJ	сын-
POSS3			
Вася	хоюрн	эрә	өөндән
NUM	NUM-POSS/REFL	ели-ADV	годовщи-
на-DAT-POSS-REFL			

күрч-ч йовцхана
достигать –CVB.IPFV AUX-3PL-PRS

‘Младший сын Ваня, русский сын Вася едва (букв. достигли) годовалого возраста’.

Модель {[N₃ Num_{яш} Vf (уйг. *толмақ*, узб. *to‘lmoq*)] - «кому – сколько лет»}

Например:

уйг. *Ризвангулгә 21 яш толди* [разг.].

Ризвангүл=гә 21 яш тол=ди
Ризвангүль=DAT 21 год исполняться=PST

‘Ризвангүль исполнилось 21 год’;

узб. *O‘zbekiston prezidenti Shavkat Mirziyoyev bugun, 24-iyul kuni 66 yoshga to‘ldi* [<https://daryo.uz/2023/07/24/>].

O‘zbekiston prezident=i Shavkat Mirziyoyev bugun, 24-iyul kun=i 66 yosh=ga to‘l=di

Узбекистан президент=POSS.3 Шавкат Мирзиёев сегодня 24 июль день=POSS.3 66 возраст=DAT наполняться=PST

‘Сегодня, 24 июля, президенту Узбекистан Шавкату Мирзиёеву исполнилось 66 лет’.

калм. Көвүчлгдсн Вася эврэ көвүн Ваня хоюрн хөртэ болв [УХ-51].

Көвүчл-гд-сн приемный-PASS-PTCP.PST NOM-сын	Вася NOM	эвр-э	көвүн ADJ-GEN
---	-------------	-------	------------------

Ваня NOM	хойрн оба-NUM	хөртэ двадцать-DAT	болв AUX
-------------	------------------	-----------------------	-------------

Глаголы уйг. *толмақ*, узб. *to‘lmoq* ‘наполняться’ в темпоральном значении соответственно в рассматриваемых языках имеют особенную значимость. Носители языка придают семантике глаголов оттенок цикличности, имея в виду месяцы и годы как единицы времени [5:308–313]. Имея в виду динамику времени, они часто увязывают темпоральность с лунными фазами: уйг. *йеңи ай*, узб. *yangi oy* ‘молодой месяц’ (‘новый месяц’) – уйг. *толган/толун ай*, узб. *to‘lg‘in/to‘lin oy* ‘полная луна’ – уйг. *азий-иватқан ай* ‘убывающая луна’. Это обуславливает употребление данных глаголов в ситуации возрастной характеристики. Вместо глаголов уйг. *толмақ*, узб. *to‘lmoq*, как показывают наши материалы, могут употребляться бытийные глаголы уйг. *болмақ*, узб. *bo‘lmoq*:

уйг. *Синдимга пәкәт үч яш болди* [разг.].

синдл=им=ға пәкәт үч яш бол=ди

сестренка=POSS.1=DAT едва три год становится=PST
'Моей сестренке еще только три года';

узб. *Muhammad Usmon o'g'limizga 1 yosh bo'ldi* [https://www.instagram.com/p/CqрApjeNdOf/?img_index=1].

Muhammad Usmon o'g'l=imiz=ga 1 yosh bo'l=di
Мухаммад Усман сын= DAT 1 год становится=PST
'Нашему сыну Мухаммаду Усмону еще только один год'.

калм. Мазна наснь болад, хойр күнд күмсгнь буугдтл көгшр-
нә [УХ-132].

Мазн-а	насьнь	бол-ад	хойр
NOM-GEN	возраст-POSS.REFL	наступать-CVB.ANT	

два

күнд	күмсг-нь	буу-гд-тл
тяжелый	брови-POSS3	опускаться-PASS.-CVB.TERM
көгшрнә		
стареть-Tv-PRS		

'Мазан постарел до того возраста, опустились его тяжелые брови'

В поверхностной структурной схеме нет позиции традиционного подлежащего. Субъект возрастной характеристики выражен словоформой с аффиксом дательного-направительного падежа. Предикат выражен сочетанием нумератива с лексемой уйг. *яш*, узб. *yosh* в форме основного падежа и при необходимости – служебных глаголов уйг. *толмақ/болмақ*, узб. *to'lmoq/bo'lmoq*. Обратимся к примерам:

уйг. *Бүгүн Әркингә йигирмә бәш яш толди* [ҺА, ТӘ, 93].

бүгүн Әркин=гә йигирмә бәш яш тол=ди
сегодня Аркин=DAT двадцать пять лет наполняться=PST
'Сегодня Аркину исполнилось двадцать пять лет';

узб. *Kimsanboy yigirma yoshga to'ldi* [<https://n.ziyouz.com/portal-haqida/xarita/uzbek-nasri/said-ahmad-1920-2007/said-ahmad-sarob-hikoya>].

узб. *Qizim endigina 18 yoshga to'ldi* [https://uza.uz/oz/posts/su-v-muammosi-aholini-qiynayapti_293909].

qiz=im endi=gina 18 yosh=ga to'l=di

дочь едва=PRTCL 8 лет= DAT наполняться=PST

‘Дочери исполнилось недавно 18 лет’

Qosim endigina uch yoshga to'lgan edi [Al-Qosim ibn al-Hasan // https://uz.wikipedia.org/wiki/Al-Qosim_ibn_Hasan_ibn_Ali].

‘Касиму исполнилось недавно 3 года’.

калм. Тер миисиг тав күрсн наста көвүн илэд сууна [УХ-58].

тер миисиг тав күрсн наста

эту кошка-ACC пять достигший-PTCP.PST возраст-ASSOC

көвүн ил-эд суу-на

мальчик гладить-CVB.ANT сидеть-AUX-

PRS

‘Эту кошку, сидя, гладил пятилетний мальчик’.

Вторым моментом послужили факты других тюркских языков, в частности, татарского и башкирского языков, в которых нормальными являются фразы, построенные по структурной схеме N_3 - *Num_{яш} тулмақ*:

тат. *Бу озын буйлы кешегә илле яшь тулды* [СР, БЯ, 103].

бу озын буй=лы кешегә илле яшь тул=ды

этот длинный рост=ADJ человек=DAT пятьдесят лет=NOM наполняться=PST

‘Этому высокому мужчине исполнилось пятьдесят лет’

башк. *Эльмирага ун һигез йәш тула* [МГ, УБ, 93].

Эльмира=ға ун һигез йәш тул=а

Эльмира=DAT десять восемь лет наполняться=PrP

‘Эльмире исполнилось восемнадцать лет’

По нашему мнению, в современной татарском языке фразы, построенные по структурной схеме N_3 - *Num_{яш} тулмақ*, очевидно, можно считать влиянием русского языка. Для сравнения отметим, что, например, в современном киргизском языке та-

кие фразы не встречаются, и отмеченный смысл передается при использовании модели, аналогичной уйгурской модели {[N1 Numяш3 Vfmov(уйг. кирмэк, узб. kirmoq)] – «кто – в каком возрасте находится (букв. кто в какой возраст входит)»}.

Уйгурский язык находится на той стадии развития, когда происходит становление новой субмодели, и влияние другого языка здесь исключать нельзя. Раньше такое осмысление житейского опыта, при котором возраст «наполнялся» бы в человека, не был характерным для тюрков и монголов. Сейчас такие фразы возможны.

Итак, мы видим на примере семантики возраста человека, как отражается при помощи элементарных простых предложений жизненный опыт и представления представителей языкового коллектива. Эта же семантика может выражаться и именными моделями, которые близки, в частности, к реляционным моделям. Но вернемся к глагольным моделям.

Модель N1 – N3 <N2 postp> - Vf «кто/что - кого - что делает=воспринимает» Общая семантика «Выражение направленного восприятия субъектом некоторого объекта». Примеры реализаций синтаксемы, представляемой данной моделью.

Нур ана этрапқа қариди [ЭҺ, НА, 79].

Нур ана этрап=қа қари=ди

Нур ана окрестность=DAT смотреть=PAST

‘Нур ана взглянула на окрестность’

Биз сэй-көктат базирига бақтуқ [газ].

биз сэй-көктат базир=и=ға бақ=ту=к

мы салат-овощ базар=POSS3=DAT посмотреть=PAST=1PL

‘Мы посмотрели на овощной базар’

Модель N1 – N3/6 - Vf_{emotion} «кто - на кого - что испытывает». Общая семантика «Выражение эмоционального состояния субъекта как реакцию на некоторый объект-стимул». Валентность предиката допускает варьирование дательно-направительного и исходного падежей. Примеры.

Өзэм өзэмгэ нэпрэтлэндим [ҺА, ТӨ, 119].

өзэм өзэм=гэ нэпрэтлэн=ди=м

сам сам=DAT испытывать отвращение=PAST=1Sg

‘Я испытал отвращение к самому себе’

Гөзэлнур эпэткэ эпсуслинатти [газ].

Гөзэлнур эпэт=кэ эпсуслин=атти

Гузялнур стихия=DAT сожалеть=FREQ

‘Гузялнур сожалела из-за стихии (букв. на стихию)’

Арислан уларниң бу қилиидин сәскәнди [ЙТ, ТКА, 185].

Арислан улар=ниң бу қилиғ=и=дин сәскән=ди

Арислан они=GEN этот поступок=POSS3=ABL испугаться=PAST

‘Арислан испугался этих их поступков’

3.2.1.3. Трехактантные глагольные модели

Такие ЭПП подразделяются на две группы: 1) синтаксемы с грамматической семантикой «от субъекта» (4 модели); 2) синтаксемы с грамматической семантикой «к субъекту» (2 модели).

А) N1 – M4 – N3 – Vf «кто/кому – что - передавать» Общая семантика «Выражение акта передачи объекта субъектом адресату».

Ақсақал китавини әң кичик нәврисиғә бәрди [УА].

аксақал китав=и=ни әң кичик нәври=си=гә бәр=ди

аксақал книга=POSS3=AKK самый маленький внук=POSS3=DAT давать=PAST

‘Аксақал-старик дал свою книгу самому младшему внуку’

Б) N1 – N4 – N3 <Np> - Vf^{speech} «кто/кому - что - повествовать» Общая семантика «Выражение информации субъектом объекту о некоем объекте».

Хошна аял Халидәмгә түнүгүнки вақиәни ейтти [ЙТ, ТКА, 138].

хошна аял Халидәм=гә түнүгүнки вақиә=ни ейт=ти

сосед женщина Халидам=DAT вчерашний событие=АКК
сказать=PAST

‘Женщина-соседка сказала Халидам о вчерашнем событии’

В) N1 - N3 – N4 <N p> - Vf^{lok} «кто/что – куда - помещать»
Общая семантика «Выражение локализации субъектом некоего
объекта в пространстве».

Гүзэл эткэн чайга қаймақни қошти [УА].

Гүзэл эткэн чай=ға қаймақ=ни қош=ти

Гюзаль аткан чай=DAT сметана=АКК добавлять=PAST

‘Гюзаль добавила в аткан-чай сметану’

Г) N1 – N3 – N билэн – Vf «кто/кому - чем - что делать».
Общая семантика «Выражение направленного воздействия
субъектом на объект посредством некоего орудия».

Оғлум бэрэнгә арисидики чөпни кәтмән билән чапти [разг].

оғлум бэрэнгә арисидики чөп=ни кәтмән билән чап=ти

сын=POSS1 картофель между трава=АКК кетмень с рубить=
=PAST

‘Мой сын выпололл траву среди картофеля кетменем’

А) N1 – N4 – N6 - Vf «кто/что - у кого - что - получать».
Общая семантика «Выражение получения субъектом некоторо-
го объекта».

Мән аманәтни әтиси почтиханидин еливалдим [УА].

мән аманәт=ни әти=си почтихани=дин еливал=ди=м

я посылка=АКК завтра=POSS3 почта=ABL забирать=PAS-
T=1Sg

‘Я забрал посылку из почтового офиса на завтрашний день’

Б) N1 – N4 – N6 – Vf «кто/что - от кого - отделять».
Общая семантика «Выражение отчуждения субъектом некоего
объекта от другого объекта».

’ардамсиздан кут жартилуp [ДЛТ, 381].

’ардам=сиз=дан кут жартил=ур

честь=NEG=ABL счастье покидать=PrFut

‘Удача покидает нечестивого’

3.2.2. Именные модели синтаксем

Инвариантным значением всех именных предикатов, особенно полиактантных, является понятие «отношение». Отношение отличается от действия, которое предполагает субъект и объект действия. Например:

тат. *Малай утын яра* [разг].
|малай утын яр=a
мальчик дрова рубить=Pr
'Мальчик рубит дрова'

Ср.
уйг. *Биз ашиқ-мәшүк болдуқ* [УА].
биз ашиқ-мәшүк бол=ду=к
мы влюбленный быть=PAST=1Pl
'Мы были влюбленными'

Отношение – это своего рода характеристика из определенного ракурса. Именные предикаты в тюркских и монгольских языках выражают различные типы отношений, в частности, отношения возрастной характеристики субъекта при помощи конкретных моделей. Например:

Модель $\{[N_1 \text{ NumLEX}^{\text{age}}_{\text{яш5}}] (\text{cop}) - \text{«кто - в каком возрасте»}\}$

Эту модель мы считаем именной. Здесь при предикативе $\text{Num}_{\text{яш5}}$ употребляется связка (cop). Субъект выражен словоформой в основном падеже, являющимся подлежащим. Что касается синтаксического смысла, то здесь возрастная характеристика осмысливается также на основе пространственных представлений. Возраст понимается как некая локация для человека. Локация-1 уйг. *яш*, узб. *yosh*, локация-2 уйг. *яш*, узб. *yosh*, и т.д. Обратимся к примерам:

уйг. *Гүлайшам дегән жуган оттуз яшта экән* [ЗС, ЕТЙ, 115].
Гүлайшам де=gән жуган оттуз яш=та е=кән

Гүлайшам называться=NMLZ молодуха тридцать лет=LOK
оказываться=MOD

‘Молодой женщине, Гульвайшам, оказывается, тридцать лет (букв. Гульвайшам на тридцати годах оказывается)’;

Аювахун қаримаққа жигирмә бәш яшта [ЖБ, К-К, 79].

Аювахун қаримақ=қа жигирмә бәш яш=та

Аювахун смотреть=DAT двадцать пять лет=LOK

‘Аювахуну на первый взгляд было двадцать пять лет’.

узб. *Afandi 70 yoshda ekan*[(https://latifa.uz/uz_latn/show/11171)].

Afandi 70 yosh=da ekan

Афанди 70 лет=LOK оказывается=MOD

‘Афанди, оказывается 70 лет’;

Ko'rinishidan, u oltmish yoshda [<https://minikar.ru/uz/pritchi/pozdravleniya-s-yubileem-60-dedushku-ot-vnuchki-luchshie/>].

ko'rinish=i=dan, u oltmish yosh=da

внешний вид=POSS.3=ABL он шестьдесят лет=LOK

‘Судя по внешнему виду, ему шестьдесят лет’.

калм. Өмнән дала медэл ям хадсн, эрэн дунд наста эццн хар хальмг залу [hY-]

Өмн-эн

дала

медэл

ям

Впереди-ADV-POSS.REFL

много

медаль

знак

хад-сн

эр-эн

прикрепить-PTSP.PST

мужчина – POSS.REFL

дунд

наста

эццн

средний-ADJ

возраст-NOM-ASSOC

худой

хар

хальмг

залу

смуглый

калмык

мужчина

‘С множеством медалей и знаков отличия, смуглый мужчина калмык внешне средних лет’

Модель {[N₁ N₆ NumLEX^{age} чон/кичик (сop)] – «кто – кого на сколько старше/младше»}

Данная модель содержит большее количество актантов, поскольку информация о возрасте передается путем сравнения с возрастом другого человека. То обстоятельство, что субъект

старше (*чоң*) или младше (*кичик*) сравниваемого с ним человека, передается точно и конкретно при помощи имени числительного при слове *яш*. Например:

уйг. *Розахун Гулайшамдин 22 яш чоң* [ЗС, ЕТЙ, 114].

Розахун Гулайшам=дин 22 яш чоң

Розахун Гулайшам=ABL 22 лет больше

‘Розахун старше Гулайшам на 22 года’

Мениң һәдәм мениңдин үч яш чоң [ХА, ОЧ, 206].

мен=иң һәдә=м мен=иң=дин үч яш чоң

я=GEN сестра=POSS1 я=GEN=ABL три год большой

‘Сестра старше меня на три года’

Мәзкүр көрәрмән мениңдин хелә кичик [ХА, ТА, 211].

мәзкүр көрәрмән мениң=дин хелә кичик

данный зритель я=ABL намного маленький

‘Этот зритель намного младше меня’;

узб. *Hamza Muhammaddan to'rt yosh katta* [https://uz.wikipedia.org/wiki/Hamza_ibn_Abdul_Muttolib].

Hamza Muhammad=dan to'rt yosh katta

Хамза Мухаммад=ABL четыре год=NOM старший

‘Хамза старше Мухаммада на четыре года’;

Onam mendan 10 yosh katta [<https://akme.uz/akme-consalting/>].

она=m мен=dan 10 yosh katta

сестра=POSS.1 я=ABL 10 лет большой

‘Моя сестра старше меня на 10 лет’;

Ukat Anvar mendan ancha kichik [<https://nodirabegim.uz/archives/5548>].

ика=t Anvar мен=dan ancha kichik

младший брат=POSS.1 Анвар я=ABL много маленький

‘Мой брат Анвар намного младше меня’

калм. *Эрдм, нанас хол дү, мини үрнлә әдл күнч* [ТУ-20].

Эрдм нан-ас хол дү мин-и

Эрдем меня-ABL далеко-ADV младший мой-GEN

үрн-лә әдл күн-ч

ребенок-COM одинаковый-ADJ человек-NOM-1SG

‘Эрдэм, (ты) по сравнению со мной (букв. далеко) младше, возраста моих детей’.

калм. Нанас доргшан наста улс хурл гиж йирин хэлэш уга [hY-159]

нанас	доргшан	нас-та	улс
меня-ABL	ниже-ADV	возраст-ASSOC	люди-NOM
хурл	гиж йирин	хэлэш	уга
хурул-NOM	COP	вообще	смотреть-PTCP.FUT

NEG.COP
‘Люди возрастом младше (букв. ниже, меньше) меня, вообще не будет даже смотреть в сторону хурула’.

калм. Не, ик көвүнэсн кедү насн заагта бээсн болх? [ЭЗ-66].

не	ик	көвүн-эс-н	кедү	насн
итак	старший	сын-ABL-POSS.REFL	сколько	лет
зааг-та		бээ-сн		болх
интервал-ASSOC		быть-PTCP.PST		AUX-PTCP.FUT

‘Итак, со старшим сыном (у него) сколько лет разницы (букв. интервал, щель) было?’.

Валентностная структура синтаксем с именным предикатом-сказуемым существенно иная, чем у глагольных предложений. Отношения между именным предикатом и именем субъекта (подлежащим) определяются другими закономерностями. С этой точки зрения существенно, что имя, попадая в позицию предиката, закономерно приобретает семантику предикативного признака, за ним усматривается не конкретное лицо или предмет, но общая категория. Если это существительное, то признак предстает как *род*, как широкое *понятие*, в которое вписывается данный отдельный предмет или данное более узкое понятие, названное, представленное подлежащим. Например: уйг. *Аян муэллим* - ‘Аян учитель’; калм. Делгр уйяч - ‘Делгира швея’.

Синтаксемы, отображаемые в научном описании именными моделями, со стороны количества предметных участников выражаемых ситуаций делятся на 2 блока: 1) одноактантные; 2) двухактантные. Дальнейшее подразделение строится на основе семантических типов и общих типовых смыслов моделей.

3.2.2.1. Одноактантные модели ЭПШ с именным предикатом

1) Модели квалификации

N1 ⇔ N1 (сор) «кто\что – кто\что (есть)». Общая семантика «Выражение квалификации некоторого субъекта-носителя признака».

Бэхит пул [ЗС, ЕТЙ, 97].

бэхит пул

счастье=NOM деньги=NOM

‘Счастье это деньги’

У кызниң ети Гүл кака дор [С.Е. Малов].

у кыз=ниң ет=и Гүл кака дор

тот девушка=GEN имя=POSS3 Гюлькака есть

‘Имя той девушки Гюлькака’

Кут балкуси билик [ДЛТ, 215].

кут балку=си билик

счастье признак=POSS3 знание

‘Отметина счастья знание’

N1 ⇔ N_р6 (сор) «кто\что – из числа кого\чего (есть)». Общая семантика «Выражение квалификации субъекта-носителя признака путем его соотнесения с классом лиц, предметов, явлений».

Мурадниң дадиси Саим чоң мошу бир икки йилдин бериқовургисига май қонған йәккә тижарәтчиләрдин еди [Т,87].

Мурад=ниң дади=си Саим чоң мошу бир-икки йил=дин бери
ковурғи=си=ға май қонған йәккә тижарәтчи=ләр=дин еди

Мурад=GEN отец=POSS3 Саим чон вот этот один-два год=
=ABL с тех пор ребро=POSS3=DAT жир приставать частный
предприниматель=PL=ABL быть

‘Отец Мурада, Саим чон, был из частных предпринимателей, разбогатевших за эти пару лет’

N1 ⇔ N post (cop) «что – о чем [есть]». Общая семантика «Выражение квалификации субъекта с точки зрения его содержания».

Нур аниниң нахишилири ана йәр, су тоғрилиқ еди [Әһ, НА, 105].

Нур ани=ниң нахиши=лир=и ана йәр, су тоғрилиқ еди

Нур ана=GEN песня=PL=POSS3 родная земля вода про
быть

‘Песни Нур-ана были о родной земле и воде’

N1 ⇔ Tv-ish6 ibaret (cop) «кто/что – состоит из чего». Общая семантика «Выражение квалификации субъекта путем его конкретизации и уточнения». Например.

Мәқситимиз ақлиништин ибарәт [газ].

мәқсит=имиз ақлин=иш=тин ибарәт

цель=POSS1PL оправдываться=PP=ABL состоять из

‘Наша цель ө оправдаться’

Модели состояния.

N1 ⇔ Adj (cop) «кто – каков (состояние)». Общая семантика «Выражение состояния некоторого субъекта».

Нур ана көңүлсиз [Әһ, НА, 183].

Нур ана көңүлсиз

Нур ана грустный=Nom

‘Нур ана грустная’

Гүлайшәм хапа болуп кәтти [ЗС, ЕТЙ, 126].

Гүлайшәм хапа бол=уп кәт=ти

Гюльайшам огорченный становится=CV уходить=PAST

‘Гюльшам стала недовольной’

Модели обладания.

N1 ⇔ N=liq/siz (cop) «кто – имеющий/не имеющий что». Общая семантика «Выражение обладания/необладания субъектом некоторым объектом». Например.

Шаир балилиқ болди [газ].

шаир бали=лиқ бол=ди

поэт ребенок= POSSV становится=PAST

‘Поэт стал отцом (букв. имеющим ребенка)’

Ғашимахун өйсиз икән [ӨК, 247].

Ғашимахун өй=сиз икән

Ашымахун дом= POSSVNEG оказывается

‘Ашымахун, оказывается, не имеет своего дома’

N1 ⇔ N2 <N=ningki> (cop) «кто/что – кого/чье».

Общая семантика «Выражение факта принадлежности субъекта другому субъекту». Например.

Сән мениң [Ж. Босақов]

Сән мен=иң

Ты я=GEN

‘Ты моя’

Сап-сақ адәм, қиливатқан гепи мәс кишиниңки [ШШ, ЙК, 93].

Сап-сақ адәм, қил=иватқан геп=и мәс киши=ниңки

Очень трезвый человек осуществлять=PP речь=POSS3
пьяный человек=

‘Вполне трезвый, а речи пьяного человека’

Модели оценки

N1 ⇔ Adjmark (cop) «кто/что каков (оценка)». Общая семантика «Выражение оценочной характеристики субъекта по какому-либо признаку». Примеры.

Нахша муңлуқ еди [ЗС, ЕТЙ, 123].

Нахша муңлуқ еди

Песня грустная быть=PAST

‘Песня была задушевной’

Йоллиримиз мана мошундақ начар [Т, 235].

Йол=лир=имиз мана мошундақ начар

Дорога=PL=POSS1 вот такой плохой

‘Наши дороги вот такие неважные’

Bu N1 ⇔ Adj M1 (cop) «этот кто/что – какой кто/ что [есть]».
Общая семантика «Выражение квалификационной характери-

стики субъекта в форме сентенции». Синтаксема, отображаемая данной моделью, может считаться структурно-семантическим вариантом приведенной выше модели квалификации. Спецификой ее структурной схемы является тавтология компонента (N1). Данная ЭПП превращается во фразеологизированную синтаксическую единицу и может быть причислена к синтаксическим идиомам. Примеры.

Бу жаһан узун жаһан [фольк.].

бу жаһан узун жаһан

этот мир длинный мир

‘Это мир сложный мир’

Бу тағлар егиз тағлар фольк.].

бу тағ=лар егиз тағ=лар

этот гора=PL высокий гора=PL

‘Эти горы высокие горы’

N1 ⇔ **N=dek** <**M3 okhshash**> (**cop**) «кто/что – как кто/что».

Общая семантика «Выражение оценки субъекта путем его сравнения с некоторым объектом». Например.

Худди қәнт-наватқа охшааш Шу сениң шерин сөзлириң [фольк.].

худди қәнт-нават=қа охшааш Шу се=ниң шерин сөз=лир=ин

словно сахар-нават=DAT похожий этот ты=GEN сладкий

слово=PL=POSS2

‘Твои сладкие речи словно сахар-нават’

Қизниң зилва-қәдди камити әвришим талға охшааш [газ.].

киз=ниң зилва қәдди-камит=и әвришим тал=ға охшааш

девушка=GEN стройная фигура=POSS3 гибкий ива-

=DAT похожий

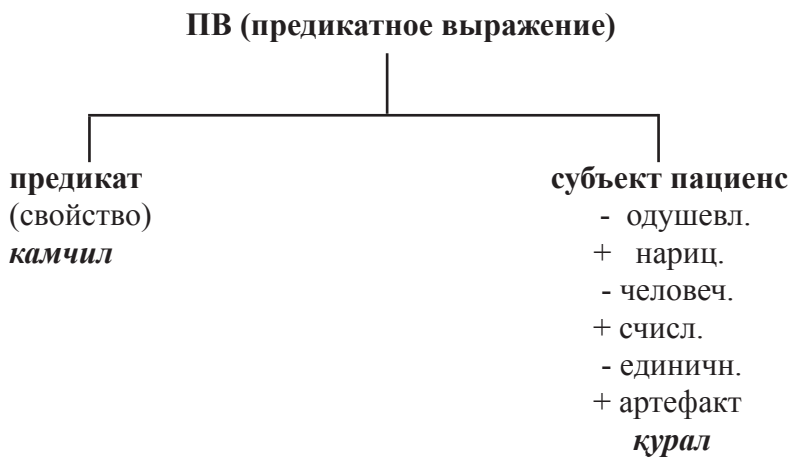
‘Стройный стан девушки подобен гибкой иве’

N1 ⇔ **Num (cop)** «кто/что – в каком количестве». Общая семантика «Выражение количественной оценки-определения субъекта». Например.

Қурал камчил [ЗС, ЖС, 290].

курал камчил
оружие недостаточный
'Вооружения мало'

Семантическая структура синтаксемы состоит из семантических компонентов: предиката, субъекта, объекта, конкретизаторов. Это не простой набор компонентов, а их иерархически организованный синтез. Отдельные авторы, в частности, В.В. Богданов, при описании семантической организации предложения обращаются к семному представлению не предикатных компонентов семантической структуры. Однако, как нам представляется, при этом анализ начинается проводится на уровне конкретных высказываний, а не на уровне предложений как синтаксем [см.: 21 : 76]. При таком подходе вышеприведенный пример должен быть проанализирован следующим образом:



Но в других реализациях данной модели место подлежащего могут заполнять существительные, имеющие сему (+ одушевл.), например, *Қойлар көп* – ‘Овец много’ или существительные, имеющие сему (+человеч.), например, *Балилар тола* ‘Детей много’. Следовательно, при обращении к семантике модели нужно более значительное обобщение, поднимающееся до

уровня абстрактных единиц – синтаксем, отображаемых моделями. Но вернемся к примерам модели **N1 ↔ Num (cop) «кто/что – в каком количестве»**.

Ишиң көп экән [Әһ, НА, 124].

иш=иң көп экән

работа=POSS2 много оказывается

‘У тебя, оказывается, работы много’

Яр, сениң рәнжишлириң тола [песня].

яр, се=ниң рәнжиш=лир=иң тола

любимая ты=GEN обида=PL=POSS2 много

‘Любимая, твоих обид много’

3.2.2.2. Двухактантным модели ЭПП с именным предикатом

Модели квалификации.

N1 – N3 - Adj (cop) «кто/что - (к) кому/чему - склонен».

Общая семантика «Выражение квалификации субъекта по признаку его «склонности» к чему-либо». Валентность именных предикатов данной модели детерминирует постановку имени в дательном-направительном падеже – позиция именного участника (**N3**). Например.

Бу йигит эткән чайға амрақ икән [газ.].

бу йигит эткән чай=ға амрақ икән

этот джигит аткан-чай=DAT склонный оказывается=
=MOD

‘Этот молодой человек, оказывается, питает слабость к аткан-чаю’

Гүлбаһар Халидәмгә йеқин [ҺА, ТӘ, 91].

Гүлбаһар Халидәм=гә йеқин

Гульбахар Халидам=DAT близкая

‘Гульбахар близка к Халидам’

N1 – N6 - <N6 kore, N3 qarighanda> - Adj (cop) «кто/что - кого/чего (по сравнению с кем/чем) - каков». Общая се-

мантика «Выражение квалификации-оценки субъекта путем его сравнения с некоторым объектом». Примеры.

Бизниң Чарвагму Маливайдин кам эмэс [Өһ, НА, 114].

Биз=ниң Чарваг=му Маливай=дин кам эмэс
Мы=GEN Чарбаг=PART Маливай=ABL дефектный не
‘Да и наш Чарбаг не хуже Маливая’

Маңа қариганда сән зерәгирәк [ЙТ, ТКА, 77].

Ма=ңа қариганда сән зерәги=рәк
Я= по сравнению с ты умный=COMP
‘Ты смышленей, чем я’

Модели оценки.

N1 – N3 – Adj (cop) «кто/что кому/чему каков». Общая семантика модели «Выражение оценки субъекта с точки зрения некоторого объекта». Например.

Мана эмди бизгә үмид-арзу, һәтта һаятму ят [ЗС, ЕТЙ, 125].

мана эмди биз=гә үмид-арзу, һәтта һаятму ят
вот теперь мы=DAT надежда-мечта даже жизнь=PART-

ICLE

‘Вот теперь нам чужды надежды и мечты, даже сама жизнь’

Нур ана бизгә қиммәт [Өһ, НА, 183].

Нур-ана биз=гә қиммәт
Нур-ана мы=DAT дорогой
‘Нур-ана нам дорога’

Модели обладания.

N2 ⇔ N// - Var (cop) «чье - кто/что - есть». Общая семантика «Выражение наличия или отсутствия у некоторого субъекта как обладателя (в широком смысле) некоторого объекта как обладаемого». Вполне вероятно, что в данном случае мы имеем дело с вариантом более глубоинной синтаксемы с предикатами наличия, отсутствия и количества. Обратимся к примерам.

Шамалниң күчи бар [ЙТ, ТКА, 82].

шамал=ниң күч=и бар

ветер=GEN сила=POSS3 есть

‘У ветра есть сила’

Тәмбирим йоқ [Ә. һаширов].

тәмбир=им йоқ

тамбир=POSS1 отсутствует

‘У меня нет тамбира’

N1 – N6 – kheverdar/kheversiz (cop) «кто/что – о чем – осведомлен/не осведомлен». «Выражение наличия или отсутствия у субъекта информации о некотором объекте». Связанность структуры посредством изафета и специфика наполнения позиции предиката свидетельствуют о близости данной синтаксемы к фразеологизированным синтаксическим единицам.

Биз сизниң әһвалиңиздин, қилмақчи болған ишлириңиздин толук хәвәрдармиз [ЗЖ, ЖС, 281].

биз сиз=ниң әһвал=иңиз=дин, қил=мақчи болған иш=лир=иңиз=дин толук хәвәрдар=миз

мы вы=GEN дела=POSS2=ABL делать=IMP дело=PL=POSS2=ABL полностью осведомленный=1PI

‘Мы полностью осведомлены о ваших делах и намерениях’

Гайит униң [Хевирниң.-С.А.] ички кәчүрмилиридин хәвәрсиз еди [ЙТ, ТКА, 141].

Гайит у=ниң [Хевир=ниң.-С.А.] ички кәчүрми=лир=и=дин хәвәрсиз еди

Гайит он=GEN [Хевир=GEN.-С.А.] внутренний переживание=PI=POSS3=ABL не осведомленный быть=PAST

‘Гайит не был осведомлен о его [Хевира.-С.А.] переживаниях’

N1 – N3 – N1 (cop) «кто – кому/чему – владелец». Общая семантика «Выражение факта обладания субъектом некоторым объектом». Например.

Мана мән һазир сағидиган сийирға, сойидиган қойға егә [Әһ, НА, 92].

мана мән һазир сағи=диған сийир=ға, сойи=диған қой=ға егә

вот я сейчас доить=PASTP корова=DAT резать=PASTP овца=
=DAT

хозяин

‘Вот теперь я владелец коровы, которую можно доить, овец, которых можно заколоть’

Здесь задействованы базовые «бинарные» именные предикаты *бай – гадай* «богатый – бедный», *сехи – ач көз* «щедрый – жадный» и коррелирующие с ними глагольные предикаты. Именные предикаты ориентированы на выражение отношения между предметными участниками ситуации. Рассмотрим примеры:

Абдукерим талантқа бай иди [СС, ШД, 11].

Абдукерим талант=қа бай иди

Абдукерим талант=DAT богатый быть=PP

‘Абдукерим был богат на таланты’

Турпан дияри үзүмгә бай иди [СС, ШД, 20].

Турпан дияри үзүм=гә бай и=ди

Турпан земля=POSS3 виноград=DAT богатый быть=PP

‘Земля Турпана была богатой на виноград’

Приведенные примеры являются манифестациями следующей двухактантной модели:

N₁ N₃ Adj (cop) – «кто – кому/чему [на что]- богатый»

Еще примеры:

Мениң оғлум машиңиларға бай [ҺА, ТӘ, 285].

Ме=ниң оғл=ум машина=лар=ға бай

Я=GEN сын=POSS1 машина=PL=DAT богатый

‘Мой сын богат на машины’

Мәзкүр коча әхләткә бай [ТД, 188].

мәзкүр коча әхләт=кә бай

данный улица мусор=DAT богатый

‘Данная улица богата на мусор’

В составе структурной схемы в позиции именного предиката типичны случаи употребления адъективов *бай* ‘богатый’, *сехи* ‘щедрый’, *мәрт* «щедрый». Поскольку мы полагаем, что

синтаксический концепт (пропозиция) противопоставлена семантике бедности, обратимся к модели с соответствующим синтаксическим концептом:

{N₁ N₃ N|Adj (cop)} «кто кому/чему [на что] бедный»

Например:

Хошна Сейит ахчига гадай [АТ, КО, 81].

хошна Сейит ахчи=ға гадай

сосед Сейит деньги= DAT бедный

‘Сосед Сейит беден на деньги’

Беширниң тэрэпдарлири малларга пишишиқ [ТД, 57].

Бешир=ниң тэрэпдар=лир=и мал=лар=ға пишишиқ

Бешир= GEN сторонник=PL=POSS3 товар=PL=DAT

скупой

‘Сторонники Бешира скупы на товары’

Гүләйшәм ахчига ач көз болуп чиқти [П, 125].

Гүләйшәм ахчи=ға ач көз бол=уп чиқ=ти

Гүльайшам деньги=DAT голодный глаза быть=CV выходить= PST

‘Гүльайшам оказалась ненасытной на деньги’

В позиции именного предиката часты такие близкие по значению предикативы, как *гадай* «бедный», *пишишиқ* «прижми-стый», *пиңсиқ* «скупой», *ач көз* «ненасытный», *кәмбәгәл* «бедный» и др.

3.2.3. Глагольно-именные модели с локализаторами

3.2.3.1. Модели местонахождения

Подобные синтаксемы в системе тюркских языков противопоставляются как глагольным, так и именным моделям с актантами и объединяются с такими моделями, как N1N3Vf^{mov} «кто/что – куда – двигаться» Общая семантика «Выражение направленного движения субъекта к некоторому объекту-локализатору»; N1N6Vf^{mov} «кто/что – откуда – прибывать» Общая

семантика «Выражение прибытия субъекта из определенной локации»; N1N3N4Vf «кто – куда – что – перемещать» Общая семантика «Выражение перемещения субъектом объекта из конкретного места в пространстве» (они описываются среди глагольных моделей). Дифференциальным признаком является наличие при предикате и предикативе кроме актантов еще и локализаторов. Ниже описываются только именные модели из этого «смешанного» блока.

3.2.3.2. Модели наличия, отсутствия и количества

N5 N1 Var (cop) «где – кто/что есть/отсутствует/много/мало». Общая семантика «Выражение наличия, отсутствия или количества субъекта(ов) в конкретном пространстве». Примеры.

Астарақ, әву өйдә апам бар, жумуң [ЙТ, ТКА, 162].

Аста=рақ, әву өй=дә апа=м бар, жумун

Тихо=COMP тот дом=ЛОК мать=POSS1 есть понятно=
=MOD

‘Тише, в том доме моя мать есть, понятно’

Лекин қуяшлиқ Чарбағда адәм йоқ [ӘҺ,НА, 94].

Лекин қуяшлиқ Чарбағ=да адәм йоқ

Но солнечный Чарбағ=ЛОК человек нет

‘Однако в солнечном Чарбаге людей нет’

Структурное варьирование моделей наличия определяется следующими модификациями: наличие/отсутствие предиката *бар*: вариант без имени наличия *бар* стилистически ограничен художественной литературой, например:

уйг. *Йезиниң алдида йешил дала* – ‘Перед селом зеленая степь’. Ср. в турецком и калмыцком:

тур. *Evin önünde bir ağaç var.* – ‘Перед домом дерево’;

кали. *Өмннь дээртэ хар толһа* - ‘Спереди потертый черный курган’.

Структурное варьирование также наблюдается в оформлении позиции пространственного конкретизатора формантом аблатива. Ср. пример.

Мәһмут Қәшқәри билән пешқәдәм мүдәррис Ғәззали қәләмкәш мәвланиләр қатаридин орун алған иди [ПЖ, МК, 538].

Мәһмут Қәшқәри билән пешқәдәм мүдәррис Ғәззали қәләмкәш мәвлани=ләр қатар=и=дин орун алған иди

Махмуд Кашгари с заслуженный учитель Газали коллега (по перу) ученый=PI ряд=POSS3=ABL место брать AUX

‘Махмуд Кашгари с заслуженным учителем Газали расположились в ряду ученых-коллег по перу’

Одно из проявлений системности в сфере моделей именных предложений заключается в том, что модели, четко противопоставленные друг другу в своих основных формах и значениях, могут давать функционально близкие варианты, в том числе и синонимичные (квазисинонимичные). Так, например, с предложениями наличия по смыслу сближаются предложения с семантикой обладания, которые не всегда легко разграничить.

Предикат-имя отношения иногда открывает дополнительные валентности, поскольку отношения всегда существуют между как минимум двумя субъектами или объектами. Например:

уйг. *Муһәммәд китапқа бай* – ‘Мухаммад богат на книги’;
Салимә бизниң кичик қизимиз - ‘Салима наша младшая дочка’;

калм. Мана номин саң дегтрәр байн - ‘Наша библиотека богата книгами’, Бадма мана ик сурһулин сән гисн оютн - ‘Бадма лучший студент нашего института’.

В качестве имен отношений выступают, например, термины родства, которые обязательно требуют при себе своеобразного актанта «определителя» в родительном падеже. В отличие от существительных, *прилагательные* «высвечивают» какой-то определенный признак, который приписывается лицу или предмету, названному подлежащим. Например:

уйг. *Мурат қавул* – ‘Мурат сильный’; *Диларам йеқимлиқ* – ‘Диляра приветливая’;

калм. *Күүкн төвшүн* – ‘Девочка спокойная’; *Баатр чаңһ-чи-ирг* – ‘Богатырь выносливый’.

В роли именных предикатов могут выступать также косвенные падежные, падежно-послеложные формы имен и сочетания имен существительных со служебными именами, а также и наречия места. Такие предикаты характерны для моделей, описывающих местонахождение предметов и лиц. Например:

кирг. *Балдар көчөдө* – ‘Дети на улице’;

уйг. *Апам өйдә* – ‘Мама дома’;

калм. *Эк эцк хойр көдлмитән* – ‘Родители на работе’; *Баһчуд зуульчһнд* – ‘Молодежь в путешествии’.

Особое место в системе именных предикатов занимают предикаты *наличия, отсутствия и количества*, предидируемые именам объектов, пребывающих или существующих где-то, в некотором пространстве. Такие предикаты – *бар, йоқ, көп, аз, нурғун* и др. Например:

уйг. *Мәндә китап бар* – ‘У меня есть книга’ Ср.: *Мениң китапим бар* – ‘У меня есть книга (акцент на принадлежность)’. В калмыцком языке используются аффикс –та-тә и формы притяжения:

калм. *Би дегтрәв* – ‘Я имею книгу’ (срав. *Намд дегтр бәәнә* – ‘У меня книга есть’).

В именных моделях тюрко-монгольских языков представлены следующие типы семантического предиката: а) предикаты наличия; б) предикаты отсутствия; в) предикаты количественной характеристики; г) предикаты местонахождения; д) классификационные предикаты; е) предикаты-имена отношения; ж) предикаты качественной характеристики. В исследованных предложениях с предикатами, выраженными именами наличия/отсутствия/ количественной характеристики, в качестве актантов регулярно выступают *субъект* и *актант-локализатор*.

К числу именных моделей местонахождения относится и модель с предикатами, выраженными прилагательными с локативной семантикой на -луу/-лык.

N1 N3/5 Adj=liq (cop) «что – где – располагается». Общая семантика модели «Выражение помещения неопределенным субъектом некоторого объекта в конкретном пространстве». Модель демонстрирует варьирование падежных форм в позиции (N3/5). Примеры.

Кизниң қолтуғида китап-дәптәрләр қистуруғлуқ еди [Т, 201].

Киз=ниң қолтуғ=и=да китап-дәптәр=ләр қистуруғлуқ еди
Девушка=GEN подмышки=POSS3=ЛОК книга-тетрадь=PI
прижатый=POSSV быть=PAST

‘В подмышках девушки были зажаты книги и тетради’

Униң [Гүләйшәмниң.- С.А.] қәлбиниң чоңқур йеридә кимгиду бирсигә йошурун чоғ сақлақлиқ экән [ЗС, ЕТЙ, 173].

У=ниң [Гүләйшәм=ниң.- С.А.] қәлб=и=ниң чоңқур йер=и=дә
ким=гиду бирси=гә йошурун чоғ сақлақлиқ экән

Она=GEN [Гульайшам=GEN.-С.А.] душа=POSS3=GEN глубокий место=POSS3=ЛОК кто=DAT один=POSS=DAT скрытый огонек спрятанный оказывается=MOD

‘В глубине ее [Гульайшам.-С.А.] души хоронилась, оказывается, нерасгоревшаяся искорка страсти к кому-то неизвестному’

Модели состояния

N1 N3/6 Adj (cop) «кто – кому – какой». Общая семантика «Выражение эмоционального состояния субъекта, вызванного определенным объектом».

Маңа қарши сөзлигән адәмләргә мән өлгичә өч [Әһ, НА, 97].

Ма=ңа қарши сөзли=гән адәм=ләр=гә мән өл=гичә өч
Я=DAT против говорить=PART человек=PI=DAT я умирать=
=CV злой

‘Я до смерти зол на людей, выступавших против меня’

Хевир һаман жуганниң көрсәткән сәммимий илтипатидин мәс [ЙТ, ТКА, 128].

Хевир һаман жуган=ниң көрсәт=кән сәммимий илтипати=дин мәс

Хевир все еще молодуха=GEN показывать=PP искренний внимание=ABL пьяный

‘Хевир все еще пьян от искреннего внимания молодой женщины’

Модель **N1 N postp(bilen) Adj (cop)** «кто -чем -занят». Основная семантика модели «Выражение состояния «занятости» субъекта некоторым объектом». Примеры.

Зиндан хизмәтчилири вай датлишип от өчирши билән һәләк еди [Т. һади].

зиндан хизмәтчи=лир=и вай датли=ш=ип от өчир-иш билән һәләк е=ди

тюрьма служащий=PI=POSS3 вопить= RFCIP=CV огонь тушить=PP с занятый быть=PAST

‘Служащие тюрьмы с воплями были заняты тушением огня’

Икки адәм бир нәрсә билән бәнт болуп турупту [Әһ, НА, 174].

икки адәм бир нәрсә билән бәнт бол=уп тур=уп=ту

два человек один вещь с занятый быть=CV стоять=CV=MOD

‘Два человека были заняты чем-то’

Модели отношения

Модель **N1 Npostp(bilen) N1/Adj (cop)** «кто - с кем – кто/какой». Общая семантика модели «Выражение отношений между субъектом и косубъектом». Например:

Сән Рошәнгүл билән яхши едиңгу [газ.].

Сән Рошәнгүл билән яхши еди=ң=ғу

Ты Рушангуль с хороший быть=2SG=MOD

‘Ты же ведь была в хороших отношениях с Рушангуль’

Аридин икки үч-күн өтмәй у [Хевир.- С.А.] һәммимиз билән ич-қоюн, таш-қоюн болуп кәтти [ЙТ, ТКА, 144].

Ари=дин икки-үч күн өт=мэй у [Хевир.- С.А.] һәмми=миз билән ич-қоюн, таш-қоюн бол=уп кэт=ти

Промежуток=ABL два-три день проходить=NEGCV он [Хевир.- С.А.] все=IP1 с внутренний-объятия внешние-объятия быть=CV уходить= AUX= PAST

‘Не прошло и двух-трех дней, как он [Хевир.- С.А.] стал сл всеми нами в близких отношениях’

Бирақ биз улар [Жамалдинкамлар.- С.А.] билән узақ хошна болалмидуқ [ЙТ, ТКА, 93].

Бирақ биз улар [Жамалдин=кам=лар.- С.А.] билән узақ хошна бол=ал=ми=ду=к

Но мы они [Жамалдин-ака и его семья.- С.А.] с долгий сосед быть=PFCIP=NEG=PAST=IP1

‘Но мы с ними [Жамалдин-ака и его семьей.- С.А.] не были долго соседями’

3.3. Модели синтаксем фразеологизированного типа

На периферии синтаксической системы тюркских языков находятся синтаксические идиомы. Синтаксические идиомы – это отдельная разновидность устойчивых единиц языка. Они отличаются от лексических фразеологизмов особенностями структуры. Как единицы языка синтаксические идиомы располагаются на периферии синтаксической системы. Они принадлежат скорее языку выражения эмоций, а не языку описания.

Синтаксические фразеологизмы, а тем более конструкции фразеологизированной структуры отличаются от лексических фразеологизмов. Лексический фразеологизм называется так потому, что главное в нём (то, что делает его устойчивым выражением) – это составляющие его лексемы (т.е. слова). А для синтаксического фразеологизма главное – это его синтаксическая структура.

Фразеологизмы в лексикологии от синтаксических идиом можно отличить, применяя метод подстановки и замены лексического материала. Для этого нужно попробовать поменять

слова, из которых состоит фразеологизм, на другие. Если выражение перестанет быть «устойчивым», перед нами лексический фразеологизм. Возьмём, к примеру, *оң қоли* «правая рука», которое означает ‘помощник/ помощница’. Если мы поменяем какое-то слово на другое (ср. *оң пути* «правая нога» или *сол қоли* «левая рука»), словосочетание перестанет служить эквивалентом слову «помощник»/ «помощница». Значит, это значение утратилось из-за замены составляющих и, значит, *оң қоли* «правая рука» – это лексический фразеологизм.

Теперь обратимся к синтаксической идиоме-фразеологизму *Әр дегән әр* «Мужчина есть мужчина» и попробуем заменить составляющие его слова на другие (например, *Аял дегән аял* «Женщина есть женщина» или *Бала дегән бала* «Ребенок есть ребенок»). Производимые замены не повлияли на значение конструкции, которая всё так же служит для выражения возможности или целесообразности, только с другими составляющими. Зато, если мы попробуем поменять порядок слов, выражение, возможно, рухнет (ср.: **Әр әр дегән*). Таким образом, перед нами синтаксический фразеологизм, в котором важен порядок слов (с определенными грамматическими характеристиками), а не их лексическое значение.

В системе моделей синтаксиса тюркских языков, в частности, современного уйгурского языка, «полновесным» структурно-семантическим моделям противостоят модели-образцы предложений фразеологизированной структуры. Последние отличаются ограничениями, налагаемыми на механизмы лексических вхождений, образования парадигматических форм и распространения моделей. Для синтаксических идиом характерны экспрессивно окрашенная выразительная семантика и связанность структуры. Модели синтаксических идиом делятся на модели предложений собственно фразеологизированной структуры, имеющие жесткие ограничения на синтаксические механизмы функционирования моделей, и модели предложений частично фразеологизированной структуры.

3.3.1. Модели предложений собственно фразеологизированной структуры

Модель N1 *degen* N1 «кто/что - это кто/что (как говорится)». Общая семантика модели «Выражение оценочно-экспрессивной характеристики субъекта как константы». Примеры.

Әр дегән әрдә [ЙТ, ТКА, 139].

Әр де=гән әр=дә

Мужик говорить= NMLZ мужик=PRTCPL

‘Мужчина есть мужчина’

Көп дегән көп экән [ЖБ, К-К, 193].

Көп дегән көп экән

Много говорить= NMLZ много оказывается

‘Коллектив есть коллектив, оказывается’

Ср. в татарском языке, где на элемент константы (уйгурское -дә) указывает наречие *инде* в сочетании со связкой.

Алмагач алмагач инде ул [из песни].

Алмагач алмагач инде ул

Яблоня яблоня теперь она

‘Яблоня она и есть яблоня’

Модель N// N1 <N=*dek*> «кто/что – это кто/что (постоянно)». Общая семантика модели «Выражение постоянства экспрессивной категорической констатации ситуации». В позициях модели встречаются как имена, так и глагольные формы.

Байиқи сөзүм сөз [ҚТ, ҺМ, 87].

байиқи сөз=үм сөз

недавний слово=POSS1 слово

‘Мои прежние слова остаются в силе (букв. прежнее слово мое – слово)’

Гепимиз гәп: кейинки мәшрәпкә әнди бәш төгә, жигирмә бәш қой елип келисиз [ЙТ, ТКА, 114].

Геп=имиз гәп: кейинки мәшрәп=кә әнди бәш төгә, жигирмә бәш қой ел=ип кел=исиз

Речь=POSS1 речь следующий машрап=DAT теперь пять верблюдов двадцать пять овца взять=CV приходит=AUX

‘Наше слово твердое (букв. речь наша – это речь): на следующий машрап-праздник за вами пять верблюдов, двадцать пять овец’

Мошу йәрдә тургинимиз турған [газ.].

Мошу йәр=дә тургин=имиз турған

Это место=LOK стоять=PP=POSS1 стоять=PP

‘Будем стоять на этом месте как стояли’

Модель **N1 bolsa N1 bolsun** «кто/что – так кто/что (пусть будет)». Общая семантика модели «Выражение экспрессивно окрашенной констатации согласия с фактом наличия или отсутствия какой-либо ситуации». Например.

Қиз болса қиз болсун [газ.].

Қиз болса қиз болсун

Девочка если будет девочка пусть будет

‘Девочка так девочка’

Бәш миң болса бәш миң болсун [Т, 248].

Бәш миң болса бәш миң болсун

Пять тысяча будет если пять тысяча пусть будет

‘Пять тысяч так пять тысяч’

3.3.2. Модели предложений частично фразеологизированной структуры

В таких предложениях только отдельные фрагменты, в основном компонент, выражающий предикативный признак, «схватываются» в неизменяемое целое, фразеологизируются. Благодаря своей семантической колоритности, жесткой синтаксической связанности компонентов посредством изафетной связи такие модели вошли в число моделей синтаксем тюркских языков, в частности, современного уйгурского языка. В целях систематизации они могут подразделяться на глагольные и именные модели.

Глагольные модели предложений частично фразеологизированной структуры.

В современном уйгурском языке, как и в других тюркских языках, существуют и часто встречаются высказывания типа:

Балиниң көңли китапқа кәлмәйду [УА].

бали=ниң көңл=и китап=қа кәл=мәй=ду

ребенок=GEN душа=POSS3 книга=DAT приходить=NEG=PASTPR

‘Ребенок не хочет читать книгу’

Йигитниң көңли қизға чүшти [из песни].

йигит=ниң көңл=и қиз=ға чүш=ти

парень=GEN душа=POSS3 девушка=DAT падать=PAST

‘Молодому человеку понравилась девушка’

Балиниң көңли һәдисидин қалди [УА].

бали=ниң көңл=и һәди=си=дин қал=ди

ребенок=GEN душа=POSS3 сестра=POSS3=ABL оставаться=PAST

‘Ребенок разочаровался в своей сестре’

Оставим в стороне те смысловые нюансы, которые связаны с тем, что данные высказывания вырваны из контекста, и обратимся к их семантической структуре. Приведенные примеры возводятся к определенным моделям синтаксем. Первый и второй примеры восходят к структурно-семантической модели с предикатом направленного движения. Семантическая структура модели, представленной третьим примером, включает предикат отчуждения, его субъект и объект. Последний в поверхностной структуре (структурной схеме модели) выражается формой аблатива.

Высказывания типа приведенных воспринимаются как повествующие о эмоционально-психологическом состоянии некоторого субъекта. Когда речь идет об эмоциях, о психологическом состоянии в языках флективного строя, например, в русском языке, используются так называемые абстрактные имена. В тюркских языках, в частности, в современном уйгурском

языке, выражение подобных смыслов часто осуществляется благодаря переносному, метафорическому отображению той или иной ситуации. Причем, как правило, исходным моментом при моделировании в сознании носителей тюркских языков «психологических» ситуаций явились ситуации с чисто пространственными отношениями [ср.: 12]. Так, в приведенных примерах лексема *көңүл* «душа, сердце» употребляется в синтаксической позиции, которая изначально была предназначена для выражения конкретно-предметными именами лиц или предметов, живых существ, совершающих определенное движение, падение, прекращение движения и т.д. В результате изображаемые в реализациях моделей ситуации моделируются таким образом, что, например, возникновение чувств антипатии как бы сопровождается тем, что *көңүл-душа* «не направляется» по направлению к объекту внимания, а при наличии симпатии, напротив, направляется к нему и т.д. Современные носители тюркских языков не воспринимают содержание затронутых синтаксем подобным образом, однако лингвистический анализ показывает, как процессы варьирования моделей, с одной стороны, расширяют диапазон передаваемых смыслов а, с другой стороны, ведут к образованию конструкций частично фразеологизированного типа.

Обратимся далее к другим высказываниям.

Кизниң көзи гүлгә чүшти [П].

киз=ниц көз=и гүл=гә чүш=ти

девушка=GEN глаз=POSS3 цветок=DAT падать=PAST

‘Девушка посмотрела на цветок (букв. глаза девушки упали на цветок)’

Балиниң көзи уйқиға кәтти [УА].

бали=ниц көз=и уйқи=ға кәт=ти

ребенок=GEN глаз=POSS3 сон=DAT уходить=PAST

‘Ребенок задремал (букв. ребенка глаза ко сну ушли)’

В основе таких предложений с фразеологизмами типа *көз//чүшмәк*, *уйқиға кәтмәк* также лежит смысловой перенос. Ср.

Высказывания типа

Бала уйқидин турди [УА].

бала уйқи=дин тур=ди

ребенок сон=ABL встать=PAST

‘Ребенок проснулся (букв. ребенок ото сна встал)’

Предложения-высказывания, имеющие вторую, надстраивающуюся семантическую структуру, «маску» в принципе не являются реализациями полновесных структурно-семантических моделей синтаксем (ЭПП). Взятые сами по себе, они представляют из себя нечто более частное, застывшее и не обладающее в необходимой степени свойством регулярной воспроизводимости. Однако при системном модельном описании синтаксического строя тюркских языков, когда все должно быть «расставлено по местам», что характерно для современной синтаксической науки, эти предложения резонно возводить в качестве вариантов к тем или иным базовым моделям ЭПП. Но в итоге они переходят в разряд синтаксических идиом.

Еще пример.

Гүләйшәмниң қойчига гәзиви кәлди [ЗС, ЕТЙ, 125].

Гүләйшәм=ниң койчи=ға гәзив=и кәл=ди

Гульайшам=GEN овцевод=DAT гнев=POSS3 приходит=

=PAST

‘Гульайшам рассердилась на чабана’

Здесь предикативный признак выражен глагольным фразеологизмом, идиоматичной группой *гәзәп// кәлмәк* «обозлиться, охватить ярость. Лично-притяжательное оформление устойчивого сочетания обуславливает постановку компонента, выражающего субъекта предикативного признака, в форме генитива. Предикативный узел строится по изафетной схеме. Высказывание синонимично реализациям модели со структурной схемой $N1N3Vf^{эмоч}$ пропозицией «кто – на кого – испытывает что (эмоциональное состояние)». Если обратиться к истокам процессов варьирования, то можно видеть, что данная структура частично фразеологизированного типа восходит к модели

с пространственными отношениями движения относительно определенного объекта. Если «вмешивается» косубъект, то в устойчивом сочетании появляются аффиксы аккузатива и повелительного залога – *гэзэн//ни кэл=түр=мэк* «обозлить, вывести из себя».

А теперь позволим себе обратиться к следующему вопросительному высказыванию.

Чүшэнмигэн йериңлар барму? [из радиопередачи].

чүшэн=ми=гэн йер=иңлар бар=му?

понимать=NEG=PASTP место=POSS2PI есть=INTR

‘Все ли вы поняли (букв. непонятое место ваше есть ли)’

Пример восходит к модели экзистенциальных предложений с представленным в семантической структуре предикатом наличия, отсутствия и наличия, его субъектом и пространственным конкретизатором. Упрощая реальную лингвистическую ситуацию, здесь можно заметить, что в данном случае задаваемый вопрос ориентирован на то, что выяснить, все ли из определенной информации, которая была сообщена ранее, понято реципиентами. При этом вся эта информация моделируется в сознании как некое пространство, а тот кусочек-фрагмент информации, который может быть не понят, мыслится как его часть, как определенное место в этом пространстве. Налицо субстратные пространственные отношения, которые лежат в основе высказываний, повествующих о мыслительных процессах понимания или непонимания. Сравним со сказанным выше еще один тип высказываний, в которых речь идет о процессах слухового восприятия и которые также, на наш взгляд, восходят к моделям предложений действия (не состояния). Это предложения следующего типа.

Мэктэп окуғучиси муәллимниң сөзигә қулақ салди [УА].

мэктэп окуғучи=си муәллим=ниң сөз=и=гә қулақ сал=ди

школа ученик=POSS3 учитель=GEN слово=POSS3=DAT ухо положить=PAST

‘Ученик школы прислушался к словам учителя’

Данное предложение, по существу, также в итоге варьирования «выходит» на модель ЭПП с предикатом приближения-помещения «кто/что – куда – что – помещать» - **N1 - N3 – N4 <Np> - Vf^{lok} «кто/что – куда - помещать»**. Вообще, обращаясь к высказываниям с семантикой слухового восприятия, нельзя не обратиться к стандартизированному выражению – этикетно-речевой формуле *Кулигим Сиздэ* «Слушаю Вас». В этой формуле просматривается модель экзистенциальной семантики.

С обсуждаемыми конструкциями можно сравнить и предложения типа:

Муса қаттиқ сөзни көтирәлмәйду [П].

Муса қаттиқ сөз=ни көтир=әл=мәй=ду

Муса крепкое слово=АКК поднимать=СМР=NEG=
=PRFUT

‘Муса не может вынести резких слов (букв. слово поднимать не может)’

Ср. фразеологизм *Сиркиси су көтирәлмәйду* – «не выдержанный».

Наконец, в данном контексте оправданно обратиться к предложениям, а точнее – модальным модификациям многих моделей ЭПП, несущим информацию о желании или, напротив, не желании субъекта совершить какое-либо действие или пребывать в каком-либо состоянии. Мы имеем в виду конструкции следующего типа:

Гөдәкниң тамақ ичкүси кәлди [УА].

Гөдәк=ниң тамақ ич=кү=си кәл=ди

Младенец=GEN пища пить=DSR=POSS3 приходит=
=PAST

‘Младенец захотел кушать’

Қизниң нахша ейткүси кәлди [П].

Қиз=ниң нахша ейт=ку=си кәл=ди

Девушка=GEN песня говорить=DSR=POSS3 приходит=
=PAST

‘Девушке захотелось петь’

В семантической структуре данных предложений-высказываний желание осуществить какое-либо действие или пребывать в определенном состоянии изначально моделируется в виде некоего объекта, приходящего (или не приходящего) из неопределенного места, т. е. способного к перемещению в пространстве. Его «приход» связан с желанием осуществлять действие или пребывать в том или ином состоянии, а «не-приход», напротив, связан с отсутствием такого желания.

Приведенные выше примеры имеют семантическую структуру, складывающуюся как бы из двух уровней. Первый из них моделирует «внешние» ситуации с пространственными отношениями (движение, падение, остановка и т.д. – откуда? куда?), на что указывают такие глагольные предикаты, как *кэ́тмэк* «уходить»; *ка́лмэк* «приходить»; *чу́шмэк* «спускаться»; *тохти-мақ* «останавливаться»; *учмақ* «летать» и др. Очевидно, что это тот самый случай, когда «поскольку внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафоричных смыслах». Второй уровень семантической структуры обсуждаемых высказываний отражает «внутренние» ситуации, связанные с наличием или отсутствием желания осуществлять определенные действия либо пребывать в определенном состоянии.

С точки зрения регулярной воспроизводимости отдельных компонентов, замещения синтаксических позиций такие единицы близки к реализациям фразеологизированных моделей. Эта близость обусловлена замещением позиции предиката фразеологизированными сочетаниями. Форма предиката употребляется в связанном виде. И.Х. Ахматов на материале карачаево-балкарского языка относит такие предложения к классу фразеологизированных предложений [14:298–302; 16:12–13]. Вместе с тем, это, очевидно, все таки синтаксические фразеологизмы иного рода, нежели те, которые можно назвать фразеологизированными моделями. В последних вся синтаксическая струк-

тура «замораживается», допустима лишь простая субституция узкого круга лексики, тогда как в обсуждаемых примерах по существу фразеологизмом заполняется лишь позиция предиката. Но с точки зрения синтаксической семантики все эти предложения, которые И.Х. Ахматов называет косвенно-субъектными, близки друг к другу описанной особенностью двухслойности в формировании семантической структуры на основе метафорического переноса. Ср. Примеры:

карач.-балк. *Менин жаным кетди* «Я перепугался».

тат. *Котым очты* «Я перепугался».

кирг. *Жүрөгүм түштү* «Я перепугался».

карач.-балк. *Анга ауруутийгенди* «Он заболел».

кирг. *Муратка суук тийди* «Мурат заболел».

уйг. *Балига көз тэгди* «Ребенка сглазили».

В контексте данной работы мы полагаем, что в языке вообще, в том числе и в тюркских языках, существует не такое уж значительное количество структурно-семантических моделей синтаксем как сущностных единиц языка, имеющих знаковый характер. Их количество ограничивается несколькими десятками, но именно они в системе представляют ценные драгоценности тюркского синтаксиса. К ним возводятся все прочие синтаксические построения. Они как бы складываются друг в друга, образуя компактное, но динамичное и функциональное гибкое синтаксическое пространство языка. С этой точки зрения, как нам представляется, целесообразно не раздувать количество моделей ЭПП, а, напротив, стараться увидеть те пути и механизмы, по которым они возводятся и складываются в единицы более высокой ступени обобщения. Очевидно, что это должно способствовать более системному видению синтаксического строя тюркских языков, а также целям его описания как единого, четко отлаженного и организованного целого.

В данной работе преследуется цель описать крайнюю периферию синтаксической системы современного уйгурского языка с тем, чтобы полнее оттенить и выделить систему структурно-

семантических моделей элементарного простого предложения, являющегося центральной и базовой синтаксической единицей языка [92:8].

Как известно, в реальной речи чаще представлены не классические «чистые» простые предложения. По словам Н.Д. Арутюновой, за пределами «классических» предложений исследователь попадает в открытое и безбрежное море фраз, составляющих наименее регламентированные в формальном отношении единицы. На полюсе, противоположном «идеальному» предложению, находятся грамматически аморфные фразы, к числу которых относятся диалогические реплики, высказывания, принадлежащие сфере социального этикета, междометийные высказывания [12:320].

Среди таких периферийных структур синтаксиса на материале уйгурского языка можно наметить слова-предложения и примыкающие к ним ответные реактивные реплики в диалогической речи, стереотипные несерийные выражения и формулы речевого этикета. Мы намерены в сжатой форме показать специфику обсуждаемых периферийных устойчивых синтаксических образований с тем, чтобы подчеркнуть ядро системы структурно-семантических моделей простого предложения, показать их взаимоотношения с устойчивыми стереотипами и полнее представить себе общую картину синтаксического строя современного уйгурского языка.

Устойчивые синтаксические структуры несерийного образования

Первая группа устойчивых синтаксических структур под углом зрения настоящей работы перегруппировывается по своему отношению к основной массе структурно-семантических моделей элементарного простого предложения, находящихся в центре синтаксической системы уйгурского языка.

К первой разновидности относятся устойчивые синтаксические единицы. Сохраняющие прозрачные связи со структурно-

семантическими моделями элементарных простых предложений, к которым они сравнительно легко могут быть возведены. Во второй группе устойчивых синтаксических единиц такую связь усмотреть трудно.

Итак, обратимся к первой из намеченных нами выше групп. Согласно нашему видению синтаксического строя современного уйгурского языка, мы склонны назвать их звеном перехода от фразеологизированных моделей простого предложения, находящихся на периферии синтаксиса уйгурского языка, к устойчивым схемам-выражениям, которые отодвигаются еще далее к крайней синтаксической периферии. К таким «переходным» формам, в частности, относятся высказывательные структуры, построенные по модели, которую можно представить при помощи следующей формулы:

N1 N bilen/N5 chattaq// Bar/Yoq (cop)

Они передают информацию о наличии или отсутствии, чаще присутствии, желания субъекта быть осведомленным о некотором объекте.

Принципиальная возможность идентификации и моделирования как формы, так и содержания сближает указанные синтаксические структуры с предложениями. Принимая во внимание компоненты-константы *чаттақ // Бар/Йоқ*, а также «связывающую» тенденцию в употреблении изафетной синтаксической связи, эти высказывательные структуры можно отнести к предложениям частично фразеологизированной структуры. Но, с другой стороны, почти полное отсутствие способности к каким-либо грамматическим видоизменениям, ориентация на употребление в готовом виде, замещение меняющимся лексическим материалом фактически лишь одной синтаксической позиции (*N билән/N5*) при замораживании других позиций-ячеек позволяют интерпретировать подобные структуры как переходящие в разряд устойчивых выражений несерийного образования. Обратимся к примерам.

Оқушуңда мениң чаттигим йоқ [Әһ, НА, 91]. ‘Мне нет дела до твоей учебы (Я не желаю знать что-либо о твоей учебе)’.

Гүлнарниң Хәлмәт билән һеч чаттиги йоқ экән [УА]. ‘Оказывается, Гульнар нет никакого дела до Халмата (Гульнар ничего не желает знать о Халмате)’.

Сән қиливатқан ишиңда чаттигимиз йоқ [УА]. ‘Нам нет дела до того, чем ты занимаешься (Мы не желаем знать, чем ты занимаешься)’.

В последнем примере допускающая лексическое замещение позиция (*N билән/N5*) репрезентирована не падежно-последовательным сочетанием, а словоформой в форме местно-временного падежа. Рассмотренные устойчивые единицы сохраняют устойчивую связь со структурно-семантической моделью простого предложения:

N5 N1–Ваг/Үоқ (сop) «где – кто - присутствует/отсутствует»

Мы склонны видеть в отходе реализаций этой модели от регулярно воспроизводимого к устойчивому характеру своего употребления постепенный процесс структурно-семантического сдвига, в качестве промежуточного этапа в котором, в свою очередь, можно видеть и существование таких предложений-высказываний, как:

Чирайлиқта вапа йоқ [ҚТ, ҺМ, 143] ‘Красивые не верные (букв. У красивой верность отсутствует)’.

Подобные предложения-высказывания употребляются в обобщенном смысле, и в одном этом уже скрывается тенденция к переходу данных структур в разряд устойчивых выражений. Таковую же закономерность можно проследить и на примере другого устойчивого выражения, а именно:

Қалаймиқан күлушкә рухсәт йоқ [УА]. ‘Громко смеяться запрещено (Беспорядочно смеяться разрешение отсутствует)’.

Данное выражение относится к числу штампов. Оно изначально возводится к той же структурно-семантической модели:

N5 N1–Ваг/Үоқ (сop) «где – кто - присутствует/отсутствует»

Здесь в позиции субъектного члена (полежащего) прочно «оседает» компонент *рухсат* «разрешение, позволение», валентность которого открывает позицию для глагольных или именных форм в дативном оформлении. Но для нас сейчас интересно то, что движение к данной структуре-штампу некогда регулярно воспроизводимых реализаций названной выше структурно-семантической модели свободной структуры шло через ступень своего обобщенно-личного употребления.

Таким образом, выше мы остановились на вопросах грамматической природы устойчивых выражений «переходного типа», выступающих в роли своеобразного буферного звена между фразеологизированными моделями простого предложения и выражениями-схемами, к рассмотрению которых мы и переходим ниже.

Схемы – это выражения, которые грамматически не структурируются или частично структурируются и способны образовывать высказывания по грамматическим образцам. К примерам схем-выражений относятся такие структуры, как *Яшисун ...; Tv –ишиниң һажити йоқ; ... –дин/Tv –иштин худа сақлисун; ... –ни/Tv –ишни ким қоюпту; ... Tv –га бәрикалла (апирин); ... –га/ Tv –ишка мубарәк болсун* и др.

Схемы-выражения образуются по жестко заданным образцам путем простой подстановки лексического материала и употребляются почти как готовые выражения. Например:

Қиз балига оқушни ким қоюпту [Т, 227]. ‘Зачем учиться девочкам’.

Шу қизимни демисәм, отунчиликни маңа ким қоюпту [Т, 227]. ‘Если бы не моя дочь, зачем мне это занятие дровосека’.

Бу ялантөшләрниң йеңишидин Худа сақлисун [Т, 250]. – ‘Упаси Бог от вероломства этих голодранцев’.

Схемы употребляются как заранее заданные языковые средства. Их использование активизируется на том или ином этапе развития языка. Так, например, в туркменском языке начиная с 20-х годов в лозунгах, призывах, здравницах предложения начи-

нались со сказуемого-глагола в повелительном наклонении III лица ед. числа. Например:

Яшасын билмек! Ек болсун жахалат!

Данный тип предложений с инверсионными сказуемыми широко используется и в настоящее время.

Синтаксическая система уйгурского языка, как и в других современных тюркских языках, имеет свое ядро, в котором расположены модели элементарных простых предложений и периферию, где можно видеть различные устойчивые синтаксические структуры [105:31]. Их описание открывает картину динамики синтаксиса языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа является в определенной мере следствием вдохновляющего воздействия трудов известного лингвиста XI столетия М. Кашгари - «Диван лугат ат-түрк» и «Китаб жавахир ан нахви фи лугат ат- түрк». Как известно, второе сочинение ученого хотя и было написано раньше первого, но не дошло до нас. Однако его название и лингвистическое мировоззрение автора, акцентирующее при обращении к языкам две системы – лексику и синтаксис, а также методология «Дивана» явились импульсом к работе над нашим исследованием.

Основной целевой установкой при работе над монографией служило намерение идентифицировать и описать те существенные единицы языка на уровне синтаксиса, которые мы называем драгоценностями тюркского синтаксиса. Это синтаксемы, или элементарные, монопропозитивные простые предложения (ЭПП). Они не поддаются непосредственному восприятию, их нельзя видеть, однако они существуют. На уровне языкового подсознания носители тюркских языков их «знают» и автоматически выбирают из этих единиц нужные при порождении мыслей и их выражении в речи.

В отличие от бесконечного числа предложений-высказываний в речи синтаксемы можно задать конечным списком, и это является важной задачей при системном описании тюркского синтаксиса. В работе выделено 48 основных синтаксем. Чтобы их отобразить в научном описании мы прибегаем к помощи моделей, являющихся тем средством, которое позволяет сделать синтаксемы «видимыми».

Синтаксемы (ЭПП) в тюркских языках системно организованы. Они объединяются по признаку их ведущих компонентов в группы и подгруппы, которые взаимно противопоставлены друг другу. Так, 44 модели регулярно воспроизводимых синтаксем противопоставлены 4 моделям собственно фразеологизированной структуры (мы не вводим в список конструкции частично

фразеологизированной структуры). Первые делятся на односоставные (3 модели) и двусоставные (41 модель) синтаксемы. Двусоставные глагольные синтаксемы (17 моделей) противопоставлены именным (19 единиц) по характеру выражаемого предикативного признака. Вместе они противопоставлены блоку моделей, в которых при предикате наряду с актантами представлены еще и пространственные конкретизаторы (5 моделей). Внутри этих блоков отдельные синтаксемы и их варианты также обнаруживают системные межмодельные отношения. Именно системность синтаксем и их способность к широкому варьированию позволяет им быть ценностями тюркского синтаксиса. Несмотря на их относительно малое количество по сравнению со словами в лексике языка, они обуславливают способность тюркских языков передавать весь жизненный опыт их носителей и описывать любую ситуацию. В предикатах синтаксем, как в зародыше, скрыты формы, представляющие ситуации из реальности. Этим и ценен предикативный способ выражения мыслительных структур.

Варьирование синтаксем и их идиоматизация влекут за собой выражение особенностей языковой «картины мира» носителей тюркских языков на местах. Они позволяют передавать в языке изысканные образцы богатого фольклора, которые собираются диалектологами начиная с М. Кашгари.

Значимость синтаксем (ЭПП) для тюркских языков также обусловлена тем, что другие единицы (конструкции) синтаксиса – словосочетания, моно- и полипредикативные предложения разной степени сложности благодаря синтаксическим механизмам формируются на основе ЭПП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев С. Н. Полипредикативные предложения с подлежащей зависимой частью в уйгурском языке // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата: Наука, 1988. С. 103-113.

2. Абдуллаев С.Н. Модели простого предложения в современном уйгурском языке // Предложение в языках Сибири.-Новосибирск: Наука, 1989.- С. 36-47.

3. Абдуллаев С. Н. Модальные модификации как парадигматические формы моделей предложения в уйгурском языке // Иностранные языки в современном мире: сб. мат-лов I Казанского междунар. лингвист. форума. – Казань, 2020. – С. 18-26.

4. Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С. Парадигматика элементарных простых предложений в современном уйгурском языке // Вестник Калмыцкого университета, 2014. – № 2(22). – С. 38-40.

5. Абдуллаев С.Н., Мушаев В.Н., Озонова А.А. Структура и семантика оценочных полипредикативных конструкций в тюркских и монгольских языках // Модально-оценочные конструкции в монгольских и тюркских языках. – Элиста, 2021. – С. 6-23.

6. Абдуллаева Г.С. Модели простых предложений со значением свобода и богатство в уйгурском языке // Вопросы моделирования коммуникативных единиц монгольских и тюркских языков.-Элиста, 2023.- С. 80-92.

7. Авакова Р. А. Лексико-грамматический состав глагольных фразеологизмов современного уйгурского языка // Маловские чтения: Материалы конференции.-Алма-Ата: Гылым, 1990.-С. 38-44.

8. Адмони В.Г. Сложносвязное предложение в тюркских языках // Советская тюркология.-1982.-№ 3.-С. 30-35.

9. Арват Н.Н, Семантическая структура односоставных предложений // Проблемы грамматической семантики.-Ростов-на-Д., 1975.-С.3-11.

10. Арват Н.Н. Вариативность в сфере выражения состояния // Вариативность как свойство языковой системы: Тез. Докл.-Ч.1.-Москва: Наука, 1982.-С. 11-12.

11. Арутюнова Н. Д. Синтаксис//Общее языкознание. Внутренняя структура языка. Москва: Наука, 1972.
12. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука, 1988.
13. Ахматов И.Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. Основные вопросы теории. - Нальчик: Эльбрус, 1983.-360 с.
14. Ахматов И.Х. Полипредикативные конструкции с субъектными оборотами в тюркских языках // Советская тюркология.-1988.-№ 2.- С.24-32.
15. Ахматов И.Х. Формально-семантический анализ косвенно-субъектных предложений в тюркских языках // Советская тюркология.-1989.-№ 6.-С.11–17.
16. Байжанова Н.Р. Модели элементарных простых предложений в алтайском языке: Структурная схема N1 Vf. Новосибирск: Наука, 2004. - 176 с.
17. Баскаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словосочетание и предложение.-Москва: Наука, 1975.-288 с.
18. Бембеев Е.В., Бутаева А.О., Далюева Г.Х. Модели простого предложения S1 + N + (COP1) b S1 + ADJ + (SOP1) в калмыцком языке: предварительные замечания//Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 129-136.
19. Белошапкова В.А. Структурная схема предложения // Современный русский язык/ Под ред. Белошапковой В.А. – Москва, 1981; 2-е изд., 1989.
20. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения.-Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.-205 с.
21. Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц / И.М. Богуславский. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
22. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. –Ленинград : Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Енукидзе, 1929, 436 с.

23. Волохина Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. Воронеж, 1999
24. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 229 с.
25. Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. - Москва : Наука, 1973. - 408 с.
26. Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис.-Москва: Наука, 1986.-285 с.
27. Дмитриев Н.К. Детали простого предложения // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.-ч.3.-Синтаксис.-Москва: Изд-во АН СССР, 1956.- С. 5-15.
28. Ефремов Н. Н. Подлежащие сложноподчиненные предложения // Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис. Новосибирск: Наука, 1995. С. 222-224.
29. Ефремов Н.Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. - 193 с.
30. Жанпеисова Н.М., Жумаханова А.Ж. Концепт СВОБОДА в английской, русской и казахской лингвокультурах // Наука вчера, сегодня, завтра. 2014. № 6 (13). С. 81-87.
31. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка.-Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963.-464 с.
32. Зыкин А.В. Полипредикативные конструкции актантного типа в шорском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20, Новокузнецк, 2008.
33. Исследования по грамматике калмыцкого языка. (Ред. С.С. Сай и др.). - СПб.: Наука, 2009. 895 с.
34. Қәшғари М. Диван луғәт ат-түрк.- т. 1.-Үрүмчи, 1981.-689 с.
35. Қәшғари М. Диван луғәт ат-түрк.- т. 2.-Үрүмчи, 1983.-535 с.
36. Қәшғари М. Диван луғәт ат-түрк.- т. 3.-Үрүмчи, 1984.-614 с.
37. Кошкарева Н.Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка// Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т.4,

вып. 2.- С. 64-76.

38. Крылова О.А. Структурные схемы и актуальное членение предложения // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2012, № 2.-С. 6-14.

39. Кузьмина С.Е. Понятие «синтаксический концепт» в лингвистических исследованиях // Вестник Челябинского государственного университета.- 2012.- № 17 (271).- Вып. 66.-С. 87-90.

40. Майзель С.С. Изафет в турецком языке.-Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1957.-187 с.

41. Малов С.Е. Уйгурский язык. Хамийское наречие. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1954.-204 с.

42. Махмудов Н. Узбек тили синтаксининг долзарб масалалари // Узбек тили ва адабиети.-Тошкент, 1990.-2-сон.- 23-27 бетлар.

43. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи.-Ленинград: Наука, 1978.-388 с.

44. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Высш. школа, 1981. - 175 с.

45. Мушаев В.Н. Структура и семантика калмыцкого предложения.-Элиста: «Джангар», 2005.-382 с.

46. Нигматов Х.Г., Абдуллаев К.М., Банару В.И., Халияров Х.Х., Махмудов Н.М., Нурманов А., Сайфуллаева Р.Р. Способы синтаксической связи и актуальные вопросы тюркского синтаксиса // Советская тюркология.-1988.-№ 4.- С.3-8.

47. Невская И. А., Озонова А. А. Опыт составления анкеты по именованным предложениям в южносибирских тюркских языках и первые результаты ее применения // Урало-алтайские исследования, 2019. – № 3 (34). – С. 84–123.

48. Николаева Т.М. О функциональных категориях функциональной грамматики // Синтаксис текста.-Москва: Наука, 1979.- С. 37-49.

49. Нурмаханова З.Н. Турк1 т1лдер1н1ң салыстырмалы грамматикасы, Алматы: «Мектеп», 1971.- 290 с.

50. Озонова А. А. Именные модели элементарного простого

предложения релятивной семантики в алтайском языке // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 19-20 мая 2016. –Абакан, Республика Хакасия. Абакан, 2016. – С. 128–130.

51. Омакаева Э.У. Типология моделиобразующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории. Улаанбаатар. 2011. 240 с

52. Ооржак Б.Ч., Хертек А.Б., Салчак А.Я. Синтаксические связи слов и модели словосочетаний в тувинском языке // Вопросы моделирования коммуникативных единиц монгольских и тюркских языков.-Элиста, 2023.-С. 44-66.

53. Попова З. Д. Способы вербализации концептов как проблема когнитивной лингвистики // *Respectus Philologicus*. 2009. Issue 16 (21). P. 56–61).

54. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Изд-е 2-е. Воронеж: Истоки, 2002. 189 с.

55. Поцелуевский Е.А. Тюркский трехчлен.-Москва: Нака, 1967.-135 с.

56. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения.-Киев: Вища школа, 1971.-192 с.

57. Предикативное склонение причастий в алтайских языках / Черемисина М.И., Бродская Л.М., Горелова Л.М. и др.-Новосибирск: Наука, 1984.-192 с.

58. Принципы моделирования структуры и семантики предложения: Сб. науч. тр. - Новосибирск, 2004. - 166 с.

59. Серебренников Б.А. Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: учебное пособие для вузов / Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. - Баку : Маариф, 1979. - 304 с.;

60. Серээдар Н.Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: Дис ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1995. 160 с.

61. Серээдар Н.Ч., Скрибник Е.К., Черемисина М.И. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной

Сибири. – Новосибирск, 1996.

62. Скрибник Е.К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск, 1988.-198 с.

63. Соегов М. Развитие синтаксической системы туркменского литературного языка в советскую эпоху. Ашхабад, 1991.

64. Строй уйгурского языка. –Алма-Ата: Наука, 1989.-472 с.

65. Тыбыкова А.Т. Структурно-семантическая характеристика простого предложения в алтайском языке. – Новосибирск, 1991.-226 с.

66. Садвакасов Г. С., Абдуллаев С. Н. Употребление союза –ки в современном уйгурском языке // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды Международной конференции в 3-х томах. Т. 1. Казань, 1992. С. 263-265.

67. Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Конструкции с оценочными предикативами в русском языке: участники в ситуации оценки и семантика оценочно предиката // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 10 (2). 2014. С. 443-478.

68. Сибгатов Р.Г. Проблема предикативности: различные подходы к ее решению // Советская тюркология.-1977.-№ 2.-С.3-14.

69. Скрибник Е.К Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. – Новосибирск: Наука, 1988. – 198 с.

70. Скрибник Е.К., Даржаева Н.Б, Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – Том I. – 315 с.

71. Солохина А. С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах [Текст]: дис. .канд. филол. наук / А.С. Солохина. – М., 2005. – 191 с.

72. Строй уйгурского языка. Алма-Ата: Наука, 1989.-472 с.

73. Структурные типы полипредикативных синтетических конструкций в языках разных систем.-Новосибирск: Наука,1985.-320 с.

74. Сусов И.П. Семантическая структура предложения.- Тула:

Изд-во Тульского гос. пед-та, 1973.-142 с.

75. Телия В.Н. Фразеология // Общее языкознание внутренняя структура языка.-Москва: Наука, 1972.-С 456-515.

76. Темиргазина З. К. Лингвистическая аксиология: оценочные высказывания в русском языке. Москва: Флинта, 2015. -248 с.

77. Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка.-Москва: Наука, 1975.-308 с.

78. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса.-Москва: Прогресс, 1988.-656 с.

79. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 1. Простое предложение.-Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950. – 304 с.

80. Убрятова Е.И. Согласование в якутском языке // Исследования по синтаксису тюркских языков.-Москва: Изд-во вост. лит., 1962.-С.101-188.

81. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. 2. Сложное предложение. Книга первая. Новосибирск: Наука, 1976. 215 с.

82. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. 2. Сложное предложение. Книга вторая. Новосибирск: Наука, 1976. 145 с.

83. Убрятова Е.И. Предикативное склонение в якутском языке // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири.-Новосибирск: Наука, 1981.-С. 3-11.

84. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике.-Москва: Изд-во иностр. лит., 1962.-Вып. 2.-С. 412-527.

85. Назирки заман уйгур тили. II қисим. Морфология вэ синтаксис. - Алмута: Наука, 1966.- 456 бэт.

86. Цыганская О.Г., Борисова Т.Г. Синтаксический концепт: критерии и методы анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики.- Тамбов: Грамота, 2019.- Том 12.-Вып. 2.- С. 119-123.

87. Чейф У.Л. Значение и структура языка.-Москва: Прогресс, 1975.-432 с.

88. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение ре-

чи.-Москва: Наука, 1991.-240 с.

89. Черемисина М.И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. – Новосибирск, 1989.- С. 3-18.

90. Черемисина М.И. Языковая «картина мира» в ее отношении к моделям элементарных простых предложений // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Сборник тезисов научной конференции, посвященной 35-летию гуманитарного факультета НГУ,-Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997.-С. 219-222.

91. Черемисина М. И. Итоги исследования простого предложения в языках Сибири//Языки коренных народов Сибири. Вып. 4.- Новосибирск, 1998.-С. 3-30.

92. Черемисина М. И. Структурно-семантические типы изъяснительных предложений с ЗПЕ в функции подлежащего // Теоретические вопросы алтайской грамматики. Горно-Алтайск, 2002. С. 75-88.

93. Черемисина М.И. О системности в сфере моделей предложения// Строение предложения в языках разных систем. – Новосибирск, 1992.

94. Черемисина М. И., Бродская Л. М., Горелова Л. М. и др.Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984. 192 с.

95. Черемисина М.И., Колосова Т.А. О структурной модели и семантике предложения // Вопросы грамматики и лексикологии в историческом и синхронном освещении. – Новосибирск: НГУ, 1994.

96. Черемисина М.И., Скрибник Е.К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири// Гуманитарные науки в Сибири. – 1996, № 4.

97. Шамина Л. А. Модели изъяснительных ППК с именными сказуемыми в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 5. Новосибирск, 1999. С. 70-84.

98. Шамина Л.А. Система бипредикативных конструкций с инфинитивными формами глагола в тюркских языках Южной Си-

бири.-Дис. ...д-ра филол. наук. Новосибирск, 2004.

99. Шаповалова О.И. Семантико-функциональная поле предложений со значением количества в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 7 (61). – Ч. 2. – С. 194–197.

100. Шведова Н.Ю. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970.

101. Ширалиев М. Ш. Сложноподчиненное предложение в азербайджанском языке // Вопросы языкознания. № 1. М., 1956. С. 93-99.

102. Шмелева Т.В.. О семантике структурной схемы предложения // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1978. – Т. 37. № 4. – С. 354–361.

103. Юлдашев М.М. Изъяснительные конструкции (ИК) с двойной синтаксической связью компонентов // Вопросы советской тюркологии: Тез. докл. и сообщ.-Ашхабад, 1985.-С.182-183.

104. Юхансон Л. Определенность и актуальное членение в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике.- Вып. 19.-Проблемы современной тюркологии.-Москва: Прогресс,1987.- С.398-425.

105. Abdullayev S. Models of Simple Sentences in Uyghur and English languages. Karakol, 2018.-152 с.

Список текстовых источников

Алтайский язык

- АА, ӨЧК – А. Адаров. Өлүмнин чанкыр кужы. Горно-Алтайск, 1993.
АЧ - газета «Алтайдын чолмоны»
ЖК, ҮСА – Ж. Каинчин. Үч-Сүмер алдында. Горно-Алтайск, 1986.
ИШ, КЈ – И. Шодоев. Кызаланду жылдар. Горно-Алтайск, 1974.
КТ, КЈ2 – К. Төлөсөв. Кадын јаскыда. Горно-Алтайск, 1987.
СС, АКС – С. Суразаков. Алтайым керегинде сөс. Горно-Алтайск, 1985.
ТШ, БЭИ – Т. Шинжин. Ырыс экелген ижемји. Горно-Алтайск, 1986.
ЭП, А – Э. Палкин. Алан. Горно-Алтайск, 1978.

Уйгурский язык

- АТ, ҚӨ – А. Талип. Қайнам өркиши.-Үрүмчи, 1983.
Аһ, ОЧ – Абдуллин Һ. Отлуқ чәмбәр. Алмута, 1982.
ӘҚһһ – Әхмәтжан Қасимий һәққидә һекайиләр.- Үрүмчи, 1979.
Әһ, НА – Ә. һаширов. Нур ана.- Алмута, 1985.
газ. - газета
ДЛТ – М. Кашгари. Диван Лугат ат-Турк.- Алматы, 2005.
ЖБ, К-К – Ж. Босақов.-Көч-көч.-Алмута, 1983.
ЗС, ЖС – З. Сәмәдий. Жиллар сири.- Алмута, 1983.
ЗС, ЕТЙ – З. Сабир. Еһ, топилиқ йол // Пәрваз.-1981.-№ 2.
ЙТ, ТКА – Й. Тайиров. Тар кочидики ай.-Алмута, 1987.
ҚТ, һМ – Қ. Тохтәмов. һаятқа муһәббәт.-Алмута, 1982.
ЛМ, МН – Л. Мутәллип. Муһәббәт вә нәпрәт.-Үрүмчи, 1955.
МР, БЖ – М. Розиев. Боранлиқ жиллар: һекайиләр вә хатириләр.-Алмута, 1983.
Н – Нури.-Үрүмчи, 1984.
П – Пәрваз. Литературно-художественный альманах
ПЖ, МҚ – П. Жилан. Маһмут Қәшқәри.- Үрүмчи.-1996,
разг. – разговорный
С.Е. Малов – С.Е. Малов. Уйгурский язык. Хамийское наречие: Тексты, переводы, словарь.-Москва-Ленинград, 1954.

СС, ШД – С. Соловейчик. Шагиртлик дэври.-Алмута, 1981.
СТОК – Синиптин ташқири окуш китаби.-Алмута, 1979.
Т (ТД) – Тарим долкунлири.-Алмута, 1989.
УА – Уйғур авазы (газета)
ҺА, ӨЧ – Һ. Абдуллин. Отлук чэмбэр.-Алмута, 1982.
ҺА, ТӘ – Һ. Абдуллин. Талланма эсэрлэр. Т. 1.-Алмута, 1981.
ШШ, ЙҚ – Ш. Шаваев. Йоқалған қәләм.-Алмута, 1982.

Калмыцкий язык

КНК – Калмыцкий национальный корпус. http://web-corpora.net/KalmykCorpus/search/index.php?interface_language=ru
ЭК. ҺХ – Эрнжәнә Константин. Һалан хадһл. /
ХУ. 2006 – Хальмг үнн. 2006. / (газета)
ИН. А – Илюмжин Николай. Абиль. /Гвардейцнр.
КЭБ – Калмыцкая электронная библиотека. <http://halmglib.org/>:
БалА. ҺЗ – Балакан Алексей. Һурвн зург /
ИЛ. ХӨ – Инжин Лиж. Харалта өдрмүд. /
БА. УЭБ – Бадмин Алексей. Усна экн – булг. /
БТ. БЦ – Бембин Тимофей. Бамб цецг. /
БА. ЗТН – Бадмин Алексей. Зултрһн – теегин ноһан. /
БА. АШД – Бадмин Алексей. Алтн шорад даргддго. /
ББ.БО – Басңга Баатр. Бумбин орн. – Элст, 1981 – 431 х.
ИЛ. ОК – Инжин Лиж. Ольдан күүкн. – Элст, 1963. –279 х.
ОУ. ӨЦХК – Очра Уташ. Өдгә цагин хальмг келн. – Элст. 2011. – 228 х.
РР – из калмыцкой разговорной речи.
ЗТ – Зүркни таалар (келврумуд болн очерке). – Элиста. 1965. –340 х.
газ. – газета
разг. – разговорное
фольк. - фольклор

Татарский

КН, ЯЖ – К.Нәжми. Язгы жиллэр.-Казан, 1958.
СР, БЯ – С. Рафиков. Беренче яз.- Казан, 1976.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Список сокращений языков

алт. – алтайский язык

англ. – английский язык

башк. – башкирский

каз. – казахский язык

калм. – калмыцкий язык

карач. – балк. – карачаево-балкарский язык

карах. – уйг. – караханидско-уйгурский язык

кирг. – киргизский язык

тат. – татарский язык

тув. – тувинский язык

тур. – турецкий язык

узб. – узбекский

уйг. – уйгурский язык

хак. – хакасский

шор. – шорский язык

якут. – якутский язык

Список условных сокращений и обозначений грамматических значений

в глоссах

1Pl, 2Pl, 3Pl – личные аффиксы 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа; 1SG, 2SG, 3SG – личные аффиксы 1-го, 2-го и 3-го лица единственного числа; ABL – исходный падеж; ACC – винительный падеж; ASSOC – ассоциатив (совместный падеж), AUX – вспомогательный глагол; CAUS – каузатив (побудительный залог), CONJ – союз; COP – связка; CV – деепричастие; CV.ANT – разделительное деепричастие, CV.COND – условное деепричастие, CV.IPFV – соединительное деепричастие, CV.TERM – предельное деепричастие, DAT – дательный падеж; DIR – направительный падеж, GEN – родительный падеж; INS – орудный падеж, IMP – повелительное наклонение; LOC – местный падеж; MOD – модальное слово, NEG – отрицательная форма глагола, причастия, деепричастия; NOM – именительный падеж; NMLZ – номинализатор; PASS – страдательный залог; PART – причастие; Pl – множественное число; POSS – аффикс принадлежности; POSSV – форма обладания; POSTP – послелог; COMP – сравнительная степень прилагательного; PP – причастие прошедшего времени; PROG – прогрессив (длительный вид); PrP – причастие настоящего-будущего времени; PRS – настоящее конкретное время; PRTCL – частица; PST – недавно-прошедшее время; PTCP.FUT – причастие будущего времени; PTCP.HAB – многократное причастие, PTCP.PST – причастие прошедшего времени; RFCIP – взаимно-совместный залог; SG – единственное число; Ø – нулевая морфема; знак равенства – морфемный шов при словоизменяемых и формообразовательных аффиксах.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

СПИСОК моделей синтаксем (ЭПП)

МОДЕЛИ ОДНОСОСТАВНЫХ СИНТАКСЕМ

1. **N3 Adj (cop) «кому - каково»**. Общая семантика «Выражение состояния некоторого субъекта».
2. **N₁ (cop) «кто / что»**. Общая семантика «Выражение состояния наличия, существования предмета или явления».
3. **Vf₃ «что делает (кто-то)»**. Общая семантика модели «Выражение действия, совершаемого неопределенным лицом».

МОДЕЛИ ДВУСОСТАВНЫХ СИНТАКСЕМ ГЛАГОЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СИНТАКСЕМ

Одноактантных глагольные модели ЭПП

1. **N1 ⇔ Vf^{stat} «кто - что делает (в каком состоянии находится)»**. Общая семантика «Выражение психофизического состояния субъекта».
2. **N1 ⇔ Vf «кто/что - что (может) делать»**. Общая семантика «Выражение действия субъекта как его свойства».

Двухактантные глагольные модели

1. **N1 – N 1/4/6 – Vf «кто/что - что\кого - что делать»** Общая семантика «Выражение действия субъекта, которое направлено на определенный объект».
2. **N1 – N4 – Vf^{ment} «кто – кого - думать»**. Общая семантика «Выражение ментальной деятельности субъекта, направленной на определенный объект».
3. **N1 – N4 - Vf^{emot} «кто/что - кого \ к кому как относится»** Общая семантика «Выражение эмоционального состояния субъекта относительно объекта».

4. **N1 – N4/6 – Vf** ^{consume} «кто/что – чего - что делать=потреблять» Общая семантика «Выражение процесса потребления субъектом объекта или его части».
5. **N1 – N3/4 <N2 кэйнидин> - Vf** ^{gual} «кто - кому\кого - что делать=следовать». Общая семантика «Выражение «преследования» субъектом объекта».
6. **N1 – N3 <N1/2 postp> - Vf** ^{mov} «кто/что – куда - что делает=движется». Общая семантика «Выражение движения субъекта по направлению к некоторому объекту».
7. **N_{Nom}^SNumN_{Dat} Vf** ^{Mot} «кто - в какой возраст - входит». Общая семантика «Выражение возрастной характеристики субъекта».
8. **N1 – N3 <N2 postp> - Vf** «кто/что - кого - что делает=воспринимает» Общая семантика «Выражение направленного восприятия субъектом некоторого объекта».
9. **N1 – N3/6 - Vf** ^{emotion} «кто - на кого - что испытывает». Общая семантика «Выражение эмоционального состояния субъекта как реакцию на некоторый объект-стимул».

Трехактантные глагольные модели

1. **N1 – N4 – N3 – Vf** «кто/кому – что - передавать» Общая семантика «Выражение акта передачи объекта субъектом адресату».
2. **N1 – N4 – N3 <Np> - Vf** ^{speech} «кто/кому - что - повествовать» Общая семантика «Выражение информации субъектом объекту о некоем объекте».
3. **N1 - N3 – N4 <N p> - Vf** ^{lok} «кто/что – куда - помещать» Общая семантика «Выражение локализации субъектом некоего объекта в пространстве».
4. **N1 – N3 – N билэн – Vf** «кто/кому - чем - что делать». Общая семантика «Выражение направленного воздействия субъектом на объект посредством некоего орудия».
5. **N1 – N4 – N6 -Vf** «кто/что - у кого - что - получать». Общая семантика «Выражение получения субъектом некоторого объекта».
6. **N1 – N4 – N6 – Vf** «кто/что - от кого - отделять». Общая семантика «Выражение отчуждения субъектом некоего объекта от другого объекта».

ИМЕННЫЕ МОДЕЛИ СИНТАКСЕМ

Одноактантные модели ЭПШ с именным предикатом

1. **N1** ⇔ **N1 (cop)** «кто\что – кто\что (есть)». Общая семантика «Выражение квалификации некоторого субъекта-носителя признака».
2. **N1** ⇔ **N_{pl}6 (cop)** «кто\что – из числа кого\чего (есть)». Общая семантика «Выражение квалификации субъекта-носителя признака путем его соотнесения с классом лиц, предметов, явлений».
3. **N1** ⇔ **N post (cop)** «что – о чем [есть]». Общая семантика «Выражение квалификации субъекта с точки зрения его содержания».
4. **N1** ⇔ **Tv-ish6 ibaret (cop)** «кто\что – состоит из чего». Общая семантика «Выражение квалификации субъекта путем его конкретизации и уточнения».
5. **N1** ⇔ **Adj (cop)** «кто – каков (состояние)». Общая семантика «Выражение состояния некоторого субъекта».
6. **N1** ⇔ **N=liq/siz (cop)** «кто – имеющий/не имеющий что». Общая семантика «Выражение обладания/необладания субъектом некоторым объектом».
7. **N1** ⇔ **N2 <N=ningki> (cop)** «кто/что – кого\чье». Общая семантика «Выражение факта принадлежности субъекта другому субъекту».
8. **N1** ⇔ **Adj^{mark} (cop)** «кто/что каков (оценка)». Общая семантика «Выражение оценочной характеристики субъекта по какому-либо признаку».
9. **N1** ⇔ **Adj M1 (cop)** «этот кто/что – какой кто/ что [есть]». Общая семантика «Выражение квалификационной характеристики субъекта в форме сентенции».
10. **N1** ⇔ **Num (cop)** «кто/что – в каком количестве». Общая семантика «Выражение количественной оценки-определения субъекта».

Двухактантным модели ЭПП с именным предикатом

1. **N1 – N3 - Adj (cop) «кто/что - (к) кому/чему - склонен».** Общая семантика «Выражение квалификации субъекта по признаку его «склонности» к чему-либо».
2. **N1 – N6 - <N6 kore, N3 qarighanda> - Adj (cop) «кто/что - кого/чего (по сравнению с кем/чем) - каков».** Общая семантика «Выражение квалификации-оценки субъекта путем его сравнения с некоторым объектом».
3. **N1 – N3 – Adj (cop) «кто/что кому/чему каков».** Общая семантика модели «Выражение оценки субъекта с точки зрения некоторого объекта».
4. **N2 ↔ N// - Bar (cop) «чье -кто/что - есть».** Общая семантика «Выражение наличия или отсутствия у некоторого субъекта как обладателя (в широком смысле) некоторого объекта как обладаемого».
5. **N1 – N6 – kheverdar/kheversiz (cop) «кто/что – о чем – осведомлен/не осведомлен».** Общая семантика модели «Выражение наличия или отсутствия у субъекта информации о некотором объекте».
6. **N1 – N3 – N1 (cop) «кто – кому/чему – владелец».** Общая семантика «Выражение факта обладания субъектом некоторым объектом».
7. **N1 N3/6 Adj (cop) «кто – кому – какой».** Общая семантика «Выражение эмоционального состояния субъекта, вызванного определенным объектом».
8. **N1 N postp(bilen) Adj (cop) «кто -чем -занят».** Основная семантика модели «Выражение состояния «занятости» субъекта некоторым объектом».
9. **N1 Npostp(bilen) N1/Adj (cop) «кто - с кем – кто/какой».** Общая семантика модели «Выражение отношений между субъектом и косубъектом».

Глагольно-именные модели с локализаторами

1. **N5N1 Bar (cop)** «где – кто/что есть/отсутствует/много/мало». Общая семантика «Выражение наличия, отсутствия и количества субъекта(ов) в конкретном пространстве».
2. **N1 N3/5 Adj=liq (cop)** «что – где – располагается». Общая семантика модели «Выражение неопределенным субъектом некоторого объекта в конкретном пространстве».
3. **N1N3Vf^{mov}** «кто/что – куда – двигаться». Общая семантика «Выражение направленного движения субъекта к некоторому объекту-локализатору».
4. **N1N6Vf^{mov}** «кто/что – откуда – прибывать». Общая семантика «Выражение прибытия субъекта из определенной локации».
5. **N1N3N4Vf** «кто – куда – что – перемещать». Общая семантика «Выражение перемещения субъектом объекта из конкретного места в пространстве».

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ МОДЕЛИ

1. **N1 degen N1** «кто/что - это кто/что (как говорится)». Общая семантика модели «Выражение оценочно-экспрессивной характеристики субъекта как константы».
2. **N// N1 <N=dek>** «кто/что – это кто/что (постоянно)». Общая семантика модели «Выражение постоянства экспрессивной категорической констатации ситуации».
3. **N1 Tv=sa// boldi/bolghini** «только бы что-то сделать». Общая семантика «Выражение действия как предельного желания субъекта».
4. **N1 bolsa N1 bolsun** «кто/что – так кто/что (пусть будет)». Общая семантика модели «Выражение экспрессивно окрашенной констатации согласия с фактом наличия или отсутствия какой-либо ситуации».

АБДУЛЛАЕВ Сайфулла Нурмухаммедович

**ДРАГОЦЕННОСТИ ТЮРКСКОГО
СИНТАКСИСА**

Научное издание

*Подготовлено к печати Фондом культуры
тюркских народов*

Редакторы:

Ефремов Николай Николаевич

Мушаев Владимир Наранович

Махпиров Карлин Нурдинович

Компьютерная верстка – Сабитов С.

Дизайн – Султанова З.

Подписано в печать 06.09.2024 г.

Формат издания 60/90/16

Офсетная печать. Гарнитура Times New Roman

Усл.-печ.л. 13.

Тираж 500 экз.

ТОО “Издательский дом “МИР”

г. Алматы, ул. Жибек Жолы, 64, офис 803.

Тел.: 8/727/273-39-89, 328-12-66